

Парк Белинского

Общественно-политический,
историко-публицистический,
литературно-художественный
журнал

№ 1 (3), март 2013

Содержание

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Валентин Мануйлов.

Национальная идея = чувство собственного достоинства 4

МЕТОДОЛОГИЯ

Михаил Полубояров.

Где рождаются герои 18

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРАКТИКА

Анна Уайт.

Посткоммунистические тенденции
в трудовой миграции. Россия и Польша:
опыт сравнительного анализа.....34

ПРОСВЕТИТЕЛЬСТВО

Дина Мануйлова.

Конфессиональная
идентичность в российском провинциальном
самосознании.....54

ДЕТАЛИ

Александр Ципко.

По тонкому льду 62

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

Сергей Долженков.

Судьба галереи 86

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ИСТОКАМ

Юрий Фадеев.

Несовпадение. О прозе Михаила Вайнера 96

ТЕКСТ

Михаил Вайнер.

Приметы моего времени 122

Евгений Брейдо.	
Агент	142
Мария Сакович.	
Из цикла «Я хочу засыпать не одна»	148
Мария Сакович.	
Если захочешь меня увидеть	154
Юрий Фадеев.	
Боже, царя храни	160
ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ	
Переписка с авторами и читателями	194

(12)+

«Парк Белинского» • Общественно-политический, историко-публицистический и литературно-художественный журнал. № 1, март 2013 года. Свидетельство о регистрации средства массовой информации: ПИ № 58-0153 от 7 марта 2012 г. Управление Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Пензенской области • Учредитель: Мануйлов Валентин Игоревич • Главный редактор: Мануйлов Валентин Игоревич • Издающая организация (редакция): Автономная некоммерческая организация «Издательский Дом «Валентин Мануйлов»». Адрес: 440600, г. Пенза, ул. Московская, д. 74, офис 234 • Телефон: 8 (841-2) 56-24-00 • Электронная почта: um-penza@sura.ru • Дизайн: Оксана Маслова • Препресс: Валерий Страшнов • Отпечатано с готового оригинал-макета в ООО «Типографии № 1». Адрес: г. Пенза, ул. Саранская, д. 78 • Сдано в набор: 14 января 2013 г. • Подписано в печать: 22 февраля 2013 г. • Бумага офсетная. Печать офсетная • Тираж 1000 экз. Заказ № 1033 • Цена: свободная.

Валентин Мануйлов

Национальная идея = чувство собственного достоинства

«...именно от личностей эпоха получает свои идеи». Альберт Швейцер. Культура и этика. М.: Издательство «Прогресс», 1973, стр. 80.

«Вряд ли можно считать единым народом чеченского ваххабита и сибирского старообрядца». Александр Гурин. Из переписки с авторами и читателями. «Парк Белинского», 2012, № 2, стр. 197.

Предварительные замечания

В своем вступительном слове к первому выпуску «Парка Белинского» я заметил, что сверхзадача издания – «стать площадкой, местом, где будет происходить обмен мнениями по теме национальной идеи России».

Александр Гурин (историк и философ, г. Рига) в отклике на первый выпуск «ПБ» заострил внимание на том, что «может ли вообще быть единая национальная идея для всех граждан России: грузина из Тбилиси, принявшего российское гражданство ради большей по

Валентин Мануйлов, 55 лет, кандидат философских наук, учредитель журнала «Парк Белинского».

Сфера исследовательских интересов: методология социального познания, экономическая история России первой четверти XX в., политические процессы, элитообразование, социально-психологические факторы детерминации исторического процесса.

Статья написана специально для «Парка Белинского».

размеру пенсии, мусульманина из Татарстана, фермера из Пензы и олигарха из Москвы?» («Парк Белинского», 2012, № 2, стр. 197).

Главные мысли о главном

Попробую сразу пояснить, что для меня стоит за понятием русская национальная идея.

Для меня русская национальная идея – это, прежде всего, то, что думают люди по поводу себя и своего места в стране, в обществе, в государстве. И вместе с тем, это и то, как они чувствуют себя в стране, в обществе, в государстве.

В конечном счете русская национальная идея и в прошлом, и в настоящем содержит в себе два больших пласта. Один пласт – то, что думают. Другой – то, что чувствуют.

Первый состоит из рациональных интерпретаций, опирается на знания, допускает существование иных миров и идей, способен к принятию конкурирующих версий.

Второй опирается на чувственный опыт, состоит из мифов, которые формально выражены словесно, но по существу в их основе – эмоциональное восприятие действительности. Соответственно, он некритически относится к своей общности и с неприятием – к иным, конкурирующим, общностям.

Ясное дело, что национальная идея есть отражение в сознании и чувствах того, что есть нация, и того, как она живет.

Для меня нация сегодня – это культурно-историческая общность людей, объединенных общей судьбой. В основе общей судьбы лежит общая история, общая культура, общий, разделяемый и принимаемый всеми членами общности язык.

С этой точки зрения все, кто сегодня живет на территории России и говорит на русском языке, это русские. Не россияне, а именно русские. Независимо от своей этнической принадлежности.

В тех же Соединенных Штатах Америки коренными жителями являются только индейцы. Всё остальное население, которое и составляет сегодня американскую нацию, это пришлые: англичане, шотландцы, ирландцы, голландцы, норвежцы, французы, немцы, русские, поляки, венгры, румыны, датчане, шведы, испанцы, итальянцы, литовцы, эстонцы, латыши, чехи, евреи. И это только выходцы из Европы.

А есть еще негры, сегодня их политкорректно именуют афро-американцами. Есть мексиканцы и кубинцы (латиносы). Есть китайцы.

Никто из них не акцентирует внимание на своей этничности. Все они – члены одной большой нации. Потому что они приняли за основу английский язык и общими силами создавали новую культуру.

* * *

Национальную идею можно сравнить с дубом. Это мощное дерево, которое постоянно дает новые побеги благодаря тому, что вокруг каждого дерева падают его плоды – желуди.

Наверное, национальная идея – это даже целая дубовая роща, где каждое дерево выражает какую-то отдельную идею по поводу конкретного факта или обстоятельства жизни данной нации.

А желуди – это мини-идеи, или идеи, не получившие пока распространения, не проросшие вглубь. Это идеи, не получившие корней. Возможно, это некие пока ереси, по которым люди ходят, но не видят и не признают их своими.

* * *

Почему до сих пор в России нет национальной идеи?

Потому что в России до сих пор нет нации. Не в смысле этническом. А в смысле культурно-историческом или социокультурном. В России отсутствует нация как культурно-историческая общность.

И не потому, что, наряду с русскими, в России проживают татары, евреи и иные этнические группы. Прежде всего потому, что в условиях сначала феодального общества, а потом в условиях всеобщего государственного капитализма русская нация, как культурно-историческая, просто не успела сформироваться.

Ведь важнейший признак нации как культурно-исторической общности – это чувство собственного достоинства, которое на территории Российской империи, а затем на территории СССР уничтожалось в людях посредством ссылки, каторги, концлагерей и иных форм полицейского и административного преследования и внеэкономического принуждения.

* * *

История России в относительно обозримом прошлом шла таким образом, что поднимающееся внутри общества чувство собственного достоинства всякий раз опускалось силами, которые под флагом защиты от врага подавляли свободу мысли и свободу веры и чувств.

В истории России проекты создания национальной идеи использовались всякий раз в качестве способа достижения превосходства над иными общностями.

Впрочем, может быть и иная версия использования национальной идеи. Дескать, под флагом достижения превосходства на самом деле реализовывалась цель выживания русского государства, русского общества, России как страны. В любом случае таких проектов можно насчитать четыре.

Первый – «Москва – третий Рим».

Второй – «Санкт-Петербург – окно в Европу».

Третий – «Самодержавие, православие, народность».

Четвертый – «Мировая революция или социализм в одной отдельно взятой стране».

* * *

Национальная идея во всех этих версиях выступала как средство, при помощи которого правящая в стране элита старалась мобилизовать население на осуществление задач европеизации и модернизации страны.

«Москва – третий Рим» – всего лишь декорация, которая не исполнила своей роли. Русское государство развивалось вне европейских практик и тенденций.

Единственная попытка – избрание польского королевича Владислава русским царем – закончилась неудачно.

Поэтому Петру I и пришлось прорубать окно в Европу – вводить Россию в русло европейской линии развития. И в плане промышленного развития, и в отношении формирования новых культурных традиций.

Но Петр прорубил именно окно и только окно. Можно было в это окно смотреть.

Выйти было нельзя: окно все-таки не дверь, в которую вышел и вернулся обратно.

Поэтому европеизация и модернизация так и не свершились. Точнее, не достигли тех результатов, которые приблизили бы Россию к уровню хотя бы Германии или Франции.

Третий этап, когда в России господствовала версия национальной идеи в формате «самодержавие, православие, народность», тоже не решил задачи модернизации и европеизации страны.

Между тем, это было время, когда после вхождения русской армии в Париж в 1814 г. и народ, и элита были

если и не вполне готовы к переменам, то ждали их. Но подавление пугачевского бунта и расправа с декабристами парализовали русское общество.

Национальная идея в формате «самодержавие, православие, народность» рухнула во время Первой мировой войны.

Разрушение церквей и ужасы Гражданской войны, готовность людей к участию в массовых насилиях – явные признаки непривитости православия как формы нравственности.

* * *

Национальная идея как то, что рождается преимущественно как результат действия внутренних факторов и сил.

Национальная идея, как то, что привнесено на отечественную почву извне, обречено на отмирание. Успех кратковременный.

* * *

Национальная идея – это не сосуд, в который слиты коньячные спирты разных лет выдержки. И не сундук, в котором хранятся сломанная сабля прадеда, папаха деда, штык и кортик отца и дяди, платья бабушек, мамы и ее сестер.

Национальная идея – это все-таки процесс. И он столь же бесконечен, сколь бесконечно общество, в котором мы живем. Не только в смысле обширности и протяженности пространств России. Хотя и в этом тоже.

В отличие от любой европейской страны, в России плотность населения такова, что у нас трудно создать сплоченную оппозицию режиму.

* * *

Национальная идея формируется как итог свободного разговора каждого члена общества с другими членами общества. Обязательно через осмысление истории.

ческого опыта, через формирование альтернативных форм культурной традиции.

И благодаря наличию слоя интеллектуалов, которые обеспечивают выработку критических взглядов и новых подходов к прошлому и настоящему нации как культурно-исторической общности.

Итог есть вершина или плотно сбитое тело идей. За ним – новое пространство мысли. Итог – это некая унификация или то, что хочется выдать за унификацию, единство взглядов.

Сумма есть многообразие взглядов, ценностей, мироощущений.

Итог – это мощный дуб. Сумма – это тысячи ветвей на этом дубе, десятки тысяч желудей. Каждый желудь внешне похож на другой. Но внутри все они разные. Это можно почувствовать, попробовав его на зуб.

* * *

Русские писатели, чьи произведения станут факторами формирования новой версии русской национальной идеи: Грибоедов, Пушкин, Лермонтов, Белинский, Тургенев, Толстой, Достоевский, Чехов.

Авторы эпохи СССР, чьи произведения и идеи способны лечь в основу национальной идеи или стать желудями: Алексей Толстой («Петр Первый»), Михаил Булгаков, Александр Солженицин, Василь Быков, Виктор Некрасов («В окопах Сталинграда»), Владимир Богомолов, Григорий Бакланов, Константин Воробьев, Константин Симонов, Андрей Платонов, Василий Гроссман, Дмитрий Балашов, Ян Кросс, Алексей Игнатьев («Пятьдесят лет в строю»), Анатолий Рыбаков, Валентин Иванов («Желтый металл»), Юрий Домбровский, Борис Пастернак («Доктор Живаго»), Иван Ефремов («Лезвие бритвы»), Булат Окуджава.

Современные авторы, формирующие национальную

идею: Виктор Суворов, Андрей Назаров, Эдуард Кочергин, Борис Акунин, Дина Рубина, Михаил Юдовский.

* * *

Если вдруг кто не понял, почему у меня именно такой список авторов, поясню: центральным звеном или ядром новой версии русской национальной идеи будет чувство собственного достоинства и отдельного человека, и всей русской нации.

Не миф об особой русской душе. Не миф о третьем пути России. Не миф о победе в Великой Отечественной войне. Не мифы об освоении Сибири и присоединении Кавказа и Средней Азии к России. И даже не мифы о строительстве автострад и жилья, что предлагают сегодня.

Не было, нет и никогда не будет нации, если народ, проживающий на территории России, лишен чувства собственного достоинства, которое сопряжено с уважением к другим нациям.

Тот, кто любит и уважает себя – отдельный индивид или целая общность – умеет любить и уважать других людей, в том числе принадлежащих иным нациям.

Тот, кто не умеет уважать и любить себя, тот, кто раб по натуре, не будет уважать и любить других людей, неважно русские они люди или представители иных наций.

На мой взгляд, все приведенные выше авторы своими произведениями и своими судьбами способствовали пробуждению в русских людях чувства собственного достоинства.

Если список современных авторов короток сравнительно со списками авторов XIX в. и XX в., то потому только, что не увидел я в произведениях большинства современных русских писателей (смотрите в Интернете список из 60 имен) той энергии, которая способна

будить в моих современниках чувство собственного достоинства.

Да и судьбы этих писателей слишком благополучны в их большинстве.

* * *

Вы, очевидно, уже поняли, что для меня национальная идея тождественна национальному самосознанию. При этом я считаю, что национальная идея (национальное самосознание) есть типичный информационный продукт. И в этом качестве формируется всякий раз по законам духовного производства, характерным для данной эпохи.

Вместе с тем, формируется личностями, которые выражают наиболее ярко идеи своего времени.

Во всех предшествующих проектах («Москва – третий Рим», «Санкт-Петербург – окно в Европу», «Самодержавие, православие, народность», «Мировая революция или социализм в одной отдельно взятой стране») русская национальная идея формировалась сверху, личностями, которые на эту роль были определены либо которым было дозволено этим заниматься.

* * *

Сегодня Россия находится впервые в своей истории в ситуации или в таком времени, когда правящий режим отпустил задачу формирования национальной идеи на вольные хлеба.

Конечно, первые лица государства так или иначе формулируют в последние годы задачи, что стоят перед страной, государством и обществом. Но при этом никак не навязывают следования этим тезисам.

По существу мы живем в ситуации, когда существует огромное неосвоенное информационное поле, готовое принимать и перерабатывать любые идеи, касающиеся условий и перспектив нашего жизнеустройства.

Проблема в том, что люди, которые могли бы заполнить это информационное пространство своими идеями, не поняли своих возможностей пока. Им не с кем себя сравнивать.

И они не поняли, что на самом деле у них есть запас интеллектуальной прочности, который позволяет им проговаривать вслух, делать публичным достойным собственными мыслями по поводу своего бытия.

В то же время стремление общества проговаривать свои мысли, наполнить смыслами существующее информационное пространство наталкивается на отсутствие учреждений или институтов, необходимых для этого.

Отсутствуют учреждения политического просвещения (наподобие университетов марксизма-ленинизма или общества «Знание»), которые были в эпоху СССР и в которых, несмотря на засилье официальной идеологии, граждане могли получать знания, формировать навыки диалога и культуру мышления.

Отсутствуют издания, которые, подобно журналам второй половины 80-х годов («Новый мир», «Знамя», «Наш современник», «Октябрь», «Дружба народов», «Звезда»), являли бы собой лидеров общественного мнения.

На мой взгляд, для того чтобы все это свершилось, было запущено в жизнь в виде массы локальных проектов, нужны три условия – время, ресурсы и люди.

Трудно ожидать, что русская национальная идея, соответствующая современности, будет сформирована за 10 или 20 лет.

Опыт предшествующих проектов показывает, что на это уйдет порядка 40-50 лет. Это значит, что интеллектуалы, которые сегодня вложатся в это, не увидят плодов своего труда.

* * *

Для формирования национальной идеи в современную эпоху очень важен фактор личных контактов между интеллектуалами, работающими над этой проблемой. Казалось бы, какие личные контакты в эпоху Интернета? Зачем они нужны?

Между тем, на самом деле только личные контакты и обеспечивают корректность и точность формулировок запросов и ответов.

Личные контакты – это возможность посмотреть в глаза и почувствовать или ощутить на невербальном уровне, по существу на уровне животных инстинктов, искренность собеседника.

Увидеть, не фальшивит ли он. Ибо фальшь препятствует установлению доверия, которое есть условие чувства собственного достоинства.

* * *

Не существует типичного гражданина России.

И потому формирование русской национальной идеи никогда не завершится. Но задачи сегодняшнего дня полагают формирование современной версии русской национальной идеи в сравнительно обозримом будущем.

Тезисы на тему технологии формирования русской национальной идеи были написаны мною в промежутке между ноябрем 1999 г. и маем 2000 г. Думаю, что они по-прежнему актуальны, ибо никакой целенаправленной деятельности в этой области я все эти годы не наблюдал.

Скорее, напротив, вся официальная пропаганда была нацелена на то, чтобы нейтрализовать или дезориентировать своей фальшью пробуждающееся в современном русском обществе чувство собственного достоинства.

Формирование национальной идеи как проект

Национальная идея – **типичный информационный продукт.**

Национальная идея – **гражданская религия.**

Источники формирования национальной идеи как гражданской религии – массовый опыт и авторитетные люди.

Изучение (сегментация) и обобщение массового опыта, его актуализация в массовом сознании и подсознании.

Формирование слоя легендарных (прошедших испытания и добившихся успехов) личностей и создание серии мифов о них. Базовые категории – **испытание и успех.**

Ракурс (вектор) – патриотизм достижений. В итоге – **либеральный патриотизм.**

Комплекс взглядов на развитие национальной экономики.

Комплекс взглядов на развитие национальной государственности.

Комплекс взглядов на развитие национальной внешней политики.

Комплекс взглядов на развитие национального общества как культурно-исторической общности.

Комплекс взглядов на развитие национального самосознания.

Комплекс взглядов на развитие социальной структуры.

Социокультурные измерения российской истории.

Механизмы внедрения национальной идеи как гражданской религии в массовое сознание.

Механизмы усвоения национальной идеи массовым сознанием.

Источники внедрения: актуализация личного опыта

+ авторитетные люди + мифы о легендарных личностях вокруг нас.

Механизмы внедрения: организация интеллектуальных сообществ как источников рациональной интерпретации национальной идеи на макро и микроуровне + организация информационных потоков об идеях, образующих национальную идею, в волнообразное движение, работающее на принципе резонансно-диссонансного эффекта + превращение национальной идеи как гражданской религии в предмет повседневных разговоров всех россиян.

Механизмы усвоения: актуализация личного опыта + рациональная интерпретация + включение механизмов подсознания.

Сегментация потребителей национальной идеи:

а) по приверженности торговой марке или источнику национальной идеи: КПРФ, СПС, Яблоко, В. В. Путин, Б. Н. Ельцин, Ю. М. Лужков, А. Б. Чубайс = институты + люди.

б) по выгоде: потребление национальной идеи = приверженность конкретной торговой марке как способ продвижения по лестнице удачи вверх = получение доступа к ресурсам: к информации, власти, финансовым средствам + обретение новых статусных характеристик и возможностей.

в) по полу и возрасту.

г) по географическому признаку: оппозиции «столица-провинция», «центр-периферия», «метрополия-колония», «север-юг», «запад-восток», «великороссия-украина».

д) по соотношению «цена-качество»: качество здесь – ощущение сопричастности национальному сообществу + самоидентификация с социальной группой (национальная и корпоративная самоидентификация);

цена здесь – степень напряжения личных сил, в том числе – финансовых затрат, на прохождение этапа социализации и самоидентификации в качестве корпоративного человека.

е) по принадлежности к социальной группе (по корпоративному признаку) = сегментация как идентификация корпоративной принадлежности и сопричастности = статусная стратификация.

Определение покупательского спроса на национальную идею = выделение групп покупателей национальной идеи: покупатели здесь – группы потребителей, готовые платить конкретную цену за обретение права потреблять национальную идею; потреблять здесь – двигаться вверх по лестнице удачи, а платить цену – осуществлять затраты на социализацию и самоидентификацию в качестве корпоративного человека.

Структурирование национальной идеи в соответствии с результатами сегментации потребителей национальной идеи.

Выписки: подражание М. Л. Гаспарову

«Идеализировать собственную страну опасно, поскольку даже минимально непредвзятый взгляд на нее может незамедлительно вызвать глубокое разочарование».

Джулиан Барнс. Туннель. Три рассказа из книги «Через Ла-Манш». «Иностранная литература», 1998, № 11, стр. 86.

Михаил Полубояров

Где рождаются герои

Известный публицист Сергей Кара-Мурза опубликовал в Интернете (<http://vif2ne.ru/forum/archive/50>) любопытные сведения о национальном составе лиц, удостоенных звания Героя Советского Союза.

По итогам подсчетов, на которые он опирается, среди Героев 7998 русских, 2021 украинец, 299 белорусов, 161 татарин, 107 евреев, 96 казахов, 90 грузин, 89 армян, 67 узбеков, 63 мордвина, 45 чувашей, 43 азербайджанца, 38 башкир, 31 осетин, 18 марийцев, 16 туркмен, по 15 литовцев и таджиков, по 12 латышей и киргизов, по 10 коми и удмуртов, 9 эстонцев, по 8 калмыков и карелов, по 6 кабардинцев и адыгов, 5 чеченцев и ингушей, 4 абхазца, по 2 якута и молдаванина, 1 тувинец.

Из этого можно видеть, что вклад разных народов в Победу далеко не одинаков. Но если идти вглубь проблемы, то возникает вопрос, одинаков ли вклад в По-

Михаил Полубояров, 65 лет. Историк, филолог, журналист. Автор книг о топонимах Пензенской области, по истории села Малая Сердоба, городов Сердобск, Петровск, Аткарск, 534 статей в «Пензенской энциклопедии». Опубликовал в интернете историко-статистический справочник по всем селениям, когда-либо существовавшим в пределах Пензенской области.

Как археограф выявил в центральных архивах и опубликовал в интернете целый ряд крупных описаний территорий и крепостей от Казани до Астрахани, отказные книги Пензенского края.

беду русского народа в его различных территориальных образованиях.

Понятие этноса, нации, как известно, включает в себя целый ряд компонентов, связанных с географией, экономикой, языком, духовным складом, генетикой.

Но пространства и историческая судьба России таковы, что трудно говорить о полной идентичности качеств различных социумов русского народа, разбросанного на огромной территории. Сибиряки, москвичи, петербуржцы, волжане, поморцы, кубанцы – их многое объединяет, но многое и отличает.

Не отсюда ли рассуждения иностранцев о загадочности русской души? Да и многие наши соотечественники никак не придут к единому мнению о том, что есть русский человек. Раб или разбойник, анархист или государственник, душа нараспашку или лукавец, западник или азиат?

Итоги многих выборов, когда россияне были поставлены перед жесткой дилеммой, какой путь избрать для себя и своих потомков, также показали, что русские как нация ведут себя далеко неодинаково.

Можно ли, например, определить глубину различий отношения людей к государству на уровне регионов? Такую задачу не раз ставили перед собой социологи, решая ее путем опроса респондентов.

Но данный метод не совсем хорош, поскольку, во-первых, люди не всегда искренни перед лицом собеседника с анкетой в руках. Во-вторых, в таких исследованиях данные, как правило, суммировались и подводились к «единому знаменателю», общероссийскому показателю. Тем самым затушевывались региональные особенности.

Наш метод выявления оценочных показателей исключает возможность поведенческой самокоррекции

респондентов, поскольку берет за единицу измерения не слово, сказанное на публику, а дело, реальное поведение людей в экстремальных ситуациях.

В 1987-1988 годах вышел двухтомник «Герои Советского Союза» с краткими биографиями людей, удостоенных высшей степени отличия за подвиги, совершенные в основном в годы Великой Отечественной войны. В 2000 году Воениздат выпустил еще один интереснейший биографический справочник, на этот раз кавалеров ордена Славы всех трех степеней, чьи подвиги приравнены к подвигам Героев Советского Союза.

Эти два издания и стали тем источником, на основе анализа которых и количественного метода исследования получены результаты, позволяющие судить, на наш взгляд, достаточно объективно о вкладе в Победу на полях сражений представителей различных краев, областей и республик России.

Численность населения регионов взята по официальным данным Всесоюзной переписи 1959 года. Конечно, надежнее было бы руководствоваться данными 1939 года, полученными как раз накануне Великой Отечественной войны, давшей более 90% людей, удостоенных высших ратных наград.

Но, к сожалению, практически это сделать невозможно из-за больших изменений в административно-территориальном устройстве РСФСР в военные и послевоенные годы. Достаточно вспомнить, что в 1943–1946 годах и середине 1950-х годов в составе РСФСР образовалось 19 новых областей и республик, главным образом за счет разукрупнения соседних.

А вот карта России 1959 года в максимальной степени соответствует нынешней. Лишь по Москве и Ленинграду численность населения взята по переписи 1939 года, поскольку административные границы этих горо-

дов подвергались до начала 1960-х относительно меньшим изменениям.

Некоторые цифры по областям немного не совпадают с данными, опубликованными в книгах, вышедших в местных издательствах. Например, в книге «Твои Герои, земля Владимирская» (Владимир, 2000) представлены биографии 146 Героев Советского Союза, из них уроженцев Владимирской области – 131.

По нашим же подсчетам по вышеназванному двухтомнику, Героев, уроженцев владимирской земли, больше – 153. Наша цифра, по-видимому, более точная, поскольку двухтомник «Герои Советского Союза» создавался на строго документальной основе – наградных листах, хранящихся в Военном архиве Министерства обороны.

Такие же несовпадения встречались по полным кавалерам ордена Славы. В случае разночтений мы также руководствовались данными справочника Министерства обороны.

По нашим подсчетам, на 1988 год Российская Федерация была родиной 8754 Героев Советского Союза и 1875 полных кавалеров ордена Славы.

Расположим регионы в том порядке, какой они занимают по количеству героев – уроженцев данных мест – на 100 тыс. жителей. Субъекты Федерации, имевшие менее 2,5 Героев и 0,25 полных кавалеров ордена Славы на 100 тыс. жителей, в расчет не принимались.

**Таблица численности Героев Советского Союза и
полных кавалеров ордена Славы по регионам России**

	Численность населения (на 1959), (тыс. чел.)	Герои Советского Союза		Полные кавалеры ордена Славы		Итого (ш. 4+6)
		Всего	На 100 тыс. жителей	Всего	На 100 тыс. жителей	
1	2	3	4	5	6	7
1. Смоленская обл.	1.140	253	22,19	47	4,12	26,31
2. Орловская обл.	926,0	184	19,87	45	4,86	24,73
3. Калужская обл.	895,0	153	17,09	27	3,02	20,11
4. Рязанская обл.	1.444	241	16,69	49	3,39	20,08
5. Курская обл.	1.481	229	15,46	62	4,19	19,65
6. Тверская обл.	1.808	295	16,32	59	3,26	19,58
7. Псковская обл.	954,0	151	15,83	35	3,67	19,50
8. Липецкая обл.	1.141	164	14,37	31	2,72	17,09
9-10. Костромская обл.	919,0	130	14,15	24	2,61	16,76
9-10. Пензенская обл.	1.510	205	13,58	48	3,18	16,76
11. Белгородская обл.	1.190	164	13,58	34	2,86	16,44
12. Тамбовская обл.	1.547	193	12,48	51	3,30	15,78
13. Воронежская обл.	2.287	269	11,76	69	3,02	14,78
14. Ульяновская обл.	1.118	130	11,63	29	2,59	14,22
15. Брянская обл.	1.551	177	11,41	41	2,64	14,05
16. Ярославская обл.	1.396	160	11,46	32	2,29	13,75
17. Саратовская обл.	2.167	260	12,00	37	1,71	13,71
18. Вологодская обл.	1.297	132	10,18	36	2,78	12,96
19. Владимирская обл.	1.363	153	11,23	23	1,69	12,92

20. Тульская обл.	1.912	207	10,83	31	1,62	12,45
21. Мордовская АССР	999,0	98	9,81	26	2,60	12,41
22. Кировская обл.	1.919	184	9,59	41	2,14	11,73
23. Волгоградская обл.	1.849	179	9,68	35	1,89	11,57
24. Алтайский край	2.579	236	9,15	59	2,29	11,44
25. Новгородская обл.	740,0	77	10,40	7	0,95	11,35
26. Ивановская обл.	1.351	134	9,92	17	1,26	11,18
27. Курганская обл.	1.002	86	8,58	26	2,59	11,17
28. Оренбургская обл.	1.831	159	8,68	39	2,13	10,80
29. Астраханская обл.	680,0	60	8,82	13	1,91	10,73
30. Северная Осетия	448,6	39	8,71	6	1,34	0,05
31. Ставропольский край	1.886	139	7,37	43	2,28	9,65
32. Краснодарский край	3.766	280	7,43	58	1,54	8,97
33. Нижегородская обл.	3.466	253	7,30	52	1,50	8,80
34. Коми АССР	230,0	12	5,22	8	3,48	8,70
35. Ростовская обл.	3.314	226	6,82	60	1,81	8,63
36. Башкирская АССР	3.223	228	7,07	44	1,37	8,44
37. Новосибирская обл.	2.299	147	6,39	40	1,74	8,13
38-39. Самарская область	2.257	155	6,87	23	1,02	7,89
38-39. Татарская АССР	2.850	179	6,28	46	1,61	7,89
40. Архангельская обл.	1.205	72	5,97	10	1,67	7,64
41. Ленинградская обл.	1.261	81	6,42	15	1,19	7,61
42. Тюменская область	1.094	68	6,22	11	1,01	7,23
43. Марийская АССР	647,0	33	5,10	12	1,85	6,95
44. Удмуртская АССР	1.333	74	5,55	17	1,28	6,83
45. Чувашская АССР	1.098	63	5,73	11	1,00	6,73
46. Томская область	750,0	37	4,93	13	1,73	6,66
47. Омская область	1.646	82	4,98	27	1,64	6,62

48. Московская область	5.906	311	5,27	56	0,95	6,22
49. Читинская область	1.036	49	4,73	15	1,45	6,18
50. Красноярский край	2.614	121	4,63	35	1,34	5,94
51. Пермская область	2.998	144	4,80	29	0,97	5,77
52. Калмыцкая АССР	179,5	9	5,03	1	0,56	5,59
53. Амурская область	737,0	36	4,88	5	0,68	5,56
54. Иркутская область	1.757	70	3,98	19	1,08	5,06
55. Кабард.-Балкар. АССР	420,0	16	3,81	5	1,19	5,00
56. г. Ленинград	3.003	140	4,66	8	0,27	4,93
57. г. Москва	4.132	176	4,26	20	0,48	4,74
58. Свердловская обл.	4.048	145	3,58	33	0,82	4,40
59. Карельская АССР	615,0	19	3,09	6	0,98	4,07
60. Приморский край	1.379	42	3,05	13	0,94	3,99
61. Бурятская АССР	655,0	17	2,60	9	1,37	3,97
62. Дагестанская АССР	958,0	33	3,44	5	0,52	3,96
63. Челябинская область	2.977	84	2,82	21	0,71	3,53
64. Чечено-Ингушск. АССР	710,0	20	2,81	4	0,56	3,37
65. Кемеровская область	2.626	70	2,66	16	0,61	3,27
66. Хабаровский край	1.143	30	2,62	3	0,26	2,88
Всего (или в среднем)	103.249	8763	8,49	1872	1,81	10,30

По числу лиц, удостоенных высших знаков воинской доблести, первые 30 мест на уровне среднероссийского показателя (10,30) и выше занимают 28 чисто русских территорий (центр России, Северо-Запад, Вятка и Южное Приуралье) и две титульно-национальные республики – Мордовия и Северная Осетия. Причем в обеих верующее население исповедует православие.

Низкие показатели героизма имеют восточные территории (Урал и Сибирь), и это при том, что эпитеты «уральский характер», «сибирский характер» успели

стать литературными штампами. Можно предположительно назвать некоторые причины этого. Одна из них, по-видимому, в том, что из-за отдаленности от мест боевых действий сибиряки и дальневосточники реже, чем их одногодки в центре России, мобилизовались в армию, действовавшую против гитлеровской Германии.

Дальний Восток все 4 года держал отмобилизованные дивизии против японцев. В Сибири и на Севере много семей раскулаченных и репрессированных, отбывавших ссылку. У них и у их сыновей, видимо, было меньше шансов стать Героями и полными кавалерами ордена Славы по анкетным данным.

Кроме того, население Урала, Сибири и Дальнего Востока в послевоенные годы и на момент переписи 1959 года росло более высокими темпами по сравнению с местностями «старой России», что отразилось на снижении численности Героев и полных кавалеров ордена Славы на 100 тысяч жителей.

Однако влияние послевоенной демографии все же не стоит переоценивать. По данным переписи, численность населения в областях от Урала до Дальнего Востока с 1939 по 1959 годы выросла в 2 раза, а в областях, занимающих в нашей таблице первые 10 мест, от Смоленской до Пензенской, – в полтора.

Разница несопоставимая с «плотностью» Героев на 100 тысяч жителей: первая десятка дала их 165,5. Последняя десятка (без учета национальных республик, Москвы и Ленинграда) – лишь 37,7, то есть в 5,4 раза меньше: Читинская область, Красноярский край, Пермская, Амурская, Иркутская, Свердловская области, Приморский край, Челябинская, Кемеровская области, Хабаровский край.

Но мы не должны закрывать глаза и на то, что области, закрепившиеся в верхней половине списка

(№№ 1–33), находилась не в самых благоприятных условиях, так как многие территории длительное время находились под оккупацией, поэтому призыв на службу в Действующую армию не производился, что сужало возможность совершения подвига призывниками.

Достаточно сказать, что самая геройская Смоленская область находилась под пятой захватчиков с сентября 1941 по октябрь 1943 года, половину войны. Не избежали оккупации и соседи смолян по первой группе: Орловская, Калужская, Тверская, Псковская, Курская, Белгородская, Воронежская и другие области.

А вот регионы нижней половины списка (№№ 34–66) находились в этом смысле в более предпочтительных условиях: здесь оккупированных полностью или частично областей насчитывается всего четыре (Ростовская, Ленинградская, Московская области, Карелия).

Так что время нахождения под оккупацией областей верхней половины списка компенсирует демографические преимущества, о которых говорилось выше, и ставит представителей западных и восточных регионов в одинаковые условия в плане возможности совершения подвига.

Выборочный анализ биографий Героев показал, что на четыре пятых они – уроженцы села. Например, в Пензенской области из 205 Героев только 15 родились в городах.

В том числе 51 – уроженцы населенных пунктов, основанных служилыми людьми (казаками, стрельцами и пр.), однодворцами, включенными при Петре Великом в сословие пахотных солдат (государственных крестьян), 106 – потомки крепостных, 11 ведут род из сельских населенных пунктов, образованных после 1861 года, поэтому отнести их к той или иной группе без специального исследования невозможно.

Однако никакой разницы в плане проявления героизма между потомками «государевых людей» и крепостных крестьян в Пензенской области не выявлено. Двойное превосходство последних в абсолютном показателе (106 Героев против 51) объясняется только тем, что численность бывших помещичьих крестьян на территории Пензенской области (не путать с границами Пензенской губернии 1780-1928 гг.) была как раз вдвое выше, чем государственных.

Итак, судя по географии рождения Героев, «государственники» живут там, где начиналась Россия: в Центре, Верхнем и Среднем Поволжье. Это противоречит поспешным выводам некоторых политиков.

Так, один из руководителей мэрии Петербурга Александр Афанасьев в газете «Ведомости» (3 февраля 2000 года) подчеркивал: «Петербург – это город, который создавался как столица и жил как столица два столетия. Поэтому в нем заложены очень сильные начала служения государству. Я думаю, это можно считать генетическим свойством петербуржцев. Здесь изначально присутствует идея служения Отечеству».

Объективные данные опровергают выводы питерского чиновника. Москва и Ленинград (Петроград, Петербург) в XX веке всегда выступали в авангарде сил, подтачивающих и разрушавших государственный организм. Государственники жили в материнской части России.

Между прочим, это доказывает не только плотность Героев Советского Союза и полных кавалеров ордена Славы на 100 тыс. жителей, но и результаты президентских выборов 1996 года, когда окончательно и более осознанно, чем в 1991-1993 годах, решался вопрос, по какому пути пойдет России, по западному, либеральному, или по собственному, в соответствии со своей историей и историей взаимоотношений с Западом.

Выстроим следующую таблицу в той же последовательности, что и выше, то есть по числу убывания Героев на 100 тысяч жителей, подставив в них итоги первого тура выборов, для удобства пользования выделив курсивом регионы «державников» (голосовавших за Г. Зюганова). Итогами второго тура пренебрегаем как не вызывающими доверия в связи с фальсификациями в пользу Б. Ельцину.

Кроме того, не следует забывать и того, что ельцинисты выдвинули для отъёма голосов у Зюганова своего кандидата в президенты, генерала с патриотической риторикой – А. Лебеда, отнявшего у «державников» 14% голосов.

Первая группа

	Зюганов :	Ельцин
1. Смоленская область	45,11	: 22,25
2. Орловская область	54,94	: 21,73
3. Калужская область	35,91	: 31,87
4. Рязанская область	40,53	: 24,99
5. Курская область	52,06	: 24,50
6. Тверская область	33,94	: 32,45
7. Псковская область	30,67	: 25,04
8. Липецкая область	47,11	: 25,49
9. Костромская область	28,91	: 28,39
10. Пензенская область	51,35	: 21,12
11. Белгородская область	46,94	: 23,16
12. Тамбовская область	53,01	: 21,21
13. Воронежская область	46,03	: 22,92
14. Ульяновская область	46,54	: 24,15
15. Брянская область	50,43	: 26,56
16. Ярославская область	18,42	: 33,33

В среднем по I группе – **42,61 : 25,57** в пользу «державников» (голосовавших за Зюганова).

Первая группа

	Зюганов	: Ельцин
1. Саратовская область	42,14	: 28,76
2. Вологодская область	18,85	: 45,65
3. Владимирская область	30,34	: 31,38
4. Тульская область	30,70	: 30,43
5. Мордовия	51,40	: 24,97
6. Кировская область	29,34	: 31,65
7. Волгоградская область	40,46	: 28,89
8. Алтайский край	42,53	: 22,10
9. Новгородская область	23,98	: 36,09
10. Ивановская область	23,53	: 29,99
11. Курганская область	38,05	: 29,66
12. Оренбургская область	42,81	: 26,39
13. Астраханская область	37,33	: 29,80
14. Северная Осетия	63,15	: 19,53
15. Ставропольский край	44,45	: 22,26
16. Краснодарский край	39,88	: 26,57

В среднем по II группе за два тура 37,43 : 29,00

Первая группа

	Зюганов	: Ельцин
1. Нижегородская область	33,04	: 35,37
2. Коми АССР	16,32	: 40,48
3. Ростовская область	35,02	: 29,33
4. Башкирия	42,49	: 34,59
5. Новосибирская область	35,48	: 25,99
6. Самарская область	35,59	: 36,56
7. Татарстан	40,55	: 37,23
8. Архангельская область	18,01	: 41,68
9. Ленинградская область	23,42	: 37,87
10. Тюменская область	27,72	: 39,65
11. Марий Эл	44,22	: 24,79
12. Удмуртия	30,95	: 37,38

13. Чувашия	56,01	: 21,34
14. Томская область	22,49	: 35,53
15. Омская область	37,47	: 33,45
16. Московская область	24,42	: 44,69

Всего по III группе за два тура 32,70 : 34,74

Первая группа

	Зюганов	: Ельцин
1. Читинская область	39,76	: 24,99
2. Красноярский край	28,89	: 35,25
3. Пермская область	16,36	: 56,10
4. Калмыкия	26,14	: 59,85
5. Амурская область	42,39	: 26,94
6. Иркутская область	27,93	: 32,85
7. Кабардино-Балкария	38,17	: 44,83
8. г. Санкт-Петербург	15,00	: 49,81
9. г. Москва	14,97	: 61,73
10. Свердловская область	11,78	: 60,07
11. Карелия	17,25	: 43,05
12. Приморский край	24,87	: 29,92
13. Бурятия	40,71	: 31,26
14. Дагестан	66,47	: 26,40
15. Челябинская область	25,14	: 37,21
16. Кемеровская область	39,46	: 23,36
17. Хабаровский край	23,10	: 39,45

В среднем по IV группе 29,32 : 40,18 в пользу «западников» (Ельцина)

По результатам голосования первую группу преимущественно составили области центральной России, те самые державники-герои, о которых говорилось выше. Население этих регионов генетически восходит к служилым людям XVII столетия: из 16-ти областных центров 10 возникли или функционировали в тот период

как военно-пограничные крепости на западе России, в составе Белгородской засечной черты и других.

Остальные 6 (Калуга, Тверь, Псков, Кострома, Ярославль) в допетровский период считались скорее экономическими, нежели военно-административными центрами, но в более отдаленном прошлом и эти города, за исключением Липецка, тоже были русскими крепостями (Липецк в XVII веке не имел статуса города). Кроме того, стоит отметить, что все области, представленные в первой группе, чисто русские.

Во второй группе 10 административных центров регионов – также бывшие крепости и военные остроги XVII–XIX веков. Пять городов (Владимир, Новгород, Вологда, Иваново, Барнаул) были в тот период экономическими центрами, один (Вятка) основан как административно-полицейский центр (сбор ясака, место ссылки и т. п.). По национальному составу население здесь на три четверти русское. По религиозному признаку почти полностью православное.

В третьей группе лишь 3 города (Ростов-на-Дону, Омск и Томск) в XVIII веке населялись служилыми людьми, 11 были известны как промышленно-торговые центры, 2 (Уфа, Тюмень) – города, выполнявшие административно-полицейские функции. Пять территорий – нерусские, в двух жители исповедуют ислам.

В четвертой группе 4 областных центра с XVIII по начало XX веков функционировали как военные крепости и остроги (Махачкала, Нальчик, Владивосток, Челябинск).

Восемь городов были промышленными и торгово-экономическими центрами, 4 города начинали свою историю в ранге административно-полицейских пунктов (Чита, Красноярск, Иркутск, Тува).

5 территорий – нерусские, из них в четырех коренное население исповедует ислам и буддизм.

Из этого обзора явствует, что электорат «державников», составивший две первые группы и проголосовавший за кандидата Народно-патриотического союза России, тяготеет генетически к русским (30 из 32-х территорий), православным (все 32), «государевым людям», получавшим земельное жалование за службу (20 городов из 32-х).

Электорат «общечеловеков», отдавший предпочтение Ельцину (третья и четвертая группы), идет от промышленников и торговцев (Москва, Петербург, Нижний Новгород, Самара и др., всего 19 городов).

Шесть городов возникли и развивались как административно-полицейские центры, 7 городов – бывшие военные или казачьи крепости и остроги.

Таковы итоги исследования на основе применения математического и сравнительного методов, дающих, как правило, наиболее точный результат. Он свидетельствует, что державный менталитет русских далеко неодинаков по регионам.

В одних народ больше склонен к самопожертвованию во имя Отечества. В других тяготеет к либеральным ценностям: права человека выше, чем интересы государства, личное благополучие важнее судьбы Отечества.

Выписки: подражание М. Л. Гаспарову

«Отвага состоит в том, чтобы вынести до конца, что предначертано судьбой».

Юлиуш Данковский. Пленник Европы. М.: «Радуга», 1991, стр. 52

Выпуски: подражание М. Л. Гаспарову

«Здесь были ордена 1870 года и двух последних войн. Умирание мгновений, да, да, мало что так делает наглядным быстротечность славы, как эти жестянки, символ былого величия, обесценивающиеся после каждого поворота истории. Свидетельство никому не нужных поступков, восторженности, выжатой при помощи пропаганды, гибели в припадке кретинского порыва во имя толстяка императора, о котором уже следующее поколение знает, что он был дурак, трус и лицемер».

Юзеф Хен. Миссия в Грауштадт. В сборнике «Подвиг». Приложение к журналу «Сельская молодежь». М.: «Молодая гвардия», 1976, т. 4, стр. 36.

* * *

«Мы тоже очень гордились тем, что по географии и математике у нас твердые четверки, когда нас заставили взглянуть, как выглядят люди, у которых животы по всем правилам военного искусства прошиты автоматной очередью. Вы уж мне поверьте, все они – и те, у кого по латыни было «хорошо», и те, кто ни о какой латыни слыхом ни слыхивал, – выглядели одинаково. Отвратительно выглядели. И не было в этом зрелище ничего, ну ровным счетом ничего возвышенного. Все смотрелись одинаково: французы, и немцы, и поляки, что герои, что трусы. И больше тут ничего не скажешь. Они уже принадлежали земле, а земля им уже не принадлежала».

Генрих Бёлль. Завет. «Иностранная литература», 2001, №1, стр. 167.

Анна Уайт

Посткоммунистические тенденции в трудовой миграции.

Россия и Польша: опыт сравнительного анализа

Статья Анны Уайт основана на четырех исследованиях, проведенных ею в 1999-2005 гг. в России и в 2006-2012 гг. в Польше и Великобритании (White, 2004, 2007, 2011).

Её интересовала жизнь в малых депрессивных городах. В России – Ачит (Свердловская область), Беднодемьяновск/Спасск (Пензенская область), Зубцов (Тверская), Павловск (Воронежская). В восточной Польше – Санок и Граего.

Также она провела интервью в городах, принимающих мигрантов: Москва, Воронеж, Бристоль и Бат.

Всего она провела 237 интервью в России и 147 в Польше/Англии, на русском или на польском языке (с некоторыми поляками по-английски). Она также собрала письменные анкеты от мигрантов и студентов в России и заказала опрос общественного мнения на юго-востоке Польши.

Анна Уайт (Anne White), окончила Оксфордский университет в 1983 г. Третий курс (1981-1982 гг.) провела на стажировке в Воронежском государственном университете. Защитила PhD в Лондонской школе экономики и политических наук в 1989 г. С 1987 г. преподает современную историю центральной Европы и бывшего СССР в Батском университете (University of Bath). Автор 4 книг и многочисленных научных статей.

Введение

Под словом «мигрант» часто подразумевается «иностранец». Однако в Москве и других крупных городах России рядом с иностранными мигрантами трудятся миллионы приезжих из российской провинции. По оценкам демографов, масштабы временной трудовой миграции внутри России – по крайней мере 3 миллиона людей. Они сопоставимы с масштабами трудовой миграции из ближнего зарубежья, а может быть, их превышают.

К этой цифре можно добавить около двух миллионов россиян, которые каждый год официально меняют постоянное место жительства (Росстат, 2012). Внутророссийская миграция – сугубо российское и даже местное явление, которое нужно изучать на базе эмпирических данных, собранных среди российских мигрантов. Однако было бы ошибочно считать, что эта миграционная волна не имеет ничего общего с другими волнами миграции за пределами России.

Нынешняя статья является попыткой представить российскую трудовую миграцию в зеркале общих тенденций, глобальных и (особенно) посткоммунистических.

* * *

Почему люди решают покинуть свои родные места? Как они адаптируются к жизни в новом месте, и как они могли бы адаптироваться лучше? Эти вопросы волнуют политиков, практиков и ученых во всем мире.

Почти везде люди не только стали более мобильными, но и их миграции стали более непредсказуемыми. Легко выезжать, легко возвращаться, легко менять свои решения и оставаться на новом месте на более длительный или короткий срок. Эта новая мобильность связана с частичной отменой ограничений на въезд и

выезд (например, внутри России – введение регистрации взамен прописки, в Евросоюзе – открытие всего ЕС как единого рынка труда для граждан ЕС).

Важную роль играет транспорт, например, более расширенная система междугородных автобусов в России или дешевые авиалинии в Европе. Наконец, новые технологии (мобильные телефоны, интернет) снижают информационные барьеры миграции.

Мигранты и немигранты постоянно в контакте, никогда не было так легко получать информацию о том, куда и как выезжать на заработки, находить знакомого мигранта, который поможет тебе трудоустроиться в незнакомом городе или стране.

* * *

Однако на фоне мировых тенденций можно наблюдать специфически посткоммунистические аспекты трудовой миграции. Можно предполагать, что существуют некоторые параллельные явления в посткоммунистических странах, что касается и мотивов миграции, и интеграции мигрантов. Например:

- Географические неравенства в уровне жизни и зарплат как результат перехода к рыночной экономике. Разрыв между регионами и также между большими и малыми городами.

- Большое количество вузовских мест (по сравнению с периодом коммунистической власти) и сравнительная невостребованность недипломированных работников при дороговизне высшего образования. Люди, в том числе из рабочих семей, как никогда раньше стремятся получить высшее образование, но часто это обходится им очень дорого.

- Недоверие к незнакомым людям при высоком уровне доверия к близким. Привычка пользоваться неформальными каналами взамен официальных.

• Недостаток жилья. «Недостаточное развитие рынка аренды жилья» (Денисенко и др., 2010) и дороговизна жилья в больших городах мешают свободному передвижению граждан.

Так как все эти явления наблюдаются как в России, так и в Польше, имеет смысл сравнивать российскую (внутреннюю) с польской (внутриевропейской) миграцией и таким образом прийти к более глубокому пониманию феномена современной трудовой миграции в России.

На первый взгляд сопоставление внутренней и международной миграции может казаться странным. Однако при более близком рассмотрении оказывается, что это действительно похожие явления, идет ли речь о мотивах миграции или о жизни мигрантов после переезда (интеграция, мысли о возвращении домой).

* * *

В случае польской международной миграции, по абсолютным меркам (около 2,7 млн. в 2007-2008 г.) она сопоставима с российской внутренней. В Польше, как в России, нет и не может существовать точной статистики.

Часто мигранты «выезжают из родного края только временно, обычно не пройдя процедуру выезда из постоянного места жительства. При том их пребывание за границей такое «жидкое», что и там они редко входят в статистику» (Kaczmarczyk, 2010, с. 5).

«Мы имеем дело, видимо, с массовым потоком людей, который, не отражаясь в официальной миграционной статистике, находится «на разрыве» между местом постоянного жительства и местом работы, где он не может или не желает проживать постоянно» (Зайончковская и Мкртчян, 2007).

Вообще, речь идет о спектре мигрантских намерений и типов временной миграции. Один мигрант уезжает навсегда; другой надолго, при смене места жительства, хотя он не может заранее знать, исполнятся ли его планы. Третий не меняет официального места жительства, хотя практически не живет дома. Четвертый выезжал только один раз, чтобы заработать на машину, и вернулся, но может выезжать еще.

Импонируют очень много других сходств между поляками и русскими вплоть до выражений, употребляемых в польских и русских мигрантских рассказах. Мигранты часто утверждают, что они «принуждены» выезжать. Они любят повторять, что выезжают не ради обогащения, а чтобы жить «нормально», «достойно» или «порядочно».

В этом есть оттенок привычной советской скромности, а также жалоба на несправедливое распределение благ при переходе к рыночной экономике. Мол, все должны жить «нормально», не только москвичи и англичане.

* * *

В случае польской международной миграции можно было сравнивать свои выводы с многочисленными данными польских ученых.

Русские источники намного скуднее, поскольку в этом случае речь идет о немодной среди ученых во всей Европе внутренней миграции.

Как отмечают демографы Ж. А. Зайончковская и Н. В. Мкртчян (2007), «исследователи, как и органы управления, обходят внутреннюю миграцию своим вниманием». Правда, с экономическим кризисом 2008 года «возникла идея, что внутренняя миграция – лучший способ борьбы с безработицей...

Рострудом в рамках реализации региональных про-

грамм, направленных на снижение напряженности на рынке труда, оказывалась адресная поддержка гражданам, включая организацию их переезда в другую местность (в 2009 г. – 13,4 тыс. человек)» (Денисенко и др., 2010).

В 2010 году Российское Министерство регионального развития все еще пыталось добиться «оптимального миграционного баланса макрорегионов» (Цуциев, 2011). Однако группа ученых, работающих над этой тематикой, остается невелика.

* * *

В своих исследованиях я применяла подход «livelihood strategy approach», стараясь понимать, как домохозяйства выбирают себе подходящие стратегии добывания средств к существованию.

Например, почему в определенной местности работа на выезде кажется более доступным, выгодным и/или приемлемым источником доходов, чем, например, приработки на месте или долги.

Основной фокус внимания – семья, так как «в современных тяжелых условиях малого города выживает не каждый человек сам по себе, а именно домохозяйство в целом» (Рощина, 2008, с. 9). В словах Osipowicz (2002, с. 5), «малые города – это города семей, не индивидуальных жителей».

Очень важны субъективные факторы. Например, если 85% жителей малых городов и сел на юго-востоке Польши согласны, что «матери маленьких детей не должны оставлять мужей и детей, чтобы работать за рубежом» (White, 2011, с. 94), или 85% молодых людей в малых городах России считают высшее образование «необходимостью» (Флюринская и Рощина, 2005, с. 79), такие социальные нормы будут влиять на создание семейных стратегий.

* * *

К примеру, в одном московском заводском общежитии, частично населенном мигрантами, я беседовала с Сашей.¹ Саша работал электриком в Москве, но жил в малом городе с женой и младшей дочерью. Старшая дочь Таня училась в Твери.

Как понимать мотивацию этой семьи? Почему Саша стал выезжать в Москву, работая там 7 дней в неделю?

Таблица 1 указывает положение семьи перед поступлением Тани в вуз, то есть перед стремительным повышением расходов домохозяйства. В английской или американской семье Таня, скорее всего, взяла бы на себя ответственность оплачивать свое образование.

В данном случае Саша и Катя считали, что это их дело. Как видно из таблицы, если бы Саша остался в малом городе, они с Катей вряд ли могли бы платить за учебу Тани.

Возник вопрос: кому из родителей выехать на работу? Очевидно было всем, что Катя должна остаться на месте, тогда как Саша может уехать и даже должен так поступить.

Таблица 1: Факторы, влияющие на выбор стратегии миграции Саши перед поступлением Тани в вуз

Саша	Катя
Мужчина и поэтому главный кормилец	Материнские обязанности (младшая дочь – подросток)
Очень жалеет, что прервал учебу, не окончил вуз	Высшее образование
Недавно стал безработным (работал инспектором в районной администрации)	Стабильная работа (учитель)

¹ Псевдоним, как и все имена в этой статье.

	Зарплата недостаточная для содержания семьи, даже если бы Таня не уехала
Профессия, востребованная в Москве (где, по словам Саши, электрики получают в 3 раза больше, чем в малом городе)	Может кормить Таню продуктами с довольно большой дачи.
Дачный сосед знает бригаду местных мужчин, к которой Саша может присоединиться, выезжая на работу в Москву	

Не всегда все получается так просто. Выбор «правильной» для данной семьи стратегии часто приводит к дилемме.

Таблица 2 показывает ситуацию Дануты, с которой я беседовала в малом городе в Польше, где женщине за 40 лет было практически невозможно найти работу. У Дануты и Адама было двое талантливых детей. Никто не сомневался, что они должны получить университетское образование, и они поступали одновременно.

Таблица 2: Факторы, влияющие на выбор стратегии миграции Дануты перед поступлением детей в вуз.

Адам	Данута
Мужчина и поэтому главный кормилец	Очень привязана к мужу и дому; однако, как мать взрослых детей, никто не осудил бы ее за выезд на работу за границу

Стабильная работа (инженер)	Безработная, в поисках работы больше года
Зарплата хорошая по местным меркам, но недостаточная для содержания двух студентов	Раньше была административным работником, но, если поедет, за границей (без знания иностранных языков), скорее всего, будет работать уборщицей
	Очень не любит убирать
	Боится уехать за границу, особенно одной
Брат живет в США и мог бы пригласить Адама к себе и трудоустроить его	Не имеет за границей сестер или подруг, которые могли бы ей помочь

Посткоммунистическое явление № 1:

депрессивный малый город

Работа на выезде – очень распространенная стратегия в малых городах и селах России и Польши, более распространенная, чем в крупных городах (Денисенко и др., 2010; Grabowska-Lusinska и Okolski, 2009, с. 102).

«Частота трудовых поездок существенно (примерно вдвое) выше у жителей сельской местности и городов областного подчинения, чем у жителей региональных столиц» (Денисенко и др., 2010). Даже до кризиса, по оценкам Зайончковской и Мкртчяна (2007), «в среднем около 20% домохозяйств малых городов имеют трудового мигранта, а в узкоспециализирующихся городах с неработающими градообразующими предприятиями эта доля превышает 30%». Масштабы выездов в периферийных регионах Польши также очень высоки.

И в Польше, и в России малые города часто отстают экономически от крупных (Зубаревич, 2005, глава 3; White, 2004; White, 2011). Хотя для русского читателя это явление может казаться закономерным, это не обязательно так. Например, малые города в Великобритании часто намного зажиточнее, чем бедные районы больших городов.

В посткоммунистическом мире остается много бывших маленьких моногородов, где предприятия закрылись или еле стоят на ногах. Малый бизнес не процветает, и неразвитая (по сравнению с западными странами) транспортная инфраструктура страны часто делает маятниковую миграцию нерентабельной (White, 2004, 2011).

Поэтому безработица и очень низкие зарплаты приводят к работе на выезде, особенно когда семья стоит перед чрезвычайными расходами, которые никак не покрываются местными доходами: долги как результат неудачной попытки создать свой малый бизнес, плата за учебу (Рощина, 2008, с. 13; White, 2011, глава 3).

Посткоммунистическое явление № 2: низкий уровень социального доверия

В последние годы исследователи миграции все больше подчеркивают важность социальных сетей. Имеются в виду и сильные связи (с близкими людьми) и слабые связи (с незнакомыми) (Granovetter, 1983). Многие мигранты употребляют сильные связи: едут к родственникам или друзьям, которые им помогают первое время, иногда помогая новому мигранту найти работу. Также можно полагаться на «слабые связи», которые для трудоустройства полезнее (Granovetter, 1983). Агент по трудоустройству – не близкий знакомый, однако он владеет большей информацией о вакансиях на рынке труда. Только надо ему доверять.

* * *

Характерная черта посткоммунистического общества – низкий уровень социального доверия как наследие коммунистического режима. Хотя ученые также отмечают некоторый рост доверия в последние годы, многие люди все еще предпочитают решать свои проблемы через родных и знакомых (Ledeneva, 1998; Rose, 1999; Salmi, 2006; Wciorka, 2008; Giczi и Sik, 2009).

В Польше Jazwinska (2001, с. 124) сравнивает провинцию, где миграционные сети еще сильны, с Варшавой, где будущие мигранты более охотно обращаются к организациям и учреждениям.

Данута (см. выше) выразила типичное для малого города мнение: «Если бы моя сестра или золовка, или кузина были где-нибудь за границей, я бы поехала давно.

Это совсем другое дело, когда едешь к человеку, который найдет тебе квартиру или комнату и какую-нибудь работу. Потому что, если ты просто приедешь на автовокзал и выйдешь из автобуса, что ты сделаешь потом? У меня нет родственников за границей, так что я не могу выехать».

* * *

Что касается России, Т. Рощина, изучая работу на выезде из шести малых городов в 2002-2003 годах, узнала, что «поиск работы с помощью бюро по трудоустройству абсолютно не значим (1%), что говорит как о пассивной работе таких служб, так и о недоверии к ним со стороны населения» (Рощина, 2008, с. 13). Среди респондентов Денисенко и др. (2010) в 2008-2009 гг. «к услугам частных посредников прибегали только 7%».

Мои респонденты в Павловске, практически все студенты педучилища и техникума, разделились на две группы. Большинство не стремились дальше города

Воронежа. Зато маленькая группа, с родными в Москве и Петербурге, думали устроиться в мегаполисах.

Взрослые респонденты-мигранты в Москве также разделились на две группы. Более образованные были смелее, не так зависимы от знакомых и в некоторых случаях готовы пользоваться услугами агентств. Я даже взяла интервью у четверых высоко образованных женщин в агентстве по трудоустройству нянь и домработниц.

Рабочие, с другой стороны, все добрались до большого города с помощью родственника или знакомого. Например, газорезчик Андрей работал у себя в малом городе Нижегородской области, когда его знакомый, став бригадиром группы рабочих в Москве, «позвал» Андрея в Москву.

В свою очередь, Андрей пригласил своих соседей, братьев Виктора и Алексея, когда завод закрылся в малом городе и Андрей потерял работу. После того как Андрей, Виктор и Алексей сделали ремонт в общежитии, они договорились (видимо, неформально) с администрацией и стали его жителями.

Посткоммунистическое явление № 3:

Интеграция и неразвитый рынок жилья

Хотя может казаться странным применять слово «интеграция», когда речь идет о русских в России, каждый приезжий проходит этот процесс, и это особенно актуально в случае больших городов, которые могут сильно отличаться от малых. Например, в Воронеже Лиза рассказала про время после первого приезда: «Для нас первое впечатление о городе – это как заграница».

* * *

Интеграция приезжих происходит в разных областях. Аккультурация зависит частично от самого миг-

ранта, и во всем мире временные трудовые мигранты отличаются своей способностью просто существовать, а не включаться в жизнь местности, куда они приехали работать. Такое поведение было типично для рабочих из малых городов и сел, с которыми я беседовала в Москве.

Например, Володя (строитель из Калужской области) за все годы работы в Москве ни разу не был на Красной площади. Вместо того чтобы тратить деньги на городской транспорт и завязывание новых знакомств, он сидел в своем отдаленном общежитии, как в тюрьме. На вопрос о том, на что он тратит деньги, он ответил: «Все домой».

Аналогичные (хотя не такие крайние) случаи встречались среди поляков в Англии. К примеру, Эва вспомнила: «Когда мы жили в Англии первый раз, это был период вегетации. Мы просто накапливали деньги, все время думая о возвращении в Польшу, как будто мы носим шоры».

* * *

На другие аспекты интеграции мигранты (особенно менее образованные) часто не имеют большого влияния. При «двойном рынке труда» (Piore, 1979) местные жители не идут на неприятные и малооплачиваемые виды работы, поэтому есть спрос на мигрантов.

Мигранты, приехавшие за границу, работают почти исключительно рядом с другими иностранцами и мало общаются с местными жителями. В английских учреждениях, например, очень многие уборщицы – польские женщины. Они жалуются, что не могут познакомиться с английскими людьми.

В Москве наблюдается аналогичная ситуация. Например, по мнению работодателя, интервьюированного Зайончковской и Мкртчяном (2007), «самый большой

дефицит по Москве – водители категорий D, C. Сколько ни даем рекламу, только с регионов к нам приходят. Москвичи не хотят так работать – график работы не устраивает...»

Часто это секторы рынка труда, где можно работать вахтовым методом (например, две недели в Москве, две недели дома) и обойти проблемы регистрации. Так, например, работала моя респондентка Вера из малого города Пензенской области. Бывшая библиотекарь, она устроилась на работу вместе с другими приезжими на 14 часов в день в московском супермаркете.

* * *

Если вышеупомянутые явления более или менее универсальные (особенно если речь идет о международной миграции), то интеграция на рынке жилья – особенно острая проблема в большом русском городе. Среди моих респондентов даже зажиточные молодые московские мигранты с постоянной работой не видели перспективы купить себе квартиру и чувствовать себя по-настоящему как дома в столице.

Молодые люди в тех малых городах, где я проводила интервью, часто окончили университет и вернулись в малый город, где они работали не по специальности или были безработными, просто потому что они не могли позволить себе снимать квартиру и оставаться в областном центре.

Вот, что пишет Вера из Пензенской области: «Очень трудно решается жилищный вопрос. Я могу привести 100 примеров со знакомыми своего города. Молодые люди с высшим техническим или гуманитарным образованием возвращаются домой ни с чем».

Работая в московском супермаркете, Вера сама жила очень скромно, как многие временные рабочие: «Снимаем с такими же, как я, женщинами, одну комнату в

трехкомнатной квартире. Нас четверо в 22 кв. м. Санузел общий, никакого комфорта, как можем сами создаем уют».

Провинциальные мужчины в заводском общежитии обходились совсем без уюта: кровать, телевизор и все. Образованные женщины, работающие как няни или домработницы, жили лучше, зато были служанками в чужом доме.

* * *

Такие условия можно терпеть определенное время. Однако среди респондентов встречались лица, которые работали «временно» уже годами и думали о том, чтобы пригласить к себе семью.

Саша, например (см. выше) хотел пригласить жену в Москву, как только их младшая дочь поступит в вуз. Однако возник вопрос: где жить? По мнению Рощиной (2008, с. 24), «дороговизна жилья в крупных городах – главная причина, препятствующая переезду и удерживающая граждан малых городов в состоянии выездных работников, поэтому работа на выезде будет иметь место еще длительное время. Проблема доступа мигрантов к недорогому жилью чрезвычайно остра».

Мои русские респонденты часто жаловались на дороговизну жилья. Виталий, который выезжал на заработки из уральского села, где, по его словам, работы «просто напросто нет, т. е. совсем нет», отметил: «Половина всех мужчин уезжают работать в другой город. Уезжают мужчины, женщины остаются дома, следят за хозяйством, учат детей. Мешает им уехать то, что жилья в большом городе нет, снимать его на всю семью дорого».

* * *

Ситуация русских трудовых мигрантов сильно отличается от положения польских мигрантов в Вели-

кобритании, где проще снимать жилье. Если отец семьи приглашает к себе жену и детей, мигрантская семья может снимать квартиру. Таким путем временная работа на выезде, которая была нормой в Польше до ее вступления в ЕС, все чаще превращается в переезд семей и их приживаемость на западе (White, 2011).

Заключение

Российские и польские граждане не очень мобильны, если судить по статистике о переездах на новое постоянное место жительства внутри своей страны. При большом экономическом разнообразии русских и польских регионов и богатстве некоторых крупных городов, можно было бы ожидать большой отток людей из бедных регионов в богатые местности.

Русские ученые (Сушков, 2000, с. 82; Рощина, 2008, с.24; Денисенко и др., 2010) считают, что недоступность жилья является главным барьером для постоянного переезда. На это указывают и мои исследования в России.

Поляки решают эту проблему (которая также наблюдается в Польше) путем миграции в западные страны, где они могут жить всей семьей. Русские же часто вынуждены работать на выезде, несмотря на то, что это значит жить в очень некомфортных условиях далеко от семьи.

* * *

Однако остается очень много сходств между русскими и польскими мигрантами, сходства, которые отражают тенденции посткоммунистического общества. Полная картина дается только при изучении специфических домохозяйств и их доступа к средствам существования в местности, где они живут.

В этой статье упоминалось, например, о низком, но

в некоторых местах и слоях общества растущем уровне социального доверия. Если люди боятся выехать через агентство, им доступен только небольшой выбор направлений и мест работы. Однако как наследие коммунистического режима поляки и русские все-таки часто предпочитают полагаться на помощь близких.

Возникновение частных вузов и почти всеобщее стремление к высшему образованию также типичны для посткоммунистического мира, где многие родители считают, что это их долг оплачивать образование детей, даже если одному из родителей приходится уехать из дома в поисках лучшей зарплаты.

В обеих странах принято говорить о своих выездах и переездах скромно. Мигранты не хотят казаться жадными, объясняют, что они уезжают на заработки, чтобы жить «нормально», или по-польски: «за хлебом, не за кокосами».

Список литературы

Денисенко М., Карачурина Л., Мкртчян Н. (2010) «Готовы ли российские безработные ехать за работой?», в «Демоскоп Weekly» № 445-446 за 29 ноября-12 декабря 2010 <http://demoscope.ru/weekly/2010/0445/tema01.php>

Зайончковская Ж.А., Мкртчян Н.В. (2007) «Внутренняя миграция в России: правовая практика. Москва, 2007, с.24-36 в «Демоскоп Weekly» № 337-338, за 16-29 июня 2008 <http://demoscope.ru/weekly/2008/0337/print.php>

Зубаревич Н. (2005) «Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода». Москва: УРСС

Росстат (2012) «Внутрироссийская миграция по территориям прибытия и выбытия»

<http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/population/demography/>

Рощина Т. Г. (2008) «Работа на выезде как фактор повышения уровня жизни населения (на примере малых городов России)». Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук. Москва: Институт народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук.

Сушков В. (2000) Миграция населения в демографических процессах Воронежской области. Воронеж: ВГПУ.

Флюринская Ю. и Рощина Т. (2005) «Миграционные намерения выпускников школ малых городов России», «Мониторинг общественного мнения» 2(74): 77-87.

Цуциев М. А. (2011) «Рецепт развития: внутренняя миграция» <http://bujet.ru/article/110074.php>

Giczi, J. and Sik, E. (2009) 'Trust and Social Capital in Contemporary Europe', in TARKI European Social Report. Budapest: TARKI.

Grabowska-Lusinska, I. and Okolski, M. (2009) Emigracja ostatnia? Warsaw: Scholar.

Granovetter, M. (1983) 'The Strength of Weak Ties: A Network Theory Revisited',

Sociological Theory, vol. 1, pp. 201-233.

Jazwinska, E. (2001) 'Migracje niepelne ludnosci Polski: zroznicowanie miedzyregionalne' in Jazwinska, E. and Okolski, M. (eds) Ludzie na hustawce: Migracje miedzy periferiami Polski i zachodu. Warsaw: Scholar.

Kaczmarczyk, P. (2010) 'Poakcesyjne migracje Polakow – proba bilansu' in Przegląd Polonijny-Studia Migracyjne 2010, no. 4

King, R. and Skeldon, R. 2010. "Mind the Gap!" Integrating Approaches to Internal and International

Migration', Journal of Ethnic and Migration Studies, 36, 10, pp. 1619-1646.

Osipowicz, D. (2002) Rola sieci i kapitału społecznego w migracjach zarobkowych:

Przykład Moniek. Warsaw: Warsaw University Centre of Migration Research, Working Paper 46.

Piore, M. J. (1979) Birds of Passage: Migrant Labour and Industrial Societies. Cambridge: Cambridge University Press.

Rose, R. (1999) Modern, Pre-Modern and Anti-Modern Social Capital in Russia. Glasgow: University of Strathclyde, Studies in Public Policy 324.

Salmi, A-M. (2006) Social Networks and Everyday Practices in Russia. Helsinki: Kikumora.

Wciorka, B. (2008) 'Zaufanie społeczne w latach 2002-2008' Warsaw: CBOS.

White, A. (2004) Small-town Russia. Postcommunist livelihoods and identities: a portrait of the intelligentsia in Achit, Bednodemyanovsk and Zubtsov, 1999-2000. London and New York: RoutledgeCurzon.

White, A. (2007) 'Internal migration trends in Soviet and post-Soviet European Russia' Europe-Asia Studies, 59 (6), pp. 887-911.

White, A. (2011) Polish Families and Migration Since EU Accession. Bristol: Policy Press.

Выписки: подражание М. Л. Гаспарову

«Проблема действительно в том, чтобы отыскать нечто устойчивое...».

Патрик Модино. Маленькое Чудо. «Иностранная литература», 2003, № 7, стр. 14.

Выпуски: подражание М. Л. Гаспарову

«Президент глубокомысленно прищурился. Он всегда так поступал, когда перед ним возникала заведомо неразрешимая задача.

– Вы хотите знать, какой видится мне страна отсюда, из президентского кресла?

– Да, ваша великая страна, – уточнил Старик.

Президент улыбнулся с некоторым облегчением.

– Ну, во-первых, вы должны себе уяснить, что про эту страну вообще никто толком ничего не знает. Слишком уж много тут всего происходит. Четыре временных пояса, представляете? Одни люди проснулись, другие уже спать ложатся. И никто не сидит на месте. Ритм жизни такой, что традиций практически не существует – не успевают сформироваться. Сейчас заканчивается индустриальный век – дымный, отравленный, опасный для здоровья. На смену ему приходит век информации, стерильной, сухой, роботизированной. Промышленный север в упадке, опустевшие фабрики и заводы торчат гнилыми зубами, уродуя ландшафт, а молодежь, у которой появилась масса времени для досуга, тянется к югу и солнцу. Что будет дальше, никто не знает. Мое личное мнение: вся эта суета и беготня не прекратится никогда».

Питер Устинов. Старик и мистер Смит. «Иностранная литература», 1996, № 7, стр. 118.

* * *

«В жизни мало таких трагичных вещей, как эта, – обнаружить что-нибудь не вовремя».

Артуро Перес-Реверте. Кожа для барабана, или Севильское причастие. СПб.: Азбука, 2001, стр. 388.

Дина Мануйлова

Конфессиональная идентичность в российском провинциальном самосознании

Понятие «идентичность» – одно из наиболее многослойных и нагруженных смыслами среди понятий, созданных для объяснения того, что есть человек в отношении к другим людям. Поскольку человек вбирает в себя весь универсум, то проблема идентичности в широком смысле упирается в вопрос: что в своем «я» человек выбирает как сущностное и существенное.

Соответственно выбору, человек включает себя в «мы», в ту или иную социальную группу, но этим выбором «мы» он отделяет себя от «они». Отделение не обязательно равнозначно противопоставлению, оно может быть лишь констатацией некоторого различия, более или менее значимого.

Дина Мануйлова (1936-2012) окончила философский факультет МГУ им. М. В. Ломоносова в 1959 г. и, начиная с 1964 г. 48 лет преподавала философию в Пензенском политехническом институте – Пензенском государственном университете.

Статья «Конфессиональная идентичность в российском провинциальном самосознании» опубликована впервые в сборнике материалов 3-й Всероссийской конференции (22-24 мая 2008 г., Москва-Пенза) Проблемы российского самосознания: эволюционное становление и революционные ломки», изданного Институтом философии РАН (2009 г.).

Особую остроту проблема идентичности приобретает в кризисные, переходные эпохи истории, когда традиционный уклад жизни уже разрушен, а новый тип отношений еще в становлении.

Представляется, что наше общество пока еще пребывает в стадии становления, и проблема самоидентификации сохраняет свою остроту. Во множестве граней и аспектов этой проблемы существенное место принадлежит конфессиональной идентичности.

Конфессиональная идентичность присутствовала в массовом, обыденном сознании всегда. Она как органическая составляющая общественной психологии присутствует в самосознании, в «я» индивида столь же привычно, как внешний облик, родная речь и стереотипы поведения.

Однако прежде чем описывать конфессиональную идентичность в провинциальном самосознании, необходимо определить объект изучения. В данном случае объектом наблюдения является население Пензенской области, как типичной для среднего Поволжья.

Православная конфессиональная идентичность как существенная особо значима для России со времен Московской Руси. Очень актуальной эта проблема стала в период владычества последних Рюриковичей, что связано с утверждением суверенитета Московского государства и потребностью иметь конфессиональную независимость.

Последнее стало возможным после падения Константинополя. Московская Русь, объявив себя преемницей погибшей Византии, воспринимает себя как страну, на которую перешла вселенская миссия православия.

Отсюда берет свое начало автокефально-православное самосознание и соответствующая идентичность. В российскую ментальность входит понятие «Россия право-

славная». Как наследница византийского православия, Россия восприняла и тезис, согласно которому православию тождественно христианству, т. е. оно и только оно есть христианство.

Этот тезис за прошедшие века вошел в массовое сознание последователей православия в России и принял словесную форму: «христианство и католицизм» или «христианство и протестантизм».

Эти словосочетания характерны для привычного повседневного обихода и воспринимаются говорящими как самоочевидная истина.

Православная идентичность в русском самосознании присутствует во все последующие исторические периоды, не всегда на уровне государственном, но всегда на уровне народно-национальном.

Православие – это «наша вера», противопоставленная сектам. Обряды, праздники, символика православия за тысячелетие вписались в повседневное бытие человека.

До начала XX в. православие было идентичностью, характеризующей Россию как страну и государство, оно было идентичностью властвующей элиты и населения, его исповедующего.

Поскольку Россия была по сути всегда поликонфессиональна, то остальные конфессии обладали принципиально иным, чем православие, статусом, они были всего лишь идентичностью для исповедующих их народов.

В начале XX в. после свержения монархии и утверждения советской власти государством принимается Закон об отделении церкви от государства и школы от церкви. Одновременно с этим принимается Закон об уравнивании в правах всех существующих в стране конфессий.

Религия перестает быть знаком социальной идентификации для государства, но не для населения. После отделения церкви от государства государство становится светским.

Советская власть, отделив церковь от государства, пыталась отделить человека от религии, т. е. от посещения храма, соблюдения праздников, обрядов и т. д. Задача эта по сути невыполнима, религия остается социальным мировоззрением, и, как таковая, она присутствует в обществе всегда.

Но не всегда все люди были однозначно верующими, вряд ли среди них было много атеистов, но и в прошлом были религиозно-индифферентные люди. Однако значение имеет прежде всего то, что конфессиональность была и осталась знаком идентичности для большей части населения.

Это, в частности, проявлялось в том, что не только верующие, но и люди индифферентные праздновали церковные праздники и соблюдали основные обряды. Среди православных обрядов прежде всего старались соблюдать обряды крещения и отпевания.

В период правления Н. С. Хрущева активизировалась партийно-государственная борьба с религией. И связи с этим была введена практика учета совершаемых обрядов, учет осуществляли религиозные объединения, статистику собирали чиновники.

По данным этой статистики, для последователей ислама соблюдение традиционных праздников и обрядов было близко к 100% мусульманского населения.

Для православных, по данным этой же статистики, количество крещеных по отношению ко всем новорожденным колебалось в некотором интервале, верхняя граница не всегда доходила до 48-53%.

По данным устного анонимного опроса конца 1970-х

– начала 1980-х гг. это было 85-87%. На вопрос о мотивах исполнения обряда крещения, числящие себя православными, отвечали традиционно: «Чай, мы не татары».

В этом вербальном объяснении неявно присутствует еще одна российская идентичность – этническая. Этническая идентичность в самосознании индивидов и сообществ присутствует в сочетании с конфессиональной. Однако в переломные эпохи истории человеку приходится выбирать между ними, что неоднократно наблюдалось в истории.

В нашей ситуации сейчас этот выбор приходится делать не местному коренному населению, а осевшим здесь выходцам с Северного Кавказа, Закавказья, Средней Азии.

Наблюдение позволяет сделать предварительные выводы, согласно которым выходцы из названных регионов с неодинаковой конфессиональностью различно идентифицированы субъективно и коренным населением.

К примеру, у представителей Грузии и Армении в общении с русским населением на первом плане стоит их православная конфессиональность (не важно, что армянская церковь имеет отличия от православия).

Русское коренное население главной идентичностью считает их «кавказскость» (люди кавказской национальности). Дагестанцы и чеченцы – тоже «лица кавказской национальности», а уже потом мусульмане.

Сами же представители этих народов свою идентичность в общении с местным населением определяют по этнической принадлежности и нераздельно с этим по конфессиональности.

На уровне российской провинции конфессиональная идентичность всегда была существенна, особенно в

регионах поликонфессиональных и полиэтнических, к числу которых относится Пензенская область.

При полиэтничности (русские, татары, мордва, чуваш) в Пензенской области исторически присутствуют две основные конфессии – православие и ислам. (Были и есть другие конфессии, но их присутствие по значимости рассматриваемой проблемы минимально.)

Пензенский регион в прошлом и сейчас можно охарактеризовать как стабильно спокойный, здесь нет конфликтов на этнической и конфессиональной почве, но на фоне процессов, происходящих сейчас в обществе, можно проследить некоторые специфические варианты подчеркивания конфессиональной идентичности.

После празднования 1000-летия русского православия вначале незаметно, а затем все больше и больше традиционно православное население стало носить крестики. Вскоре крестик стал привычным и органичным элементом облика, или, говоря современным языком, имиджа.

В популярной прессе этот феномен объясняли различно, самым простым и вроде очевидным было считать ношение крестика модой, превращая тем самым символ конфессии в просто стильное украшение.

Возможно, причина была не одна, но как наиболее вероятную, судя о прошедшем из дня сегодняшнего, можно рассматривать потребность явно обнаружить свою конфессиональную идентичность.

За прошедшие годы проявление православной конфессиональной идентичности стало привычным и обыденным. Крещение, венчание, отпевание стали повсеместными и общеобязательными.

Характерной чертой проявления православной конфессиональной идентичности сейчас стала не просто открытость, а публичность. Православные корни стра-

ны широко позиционируются в средствах массовой информации и на государственном уровне.

Интегральный итог всего этого можно заметить в появлении новых для Пензенской области поведенческих стандартов. Особенно это заметно в молодежной среде. В последние 4 года можно наблюдать, как девушки-татарки (это коренное население) ходят в одежде, являющейся показателем их конфессиональности (платки, тщательно закрывающие волосы, брючки соответствующего покроя, длинные юбки).

Все больше представителей татарской молодежи соблюдают мусульманский пост – уразу. И если раньше это старались делать не очень заметно, то теперь соблюдение поста подчеркнуто открыто. Эффект соблюдения мусульманского поста нагляден, когда он совпадает с сессией, и особенно, с зимней сессией.

Очень осторожно можно предполагать, что появляется феномен хиджаба. Мусульманская женщина преклонного возраста всегда (и при советской власти) спокойно ходила только с покрытой головой.

Надо при этом не забывать, что и в христианстве, и в иудаизме, и в других конфессиях немолодые женщины голову покрывают.

Но появление юных девушек в хиджабе – новый феномен для нашего региона. В России, и именно в регионе Поволжья, существует многовековая историческая традиция сосуществования ислама и православия, в силу чего в нашем регионе хиджаб не должен стать поводом для нарушения этой традиции.

Хиджаб не вызывает негативной реакции общественности, которая есть в Западной Европе и даже в Турции. Хиджаб – всего лишь знак конфессиональной идентичности, сосуществующий с символами других конфессий.

Причину того, что конфессиональная идентичность приобрела открытый, иногда демонстративный характер, можно искать и во внешних для страны обстоятельствах и во внутренних процессах. В мире вне сомнений возрастает роль ислама, его активность.

Влияние ислама, но не на публичном уровне, возросло и в нашей стране, и иначе быть не может, т. к. ислам в нашей стране не изолирован от остального мусульманского сообщества.

Возрастание роли ислама внутри мусульманской общины в России может дать самые неожиданные, вполне возможно, непредсказуемые результаты.

В заключение можно заметить, что в постсоветский период акцентирование внимания на конфессиональной идентичности и ее публичность в студенческой среде проявляются не всегда явно, иногда это выглядит как своеобразная соревновательность, как вполне доброжелательные споры о том, чье поведение лучше, нравственнее и больше соответствует нормам морали.

Выписки: подражание М. Л. Гаспарову

«Одним из свойств человеческой природы является то, что люди могут всю жизнь свою жить верой, не выраженной ни в каком догмате, ни в каком определении».

Уильям Джемс. Зависимость веры от воли и другие опыты популярной философии. С.-Петербург.: Издание М. В. Пирожкова, 1904, стр. 64.

* * *

«...вера должна быть не столько простодушной, сколько примитивной...».

Питер Устинов. Старик и мистер Смит. «Иностранная литература», 1996, № 7, стр. 104.

Александр Ципко

По тонкому льду

Публикуемый текст Александра Ципко я нашел в Интернете (<http://tsipko.ru>), он был написан от имени «невыездного» ученого в рубрике «О пережитом». Мне показалось, что он очень хорошо ложится в мое видение того, как формировались духовные или идейные предпосылки перестройки. По существу Ципко поведал о том, какие метания происходили в ученой среде столицы по поводу национальной идеи, которая под влиянием реалий стала менять очертания и в конце концов умерла.

Мне прочитанное было весьма близко потому, что в 80-е годы работал над диссертацией в отделе истмата Института философии АН СССР, а в 1984-1992 гг. довольно регулярно и плотно общался с Ципко как со старшим товарищем, который в итоге сыграл решающую роль в моем переходе от рефлексирующего интеллектуала к организатору духовного производства.

Для меня, как издателя «Парка Белинского», важно и то, что текст Ципко написан в формате биографических заметок, что заметно повышает его эмоциональность и доступность для читателей.

Александр Ципко, 71 год, выпускник МГУ им. М. В. Ломоносова (1965 г.). 40 лет проработал в Институте экономики мировой социалистической системы (в последние годы часть Института экономики РАН). Автор работ, которые ускорили прозрение советской интеллигенции в отношении марксизма и социализма. В настоящее время сторонник «либерального патриотизма».

Решающую роль в принятии решения опубликовать текст Александра Ципко, но под другим названием и с частичными сокращениями, сыграл отзыв Леонида Викторовича Смирнягина. Вот он.

«С удовольствием прочёл материал Ципко. Его стоит опубликовать. Вещь искренняя, потому что наивная: он часто лукавит, но очень безыскусно, а если знать его публицистический дар, то порою кажется, что он имитирует наивность для красного словца. Слишком много, пожалуй, «я», «меня», «мною», но он так, видать, и задумал – писать о себе, а лишь во-вторых и через себя – о Времени.

Я думаю, читателям вашим это будет интересно, многие люди его поколения легко узнают свои метания и захотят выдать свои заблуждения за некие смутные прозрения – и, возможно, сядут писать что-то подобное, чтобы послать в Ваш журнал.

На удивление мало такой мемуарной литературы. В центральных журналах она воцще как-то не принята. Хорошо бы в ваших она стала появляться, а то ведь уходят не только годы, но и люди.

Искренне Ваш Смирнягин».

Я оказался в Институте экономики мировой социалистической системы случайно. На своем родном фило-софском факультете МГУ я в начале 70-х был в целевой аспирантуре от Отдела исторического материализма Института философии АН СССР.

И в конце 1971 года, когда я уже обсудил диссертацию и был поставлен на защиту на апрель 1972 года (она была посвящена определению критериев прогресса), все шло к тому, что я должен был идти на работу в Институт философии, в сектор Владислава Жановича Келле на должность младшего научного сотрудника.

Я к тому времени уже успел зарекомендовать себя

как борец с «догматическим марксизмом». Выпущенная под моей редакцией брошюра «Беседы о нравственности» («Молодая гвардия», 1968 г.) была удостоена критики в журнале «Коммунист» (№ 1, 1970 г.) за «попытку пересмотра классового подхода к морали».

В шестидесятнических кругах по достоинству были оценены и мои статьи в «Комсомольской правде», опубликованные под рубрикой «Семинар ведет наш корреспондент Александр Ципко», и мои совместные с Владимиром Кокашинским и Игорем Клямкиным попытки очеловечить марксизм, реабилитировать проблему отчуждения (наша книга «Проповедь действием» вышла в 1968 году в издательстве «Молодая гвардия»).

Так что опальный в те времена Институт философии был готов принять меня в свои свободолюбивые ряды.

И надо вспомнить с благодарностью, что тогда, в конце 60-х, когда решалась моя судьба, многие люди сделали все возможное и невозможное, чтобы после упомянутой статьи в журнале «Коммунист» уберечь меня от «волчьего билета» и сохранить мне возможность работать по специальности.

Настойчивое желание кураторов философии в Отделе науки ЦК КПСС (и Григория Квасова, и Николая Пилипенко) исключить меня из рядов КПСС, уволить из ЦК ВЛКСМ за то, что я ослушался их и привлек работать над программой бесед о нравственности для молодежи опальных этиков Гелу Бандзелидзе, Петра Егидеса, Виктора Шейнина, Тамару Самсонову, наткнулось на сопротивление в Отделе пропаганды ЦК КПСС и в секретариате ЦК ВЛКСМ.

Все окончилось компромиссом, который предложил секретарь ЦК ВЛКСМ Александр Камшалов. Вместо исключения из партии – строгий выговор без занесе-

ния в учетную карточку. И только после снятия выговора – увольнение из ЦК ВЛКСМ.

Я должен вспомнить и заведующего сектором политического просвещения Отдела пропаганды ЦК КПСС Михаила Петровича Габдулина, который убедил нового первого секретаря ЦК ВЛКСМ, растерявшегося Тяжельникова (Сергей Павлов, который испытывал ко мне симпатию и принимал меня на работу в ЦК ВЛКСМ, как «хрущевец», был снят с работы в 1968 году) не идти на поводу Отдела науки и не сдавать меня, спасти, как он говорил, «способного и перспективного сотрудника».

И не было бы в моей жизни моего главного счастья – быть исследователем, возможности работать в ИЭМСС – если бы в то время «охоты за ведьмами», охоты на «отступников от марксизма», последовавших после ввода наших войск в Чехословакию в августе 1968 года, не нашлись бы люди в аппарате ЦК ВЛКСМ, и в аппарате ЦК КПСС, которые на свой страх и риск спасали от худшего таких штрафников, как я.

Вслед за публичным разоблачением в июне 1969 года в Академии общественных наук изданной под моей редакцией брошюры «Беседы о нравственности» последовал целый ряд подобных идеологических процессов: осенью того же года в Академии общественных наук над книгой Юрия Левады о Парсонсе, а спустя год – над сборником статей о Ленине под редакцией Гефтера.

А дальше меня спасали мои профессора, декан философского факультета МГУ Михаил Овсянников и заведующий моей кафедрой Илья Панцхава. Они на заседании деканата, вопреки сопротивлению профессора Хачика Момджяна, буквально «взяли меня на поруки» и, несмотря на идеологические ошибки, «осужденные в журнале «Коммунист», несмотря на уже снятый

выговор по партийной линии, перевели меня из заочной аспирантуры в очную.

Кстати, еще об одной особенности нашей идеологической жизни в 60-е и 70-е годы, на которую никто не обратил внимание. Возможностей выйти за границы идеологических штампов, установившихся норм партийной жизни наверху, в аппарате, было куда больше, чем внизу, в низовых организациях, в частности, в учебных заведениях.

Ведь на самом деле после снятия выговора меня уже никто из ЦК ВЛКСМ не выгонял. Евгений Михайлович Тяжелников за это время укрепился, и Отдел науки с моими врагами не был ему указом.

Как раз в конце 1970 года Валерий Ганичев, в то время он был директором издательства «Молодая гвардия», предложил мне должность заместителя главного редактора.

Но мой научный руководитель Галина Михайловна Андреева посоветовала мне не уходить из науки, к чему, как она говорила, у меня есть определенные способности. И тогда я принял решение уйти от судьбы аппаратчика и перешел из заочной аспирантуры в очную.

И вот здесь выяснилось, что вопросы, решаемые легко внутри аппарата, представляют большую сложность даже для МГУ.

Сам факт критики меня за идеологические ошибки в журнале «Коммунист» воспринимался некоторыми сотрудниками моей кафедры как запрет на профессию. И не будь на моей стороне декана Михаила Овчинникова и заведующего кафедрой Ильи Панцхавы, я бы, наверное, привыкнув к устроенной по тем временам жизни издательского начальника, лишил бы себя самого главного счастья – работать над текстом, радоваться своим публикациям.

И здесь еще одно наблюдение. Уже в 60-е, всего спустя 10 лет после смерти Сталина, в интеллигентской среде, в журналистской, академической и даже в аппаратах ЦК КПСС и ЦК ВЛКСМ зародился и ширился инстинкт морального самосохранения. Конечно, в рамках возможного.

Люди, облеченные властью, – для нас, работников ИЭМСС, примерами подобного поведения были Олег Тимофеевич Богомолов, Игорь Иванович Орлик, Владимир Михайлович Шаститко (в должности секретаря институтского парткома) – спасали от расправы, сохранили возможность работать по специальности многих, кто, как я, допускал или «идеологические ошибки», или расходящиеся с «линией партии» высказывания.

Сам замысел Олега Тимофеевича создать коллектив по тем временам и тем возможностям свободолобивый, требовал достаточно мужества и гражданской смелости. Но это говорит о том, что рамки самой системы были подвижными, они не мешали поддерживать высокий уровень морали, людям оставаться людьми. Все это стало возможно только после Хрущева, после XX съезда КПСС.

Могу вспомнить, как Владимир Шаститко, конечно, по поручению Олега Тимофеевича, буквально спасал от расправы сотрудника нашего отдела Виктора Киселева (он, как потомок раскулаченных, был куда более яростным антисоветчиком, чем я, воспитанный на книжном, веховском антикоммунизме), который в публичной лекции на выезде осудил ввод наших войск в Афганистан.

Благодаря хитрой тактике Шаститко, вся требуемая экзекуция над Виктором Киселевым ограничилась спектаклем по его осуждению на партбюро. При этом все

советовали Виктору поступать, как это делает мудрый Вячеслав Иванович Дашичев: пишет все то, что говорит на лекциях Виктор Киселев, но при этом ссылается на интересы «национальной безопасности», стратегические интересы развития мировой социалистической системы.

Надо понимать, что у наших фронтовиков И. И. Орлика, В. И. Дашичева, А. П. Бутенко и других были все же особые права на смелость, которыми мы, дети войны, не обладали.

Если кто-то всерьез будет изучать пути и методы размягчения, а на самом деле – разрушения, советской идеологии легальными, подручными средствами, пути и методы расширения дозволенного, то для него классическим примером должна стать практика нашего института, ИЭМСС.

Вообще, характерное для нынешней эпохи забвение всего, что делалось задолго до перестройки, и в большой мере в нашем богомоловском ИЭМСС для преодоления так называемого «догматического марксизма-ленинизма», все-таки аморально.

Наверное, никто, ни Олег Богомолов, ни Игорь Орлик, ни тот же Анатолий Бутенко, которого нет, не претендуют на лавры освободителей. Но все же в наше время, когда все позволено, надо помнить, что и те, кто совершал поступки, говорил языком правды, и те, кто их спасал, многим, очень многим рисковали. Мне вообще кажется, что руководящая работа в нашем Институте была подобна ходьбе по тонкому льду.

Я вспомнил обо всей этой предыстории своего появления в ИЭМСС, ибо она важна для понимания, почему в роли очередного спасителя в моей жизни оказался Анатолий Павлович Бутенко, который давно ушел из истмата в научный коммунизм и который, как гово-

рила эксперт ВАКа Елена Модржинская, выступавшая против присуждения мне кандидатской степени, «не был специалистом по теме моей диссертации».

Для тех, кто не знает жизни философов в СССР в 70-е, могу сказать, что Елена Дмитриевна Модржинская, которая была одним из наиболее успешных резидентов нашей внешней разведки во время войны, на пенсии занималась в силу своих крайне догматических убеждений «отстрелом» по наводке Отдела науки ЦК КПСС «неустойчивых в идеологическом отношении» коллег.

Как потом выяснилось, моя вина была не только в том, что я покушался на святое, на марксистско-ленинскую трактовку критериев прогресса как уровня производительных сил, но и в том, что выбрал себе в научные руководители профессора Галину Михайловну Андрееву, которая раздражала Елену Дмитриевну по многим соображениям. И не только за то, что она издала первую в СССР книгу об американской социологии.

Моя вина была и в том, что моим главным оппонентом был однокурсник Галины Михайловны, «откровенный ревизионист», противник «развернутого строительства коммунизма в СССР», как говорила Модржинская, Анатолий Бутенко.

Об этом мне рассказал помощник заведующего Отделом пропаганды ЦК КПСС Петр Иосифович Симуш, который вызвал меня в сентябре 1972 года, когда я уже работал в ИЭМСС, для беседы и, как выяснилось, принимал активное участие в моей судьбе, уговаривал Елену Дмитриевну открыть зеленый свет моему кандидатству.

В Петре Иосифовиче Симуше было что-то провидческое, цыганское. Когда наша беседа-знакомство по-

дошла к концу, он подошел к окну, прищурился и сказал мне: «Не думайте, что я так просто спасаю вашу защиту. Моя задача – помочь человеку, который со временем станет очень известным и нужным стране».

Не знаю, в какой мере моя уже заканчивающаяся карьера как автора, сейчас публициста, оправдала надежды Петра Иосифовича. Все-таки при всех наших стараниях и активности наша посткоммунистическая и тем более советская публицистика, общественная мысль на уровень, если не на два ниже по качеству дореволюционной.

Но за ней стоит сознание многих аппаратчиков, что система в сложившемся, унаследованном от Сталина виде не может долго существовать. И что не надо ломать жизнь тем, кто имеет данные быть полезным уже в другой, иной стране.

Очень важно не с личностной, а с исторической точки зрения, что тот уникальный климат доброжелательности, та высокая культура, как принято говорить, «общечеловеческой морали», которая на протяжении десятилетий была характерна, да и до сих пор сохранилась в нашем институте, все же закладывалась аппаратчиком Олегом Богомоловым. Она, сама эта его цель превратить институт в общежитие способных и порядочных людей, была осознанной и сказывалась на его кадровой политике.

Все это говорит о том, что решающую роль в преодолении репрессивного характера ленинско-сталинской системы у нас в России сыграл сам партийный аппарат, что наша запоздавшая контрреволюция была произведена сверху, самими коммунистами.

Правда состоит в том, я это точно знаю, об этом писал в своих воспоминаниях и Наиль Биккенин, что Горбачева подтолкнул к перестройке, к демократичес-

ким преобразованиям сам факт наличия критической массы реформистски настроенной интеллигенции, которая мечтает о переменах, как казалось Горбачеву, мечтает о «просвещенном», «демократическом» генеральном секретаре.

Когда Горбачев был секретарем ЦК КПСС по сельскому хозяйству, именно через наших сотрудников Гелия Ивановича Шмелева и Буздалова направлялись наши записки и предложения о ходе реформ в сельском хозяйстве Восточной Европы, о преимуществах кооперации. Кстати, я еще в 1984 году через Буздалова (а он через помощника Голикова) передал Горбачеву с дарственной надписью свою книгу «Некоторые философские аспекты теории социализма».

Но все это было потом. Сначала о боях местного значения.

Мой покровитель и научный руководитель профессор Галина Михайловна Андреева была вынуждена использовать для защиты меня от возможных неприятностей такое тяжелое оружие, как авторитет Анатолия Павловича Бутенко, ибо резервы Института философии как ведущей организации были использованы, а на самом факультете не нашлось докторов, кто захотел бы поддержать мой спорный по тем временам критерий прогресса как развитие личности.

Тем более, что уже во время обсуждения диссертации стало ясно, что некоторые члены ученого Совета будут голосовать против.

Галина Михайловна позвонила Анатолию Павловичу, и он согласился прочитать диссертацию. Через несколько дней, в довольно холодную погоду конца осени 1971 года, я позвонил в квартиру Анатолия Павловича Бутенко, во дворе дома Косыгина, в одном из первых подъездов направо, на первом этаже.

Анатолий Павлович пригласил меня в свой кабинет, его жена Марина Хевеши, близкая подруга Галины Михайловны, как я потом узнал, дочь лидера венгерских коммунистов в изгнании, принесла нам чая, и я начал отвечать на нехитрые, совсем житейские вопросы Анатолия Павловича.

Только потом, когда примерно через неделю, я узнал, что Анатолию Павловичу диссертация понравилась и он дал согласие быть первым оппонентом, я понял, зачем Анатолий Павлович вел со мной разговоры, имеющие мало отношения к самой теме диссертации.

Все дело в том, что Анатолий Павлович уже тогда, в первый день нашего знакомства, примеривал меня на должность сотрудника своего не до конца сформированного отдела.

Где-то в середине декабря Анатолий Павлович пригласил меня для «серьезной беседы в институт» и дал мне для связи служебный телефон. И я впервые в жизни шел от метро Профсоюзная, выход со стороны первого вагона, в сторону Новочеремушкинской улицы, тогда дома № 46, как мне объяснили, «напротив кинотеатра «Тбилиси».

Поднялся на пятый этаж, на котором мне довелось провести с польским перерывом самые радостные 15 лет жизни и который на долгие годы стал моим вторым домом. Эта большая комната в левом углу на пятом этаже стала для меня не только местом работы, но и личным кабинетом. По субботам и воскресеньям я приходил сюда писать свои книги. После рождения второго ребенка в 1975 году я уже не мог заниматься научной работой в своих двух комнатах-клетушках.

У меня было 7 метров жилой площади на человека, а чтобы встать в очередь на квартиру в Академии наук надо было иметь пять.

Анатолий Павлович сразу мне предложил после защиты не идти в Институт философии, где, как он говорил, мне уготована судьба вечного младшего научного сотрудника до тех пор, пока я не защищу докторскую, а после защиты переходить в ИЭМСС, где, как он обещал, после присвоения кандидатской степени я получу старшего.

Я сразу, не раздумывая, принял его предложение и не только корысти ради. Анатолий Павлович обладал харизмой и даром внушения. Хотя аргумент 250 рублей вместо 175 при моей, как у всех, нищез жизни с ребенком, несомненно, работал. Подкупило еще предложение «перейти от голой теории к практике», «исследовать, как обстоит дело со строительством социализма на практике».

После моей месячной командировки в Прагу летом 1967 года я был заражен идеями «пражской весны» и надеялся, что и у нас в СССР когда-нибудь тоже кончится этот бесконечный маразм. После Праги, знакомства и с Ота Шиком, и с Карелом Косиком вопросы теории социализма стали предметом моих раздумий.

Сама идея построить другой социализм, демократический, не похожий на то, что было в СССР, была заманчивой. Надо понимать, что на самом деле философский факультет с его сохранившимся открытым доступом к русскому идеализму, к «Вехам» и произведениям веховцев, правда, дореволюционным, делал из тех студентов, кто обладал здравым смыслом, и антимарксистов, и антисоветчиков.

Правда, наиболее активные антимарксисты и антисоветчики переходили на кафедру логики, лучше математической логики, и этим, как они говорили, «шарлатанством» (речь шла о марксизме-ленинизме) не занимались.

А верящие, что все же социализм мог быть другим, более демократическим, будь на месте Сталина Бухарин, шли на кафедру истмата и занимались теорией отчуждения, критикой бюрократии.

И здесь важно сказать, что имеет значение для будущих исследователей нашей советской эпохи, что отношение к «пражской весне», к самой идее очеловечивания «реального социализма» было той лакмусовой бумажкой, по которой в шестидесятнической среде определялась моральная благонадежность.

Рискну утверждать, что в нашем бутенковском отделе все без исключения, и прежде всего сам шеф, Бутенко, Амбарцумов, Лиля Шевцова, Марина Павлова-Сильванская, Витя Киселев, были последователями идеи социализма с человеческим лицом.

Другое дело, что где-то до начала 1989 года никто из нас не верил, что возможно то, что произошло в 1991 году, возможна полная и окончательная гибель социализма в СССР. Кстати, вот этого краха социализма, в отличие от меня, Шевцовой, Клямкина, многие в Институте действительно не желали.

Идейный раскол между правыми, сторонниками реставрации капитализма, и левыми, сторонниками демократического социализма, произошел в 1990 году. Но тогда дело ускоренной декоммунизации Института взял в свои руки Олег Тимофеевич Богомолов.

Хотя по своей политической позиции, в своей борьбе за сохранение обновленного, демократического СССР я был ближе к тем в Институте, кто, в отличие от меня, Лилии Шевцовой, Евгения Амбарцумова, Игоря Клямкина, не вышел из КПСС.

В 1990-1991 годы Ельцин расколол наш бывший коллектив единомышленников. Я, как и Саша Некипелов, Руслан Гринберг, Света Глинкина, остался и эмоцио-

нально и идейно противником Ельцина. Хотя, если бы я принял заманчивое предложение Геннадия Бурбулиса, которое он мне сделал в начале марта 1991 года, был бы я каким-нибудь министром.

Правда, при этом я уже стал бы другим человеком, что-то убил в самом себе.

Еще во время первой встречи у себя дома Анатолий Павлович подарил мне тонкую, изданную ротاپринтом под грифом Института брошюру, где он делал акцент на так называемом позднем Ленине, на его «политическом завещании», настаивал, вслед за Лениным, «на пересмотре точки зрения на социализм», на реабилитации кооперации и товарно-денежных отношений.

А я, в свою очередь, рассказывал Анатолию Павловичу о своих впечатлениях от встречи с идеологами «пражской весны», с Ота Шиком, Карелом Косеком, братьями Махониными – летом 1967 года в Праге, где я совмещал практику в университете с работой корреспондента «Комсомольской правды».

Общей идейной платформой для меня с Бутенко до начала 80-х была борьба с косолаповской концепцией развернутого строительства коммунизма, с призывами Ричарда Ивановича добиться полного обобществления средств производства.

Несомненно, меня, как сторонника демократических и рыночных реформ, живущего с 1967 года идеалами социализма с человеческим лицом, подталкивал к согласию работать в ИЭМСС АН СССР и тот идейный, человеческий комфорт, который предлагало мне предложение Анатолия Павловича.

Я уже не помню, когда я попал на беседу к Олегу Тимофеевичу по поводу моего возможного перехода в Институт после окончания аспирантуры. Скорее всего, это произошло уже после нового, 1972 года. Из этого

недолгого и совсем не обременительного с психологической точки зрения разговора складывалось впечатление, что вопрос о моем переходе в Институт уже решен.

Олег Тимофеевич был в хорошем настроении, шутил и улыбался, я запомнил только заключительную фразу: «Работа в ЦК ВЛКСМ не помеха для работы в научно-исследовательском институте, я тоже многие годы отдал аппарату ЦК КПСС». И только спустя годы я понял, что стояло за этой фразой.

Как я узнал позже, не все в нашем Отделе поддерживали решение Анатолия Павловича взять на работу «бывшего сотрудника ЦК ВЛКСМ».

Оказывается, тогда, в конце 60-х – начале 70-х, ЦК ВЛКСМ в сознании интеллигенции ассоциировался с идеологией журнала «Молодая гвардия», ассоциировался с реакционностью, почвенничеством и прочими в ее глазах грехами.

Я вспомнил обо всех этих шумах, которыми сопровождался мой прием на работу в ИЭМСС, для того, чтобы напомнить, что защита моральной, духовной атмосферы, забота о том, чтобы закрыть дверь перед склочниками, реакционерами, догматиками всегда стояла на первом месте в кадровой политике Олега Тимофеевича.

Конечно, спустя годы я с помощью наших «душеприказчиков» из Первого управления КГБ, с помощью Константина Дубаса и Виктора Зигалья узнал, с кем мне нельзя быть откровенным во время наших бесконечных дискуссий на площадке пятого этажа. Конечно, штатные осведомители были и в нашем коллективе. Но Олег Тимофеевич делал все возможное, чтобы смягчить негативные последствия нашей трудно скрываемой оппозиционности.

Справедливости ради скажу, что и в ЦК ВЛКСМ, где я, по словам моего шефа Валерия Ганичева, проходил за единственного в своем роде «белого специалиста», руководство разными путями спускало вниз информацию о том, с кем нельзя быть откровенным, кто является штатным осведомителем.

И здесь я перехожу ко второй, в содержательном смысле более важной причине, которая заставила меня начать рассказ о моей жизни в институте с того, что приключилось со мной раньше, с тех моих поступков, которые сформировали меня как политическую личность и одновременно наложили существенный отпечаток на мою жизнь в институте. Дело даже не во мне. Мы сами по себе, по собственной воле делали себя такими, какими мы приходили в Институт.

Никто не заставлял меня в далеком октябре 1965 года на активе коммунистов Москвы (он проходил в актовом зале МГУ), где с докладом о подготовке партии к XXIII съезду КПСС выступал секретарь ЦК КПСС Петр Демичев и где присутствовали все секретари ЦК, кроме Сулова, встать с места, попросить слова, пройти в момент растерянности президиума к трибуне и подвергнуть критике главную идею доклада Петра Демичева, а именно его тезис «Сталин и партия едины».

Одновременно я раскритиковал все руководство КПСС за отход от идей XX съезда КПСС.

И что с этим сумасшедшим студентом, выступление которого было поддержано аплодисментами в зале, было делать?

Как мне потом рассказал подвыпивший на выпускном вечере наш главный «смотрящий» от КГБ, доцент Шкуринов (он был со мной откровенен, ибо тогда, в июле 1968 года, я был уже номенклатура, инструктор ЦК ВЛКСМ), если бы не сам Демичев, который сказал,

что меня не надо трогать, меня бы спровадили в психушку. И этот факт сам по себе поразителен.

Петр Нилович Демичев снимает секретаря парткома МГУ Мочалова за плохую организацию актива, за весь скандал, связанный с моим выступлением (уже вечером 26 октября 1965 года его транслировала «Свобода»), и одновременно просит секретаря ЦК ВЛКСМ Журавлеву обратить на меня внимание. Это говорит только о том, что в душе сам Демичев был со мной, с моей антисталинской позицией согласен.

Я теперь понимаю, что Олег Тимофеевич Богомолов и его заместитель Игорь Иванович Орлик, который курировал отдел Бутенко, имели много лишних хлопот в жизни от таких «молодых, перспективных научных сотрудников», как я, у которых уже в момент прихода в Институт висели на ногах такие тяжелые гири неблагонадежности.

И я очень благодарен и Олегу Тимофеевичу, и особенно Игорю Ивановичу Орлику, который с 1973 года стал моим ангелом-хранителем и вплотную занялся и моей научной и карьерной судьбой, за то, что они делали все возможное и невозможное, чтобы я не замечал неудобства моей невыездной позиции.

Игорь Иванович, конечно, с одобрения Олега Тимофеевича Богомолова, на протяжении почти что 15 лет, вплоть до моего перехода в ЦК КПСС в ноябре 1986 года, делал все возможное, чтобы смягчить для меня все моральные, на самом деле серьезные духовные тяготы «невъездного», «некарьерного», т. е. того, которого нельзя выпустить на Запад, нельзя сделать завсектором.

Что-то в моей анкете, которую имели перед собой работники КГБ, которые для выездных комиссий ЦК давали или добро, или отказ, было такое, что было по-

страшнее «пятого» пункта. Об этом, наверное, мало кто знал в Институте, но я это ощущал постоянно.

Подходит к тебе Боря Пугачев, который был негласным старостой и по заданию Анатолия Павловича очень многое сделал для моей моральной акклиматизации в Отделе в первые месяцы после прихода в Институт, и предлагает поехать в составе делегации Института в туристическую поездку в Париж. Я – за, но говорю ему, что, скорее всего, меня не пустят.

Боря где-то что-то узнал и никогда больше не приглашал меня в туристические поездки на Запад. Не знаю, по какой причине, но у нас в Отделе, насколько я помню, и Лиля Шевцова была выездной только в Польшу как объект своих научных исследований.

Если бы не настойчивость и аппаратный практицизм Игоря Ивановича Орлика, я бы никогда не выехал на работу в Польшу в 1978 году на должность доцента Института философии и социологии Польской академии наук, не стал бы единственным в своем роде обладателем степени доктора философии хабилитованного.

Почему он так активно включился в реализацию почти утопического проекта тогда вице-президента Польской академии наук Яна Щепаньского официально перевести меня из ИЭМСС АН СССР в Институт философии и социологии ПАН и сделать из меня доктора через Польшу, провести меня через ВАК уже в виде пострификации диплома ПНР? Мотив добра. И больше ничего.

Правда состоит в том, что в личностном, эмоциональном отношении я очень быстро сошелся с Игорем Ивановичем. В силу разницы в возрасте мы не могли стать товарищами, но открытость друг к другу существовала. Возможно, это связано с тем, что мы сфор-

мировались в одной и той же одесской культуре общения: он до войны, я после войны.

Но если из меня вышел политолог, тем более публицист, то только потому, что Игорь Иванович, благодаря своим титаническим усилиям, подключая к своим планам в отношении меня и Петра Николаевича Федосеева, дал мне возможность более двух лет не просто поработать в Польше.

Все дело в том, что, попадая в атмосферу свободы (в Польше в 70-е духовная жизнь и даже обществоведческие были куда богаче, чем в СССР), ты находишь в себе те таланты и способности, которые в рамках советской культуры создания научных текстов просто нельзя было проявить. На самом деле я стал публицистом в Польше в конце 70-х. Мои тексты, конечно, в переводе печатались во многих и прежде всего научных журналах.

И мало кто тогда в Польше знал, что пан Сурко – гражданин СССР. Но не забывайте, эта идея – превратить меня на несколько лет в поляка – как раз и принадлежала на правах соавторства со Щепаньским Игорю Ивановичу Орлику.

И не могу не сказать, что я оправдал доверие Института. Уже с начала 1979 года я стал равноправным членом наиболее престижных семинаров Польской Академии наук.

Если судить с точки зрения национальных интересов, то настойчивое желание превратить меня в специалиста по польской проблематике, ввести меня в польскую научную среду, в польскую интеллектуальную элиту, тем более она сама открыла двери перед моей персоной, было оправдано.

Но будем откровенны. Кто тогда в СССР в 70-е, а тем более в начале 80-х в кадровой политике на самом деле руководствовался национальными интересами?

Вопрос носит риторический характер. По крайней мере очевидно, что СССР терял силу, разрыхлялся во многом потому, что многие, от кого зависела судьба их отрасли, в отличие от руководителей нашего ИЭМСС, руководствовались страхом потерять свою должность.

В Польше я пытался по просьбе нашего Константина Никитича Дубаса (наверное, он тоже, как представитель внешней разведки в нашем институте, приложил усилия, чтобы меня выпустили на работу в «логово ревизионизма», в Польшу) во время начавшихся событий «Солидарности» в августе 1980 года помочь работникам КГБ, прибывшим сюда в пожарном порядке, разбираться в новой, «внештатной» ситуации.

Я им не только читал несколько раз лекции о причинах и ходе кризиса 1980 года (как я их понимал), но и предлагал установить контакты с теми деятелями «Солидарности», ее идеологами, которые были готовы обсуждать с ними, для того «чтобы избежать худшего, то есть сценария 1968 года», границы «претензий оппозиции».

Но в ответ я слышал одну и ту же фразу: «Саша, ты сумасшедший, ты свободный художник, завтра уедешь из Польши, а если мы начнем на свой страх и риск сотрудничать с «Солидарностью», а тем более с «подставными лицами», то нашей службе в органах хана».

Вот так работали наши службы, которые решали, что нам, сотрудникам Института, можно, а что нельзя, что полезно для государства, а что нет. Идеологический подход даже у умных из них замораживал мозги.

Никто из них и мысли не мог допустить, что научный сотрудник, видящий и даже говорящий вслух о слабостях и даже пороках нашего «передового общественного строя», мог одновременно не меньше их быть преданным стране и не помышлять о бегстве за рубеж.

Все эти грузы идеологических доносов, которые висели на ногах многих работников нашего Института (Коля Шмелев, зять Хрущева, тоже много лет был невыездным), собирали не только работники КГБ.

Относительно недавно, лет 5 назад, ко мне на Ильинке подошел мужчина лет шестидесяти, скорее всего, мой ровесник, и представился. «Не удивляйтесь, я полковник КГБ в отставке Никифоров, был вынужден в силу характера своей работы на протяжении многих лет изучать Ваше дело и прежде всего поступающие на Вас доносы как на антисоветчика».

Самое интересное, рассказывал мне остановивший меня прохожий, что Горбачев взял Вас в ЦК как раз в тот момент, когда Вы были переведены «в оперативную разработку». Так вот, мой биограф по линии КГБ рассказал, что в моей объемистой папке 16 или 17 доносов с серьезным анализом моих антисоветских и антимарксистских взглядов.

Но самое главное, мой невольный биограф, питающий личный интерес к моей персоне, добавил, что все эти объемные доносы по собственной инициативе или по заданию инстанций писали мои коллеги-философы, причем многие – по зову сердца.

Система, наверное, и умирала постепенно, по мере того, как все меньше и меньше становилось членов КПСС, готовых писать доносы на своих коллег.

Память у меня до сих пор идеологизирована, ибо надо признаться, что мы, наш Институт в целом, даже если мы это не осознавали, был нацелен на то, что мы называли «реформированием реального социализма». Мы не просто изучали ситуацию в странах Восточной Европы.

Мы всегда и в своих записках, и в своих статьях, выступлениях активно поддерживали в жизни, в эко-

номике стран Восточный Европы то, чего не было у нас и не могло быть в силу нашего жесткого догматизма.

Я не могу вспомнить уже о чем я говорил во время наших долгих разговоров с Евгением Аршаковичем Амбарцумовым, которого я воспринимал как старшего товарища, но объект критики у нас был всегда один – «маразм нашей родной системы».

Конечно, у нас, у руководства нашего Института есть все основания сказать, что именно мы были идеологическим штабом перестройки, что авторы, играющие основную роль в формировании духовного климата конца 80-х, родом отсюда, из ИЭМСС: речь о Николае Шмелеве, Игоре Клямкине, Отто Лацисе, Геннадии Лисичкине и, наверное, об авторе этих заметок.

Все-таки мои четыре статьи «Истоки сталинизма», опубликованные в конце 88-го и начале 89-го годов в журнале «Наука и жизнь», разошедшиеся миллионными тиражами, тоже сделали свое дело в разрушении системы.

Но спустя годы надо честно признать, что те, кто писали на нас доносы, кто видел в нас и «ревизионистов», и «противников существующего строя», были правы. На самом деле мы не развивали науку о социализме и социалистическом строительстве, а поддерживали в СССР те идеи, которые ускоряли гибель созданной Лениным и Сталиным системы.

Были правы со своей догматической точки зрения и те участники судилища над моей книгой «Некоторые философские аспекты теории социализма» (Наука, 1983 г.), которая вышла под грифом Института, которые утверждали, что автор хочет не реформ, а реставрации капитализма.

Конечно, тогда, в апреле 1984 года, когда Цаголов на своем семинаре политэкономии социализма в МГУ

намеревался дать последний и окончательный бой «реставрации капитализма» Ципко, организованный Олегом Тимофеевичем штаб по спасению идеологической репутации Института сработал блестяще.

На Ученом совете мы сумели дать отпор разгромной рецензии на книгу, подготовленной по заданию Григория Квасова и Николая Пилипенко директором Института социологии М. Н. Руткевичем. Кстати, на само обсуждение моей книги на экономическом факультете МГУ (оно продолжалось два дня) Олег Тимофеевич меня не пустил. И правильно сделал. Он знал, что у меня не совсем хорошо обстоит дело с сердцем.

На этом идеологическом процессе защитниками «права на творческий марксизм» были Боря Пугачев, Отто Лацис, Геннадий Лисичкин.

Кстати, уже позже первый секретарь Черемушкинского райкома КПСС рассказывал, что сам Зимянин через голову Гришина требовал от него, чтобы по результатам обсуждения меня исключили из КПСС.

Но тогда все понимали, что речь идёт не столько об идеологической репутации Института, который выпустил в свет идейно порочную книгу с прямой критикой главного редактора «Коммуниста» Р. И. Косолапова, сколько о стремлении нанести урон П. Н. Федосееву и освободить место для того же Косолапова.

Идея демократического социализма, основанная на идеях Маркса и Ленина, о чем мечтал до конца жизни Анатолий Павлович Бутенко, была утопией. И поэтому, если посмотреть на то, что мы, активные, пишущие сотрудники ИЭМСС АН СССР, сделали, то надо признать, что мы, иногда сами того не осознавая, решили задачи опоздавшей на 70 лет контрреволюции.

И совсем не случайно все наши идеи, в том числе моя идея перехода от классовой к общечеловеческой

морали, общая для всех нас идея строительства кооперативного социализма, укрепления позиции кооперативной собственности, которые легли в основу идеологии перестройки, при своем воплощении в жизнь подрывали устои сложившегося производства, подготовили почву для прихода к власти революционеров навыворот, типа Гайдара.

И этого не надо стесняться, не надо стесняться того, что Институту Богомолова, всему нашему коллективу пришлось вольно или невольно сыграть роль могильщиков реального социализма.

Как теперь выясняется, во всех наших институтских, иногда совсем будничных спорах, наших поступках всегда был второй, действительно всемирно-исторический план. Через нас, через наши жизни, книги, статьи русская история решала свои собственные задачи.

Выписки: подражание М. Л. Гаспарову

«Между прошлым и настоящим иногда лежит не прочно построенный мост, а шатающиеся, плохо укрепленные бревна и доски; идти надо под обстрелом».

Григорий Козинцев. Пространство трагедии. Л.: «Искусство», 1973 г., стр. 199.

* * *

«У подножия статуй мыслить невозможно, хотя тебя к этому призывают. Это заранее заданное идеологическое пространство, в котором при видимой самостоятельности твоя мысль направляется по уже заданным силовым линиям».

Мераб Мамардашвили. Необходимость себя. Лекции. Статьи. Философские заметки. М.: Издательство «Лабиринт», 1996, стр. 321.

Сергей Долженков

Судьба галереи

В галерее

Длинный темный коридор.

Наконец дверь открывается, мы входим в галерею. И нас оглушает какофония красок. Свободного пространства почти нет. Полотна теснят друг друга. Возникает физическое ощущение, что они просто дерутся за жизненное пространство.

Мы ошеломлены и растеряны.

Мы – это редактор журнала «Парк Белинского» Валентин Мануйлов, член Союза художников Анатолий Меркушев, арт-директор скульптурного парка «Легенда», координатор международных скульптурных симпозиумов «Осень. Вдохновение. Пенза» Юрий Ткаченко и ваш покорный слуга

В Неверкино мы приехали целенаправленно. Нам предстоит ознакомиться с работами из районной картинной галереи. И не просто посмотреть картины, а проверить те тревожные сигналы, которые поступают оттуда в последнее время. Именно поэтому был организован выездной редакционный совет.

Сергей Долженков, 54 года, выпускник Алма-Атинского педагогического института иностранных языков (1980 г.) Прошел специальную подготовку в Казахском НИИ научно-технической информации. С 1996 года живет и работает в Пензе. Специалист по информации. Имеет широкий круг общения в среде пензенских художников. Статья написана специально для «Парка Белинского».

Валентин Мануйлов деловит.

Юрий Ткаченко скептичен. Но ему жарко.

Анатолий Меркушев восторжен.

Я любопытен. Мне почему-то холодно.

За нами с тревогой наблюдает Дания Куряева: она выступает в роли хозяйки галереи. Ей важно, чтобы впечатление было хорошим.

Проходит некоторое время, мы начинаем выделять отдельные полотна.

– Интересно! – восклицает Меркушев.

Дания оттаивает, улыбается.

Картины впечатляют, западают в душу.

Какие интересные характеры показаны в женских портретах Жученко и Якутя! А как трогательны дед со внуком Льва Кузнецова. Среди произведений живописи есть настоящие жемчужины: это пейзажи и натюрморты Бориса Гладченко и Вартана Манучаряна, эскизы Терещенко на революционную тему и ряд других работ.

Конечно, в собрании картин в Неверкино нет выдающихся произведений мирового искусства, таких как в Лувре или Третьяковской галерее. Тем не менее это достойнейшая коллекция произведений русского провинциального искусства позднесоциалистического времени, удивительно точно отражающая это место и время. То есть здесь есть обязательные для советского времени красноармейцы и комбайнёры, но как они своеобразны и выразительны! Всё это восхищает.

История галереи

История Неверкинской картинной галереи по-своему уникальна. Своим появлением она обязана Игорю Михайловичу Мануйлову, отцу Валентина Мануйлова.

В шестидесятые, будучи преподавателем Пензенско-

го политехнического института, Игорь Михайлович вёл активную общественную жизнь: организовал киноклуб, проводил творческие вечера поэтов и художников. Он был на виду в институте и на слуху в среде творческой интеллигенции.

В семидесятые годы вокруг Игоря Михайловича сформировался дружеский круг пензенских художников. Он помогал находить покупателей картин среди профессоров и преподавателей вузов города. Игорь Михайлович тоже приобретал полотна, у него сложилась заслуживающая внимания коллекция живописи.

Наверное, это был самый смелый и бесшабашный поступок Игоря Михайловича. Так или иначе, но именно он задумал создать картинную галерею в сельском районе. Причем в отдаленном районе.

Просто когда-то Игорь Михайлович учился в неверкинской школе и окончил ее. Здесь заведующим отделом образования работал его брат Александр.

И вот, действуя исключительно на энтузиазме и личном обаянии, Игорь Мануйлов заразил своей идеей большой круг художников, закончивших в своё время Пензенское художественное училище или имевших пензенские корни. Это было не очень трудно. Убедил брата – это было труднее. А также увлек партийных и хозяйственных руководителей – это было почти невозможно.

И вот в 1984 г. в Неверкинской средней школе ко Дню учителя была торжественно открыта картинная галерея.

Игорь Мануйлов сумел пробиться к Георгу Мясникову – всеильному второму секретарю Пензенского обкома КПСС и покровителю искусств. От Мясникова он вышел с письмом в Художественный фонд министерства культуры. А потом поехал в Москву и привез картины.

За все годы своего существования (за исключением последних лет) картинная галерея пополнялась благодаря энтузиазму и стараниям Игоря Мануйлова. Разбросанные по всей стране пензенские художники откликнулись на призыв поддержать очаг культуры. Для них стало доброй традицией приехать в Неверкино, посетить галерею, встретиться с местными жителями и, уезжая, подарить несколько своих работ.

Количество со временем перешло в качество. И картинная галерея стала средоточием культурной жизни всего района. Здесь регулярно проводились праздники поэзии, дни открытых дверей, на которые приезжали пензенские и иногородние поэты и художники.

О той поре напоминает книга отзывов. Записи бесхитростны и потому искренни:

«Нам пришлось увидеть искусство, не уходя из дома. Спасибо за то, что все-таки жизнь многогранна и интересна. Хотя и дальний район, но неверкинцы – народ своеобразный и талантливый. Спасибо организаторам такого приятного и так необходимого для нас зрелища».

* * *

«Мы, представители Цивильского района Чувашской АССР, поражены вашим тонким отношением к искусству, очень благодарны за ваш труд, что приносит несравненную пользу в эстетическом воспитании всего населения, и особенно молодежи. Держите свою марку высоко, желаем в этом деле успехов. Пусть новые поколения будут эстетически развитые, музыкально грамотные».

* * *

«Большое спасибо организаторам картинной галереи за то, что помогают сохранить, развить корни красоты народной, самобытной и просто удивительной.

Удачи вам!»

В запаснике

Сейчас галерея находится в двухэтажном здании. Кроме нее здесь же располагаются районная библиотека, детская музыкальная школа и детская художественная школа.

Под галерею выделена относительно большая комната, ее даже можно назвать залом. Зал перегородкой поделен на две комнаты. Здесь и висят картины. В учебных классах, в коридорах, большей частью с недостаточным освещением, тоже развешаны картины.

Всем этим богатством распоряжается обаятельная женщина Дания Куряева.

Она ведёт нас в запасник.

Впрочем, он только называется запасник. На самом деле это кладовка, не оборудованная для хранения картин. Полотна лежат на стеллажах вперемежку со старыми вещами, электрооборудованием. Большие по размеру полотна стоят у стены. К ним свалены старые ковры, лестница.

Мы выносим на свет живописные работы, для которых физически не нашлось места в экспозиции. Картины заполняют практически всё пространство. Редакционный совет в самом разгаре.

Анатолий Меркушев по-прежнему полон энтузиазма. Почти каждая работа вызывает у него изумление. Прекрасные пейзажи русской реалистической школы Виктора Непьянова, Юрия Ромашкова, работа Альфреда Оя, одна из лучших из его серии, посвященных Великой Отечественной войне, – все находятся в заброшенном состоянии.

Юрий Ткаченко немного растерял скепсис. Он уже допускает мысль, что с десятков картин украсили бы экспозицию Пензенской картинной галереи. А для Невркино – это вообще очень шикарно.

Художники, выделяя наиболее интересные работы, спорят, но чаще приходят к согласию. К сожалению, физическое состояние многих полотен в запаснике удручающее. Попадают картины с проткнутыми или провисшими холстами, с осыпающимися красками и даже со следами плесени.

Я составляю список работ.

Дотошный в любом деле Валентин Мануйлов тщательно фиксирует увиденное: фотографирует лучшие, по мнению Меркушева и Ткаченко, работы.

Дания Куряева показывает нам альбом акварелей художника Баландина. Впечатляет.

Со слов Дании Куряевой, изначально здесь было порядка 500 работ. Сегодня в двух залах экспозиции их примерно шестьдесят. Плюс те, что висят в коридорах и в классах: всего чуть больше ста.

Выясняется, что из общего собрания часть картин находится в доме престарелых, в отделе образования и в районной администрации. Например, у главы администрации висит панорама Неверкино работы художника Мяжита Бахтеева.

Дания поясняет, что вначале картинная галерея находилась в старом школьном здании. Там случился пожар, и многие картины погибли. Но, несмотря на это, Игорь Михайлович каждый раз, как приезжал в Неверкино, обязательно привозил с собой художников. Здесь были Борис Гладченко, Герман Карпов, Юрий Ромашков, Лев Кузнецов, Леонид Якуть и многие другие.

На холстах стоят подписи примерно пятидесяти художников. Они лично передавали свои картины в дар галерее. За редким исключением здесь все картины дарственные.

Несмотря на сегодняшнее отсутствие финанси-

ния, Дания Куряева по собственной инициативе продолжает организовывать экскурсии для школьников. Как она объясняет:

– Для того чтобы сохранить светлую память об истинном патриоте Игоре Михайловиче Мануйлове.

Вообще, нужно отдать должное руководству района: всех гостей обязательно ведут в галерею. Все-таки местная достопримечательность.

Совет в «Парадизе»

Мы прощаемся с любезной Данией, пора возвращаться в Пензу. Но сначала останавливаемся возле нового, специально построенного здания. Здесь месяц назад открылся ресторан «Парадиз».

Для Неверкино это действительно райский уголок – евроремонт, дизайн, чисто, уютно и даже сантехника на уровне.

Заседание редакционного совета продолжается. Обсуждаем проблемы сельской «Третьяковки».

С чего начать? С какой стороны подойти к решению накопившихся проблем? Самый опытный в этих вопросах среди нас – Юрий Ткаченко. Он объездил полмира – от Японии до Мексики – и хорошо знает российскую провинцию.

Он считает, и мы все соглашаемся с ним, что начинать надо с области:

– Пока Пенза не будет «раскручена» как регион, кто поедет в это Неверкино? При этом дело вовсе не в сельском статусе или районном масштабе. Возьмем, к примеру, Мексику. Там в отдалённом от столицы районе, в небольшой городке проводят международные фестивали органной музыки. Представьте себе, на этот фестиваль приезжают исполнители со всего мира. И слушатели тоже. Или другой успешный проект...

И Юрий Ткаченко рассказывает про всемирный фестиваль фейерверков в мексиканском Тультепеке. Маленький провинциальный городишко, а шуму на весь мир. Всю организацию берёт на себя муниципалитет: можно сказать, это его основной вид деятельности. Тратится и, соответственно, зарабатывается не один миллион долларов.

С одной стороны, аборигенам приходится терпеть в течение месяца шум и наплыв туристов, а с другой стороны – на этом держится местная экономика.

Другой способ получения средств, продолжает Юрий Ткаченко, это привлечь финансы проходящих и проезжающих мимо культурного объекта людей, которые, опять же, приходят либо в магазин, либо в ресторан, либо в музей.

А во французской провинции, например, едешь к морю и проезжаешь деревушки, в которых дома и замки XI века. И всё отреставрировано и поддерживается в хорошем состоянии. Можно зайти и осмотреть.

Теперь Юрий Ткаченко полон энтузиазма, а Анатолий Меркушев – скепсиса. Россия не Франция. Ни моря, ни замков в Неверкино нет. А есть три месяца осень, три месяца зима, три месяца весенняя распутица, она же страда, которая весь год кормит. И туристы со всего света не шляют в поисках впечатлений. Исходить надо из местных реалий.

А видна ли какая-нибудь перспектива здесь, в Неверкино? Безусловно, нужны средства. Но, похоже, местная администрация просто не понимает, как на этом заработать деньги. Как воплотить в жизнь проект, выходящий за рамки района.

– Что касается зарабатывания денег, – опять включается Юрий Ткаченко. – Это очень здорово получается у американцев. Они их могут сделать на пустом мес-

те буквально из ничего. Старое колесо поставят у сарая, а на стену повесят седло – и это уже символ освоения Дикого Запада. Тут же объявляют это музеем и включают его в туристический маршрут.

Соответственно, по этому маршруту сразу появляются и бензоколонки, и закусочные, и кемпинги.

А видна ли какая-нибудь перспектива здесь, в Невркино?

– Безусловно, – говорит Юрий Ткаченко.

– И первое, что нужно сделать немедленно: это ввести единицу хранителя картинной галереи, – Анатолий Меркушев вновь заражается энтузиазмом. – И составить каталог, чтобы картинами никто не мог распоряжаться по своему усмотрению.

Иначе получится по известному присловию: что имеем, не храним, потерявши – плачем. Нужны средства, чтобы сделать ремонт здания, обработать картины, некоторые из них реставрировать. Но если все их грамотно развесить – это сразу станет событием не только районного масштаба.

– А лучше – отдельное здание. При современных материалах и технологиях – это не так уж и дорого. Во всяком случае, ФОКи воздвигли во всех районах как по мановению волшебной палочки.

– В этом здании должна быть не только галерея. Нужен комплекс – краеведение.

– Лапти...

– И лапти. И портреты знаменитых земляков. И прялки, и национальные костюмы. И торговля сувенирами.

– И музыкальный салон, – подключаюсь я.

В галерее я обратил внимание на старинное фортепьяно с красивым резным барельефом. Как выяснилось, это инструмент работы немецких мастеров конца

XVIII века. Оно до сих пор в строю, и на нём учатся играть юные неверкинцы.

– И фотография, чтобы каждый смог сфотографироваться в старинном наряде...

Фантазия разыгралась...

* * *

Неплохо было бы издать буклет про то, что есть такая галерея. И почему бы ей не присвоить имя её основателя Игоря Михайловича Мануйлова?

Редакционный совет завершен.

Мы проезжаем мост через речку, поднимаемся в гору. Внизу остается Неверкино, чуть присыпанное снежком. Остается вместе со своими не востребуемыми сокровищами.

Пока не востребуемыми.

Выписки: подражание М. Л. Гаспарову

«Его живописные работы отличались технической отточенностью, продуманной архитектоникой, унаследованной от родителей, и замечательной мягкостью тонов. Грубо говоря, они хорошо смотрелись на стенах жилых комнат, что и служило одной из веских причин (Дэвид понимал это и не смущался) его коммерческого успеха; другая причина заключалась в том, что, в отличие от большинства абстракционистов, он никогда не увлекался большими полотнами. Это, вероятно, тоже было перенято у отца и матери; пристрастие к монументальности, характерное для художников по ту сторону Атлантики, к изготовлению полотен для огромных залов музеев современного искусства не вызывало у него сочувствия».

Джон Фаулз. Башня из черного дерева. «Иностранная литература», 1979, № 3, стр. 123.

Юрий Фадеев

Несовпадение.

О прозе Михаила Вайнера

1

«С Ю. Фадеевым я лично не знаком, но вот что про него знаю: он учитель, недавно вернулся со службы в армии, до армии писал стихи...»

Так начинается рецензия Михаила Вайнера на мои повести, которые я принес летом 1974 года в Пензенское отделение Союза писателей.

О Михаиле Вайнере и я знал не больше, чем он обо мне. Есть в Пензе такой писатель. Читал его повесть «Солнце на лето».

Кстати, книжка через некоторое время у меня исчезла. Я купил вторую книгу. Ее тоже зачитали безвозвратно. А третью в «Букинисте» я подержал в руках, хотел купить, но подумал и поставил обратно на полку.

2

Михаил (Моисей) Исаакович Вайнер родился 24 мая 1927 года.

Ему едва исполнилось 14 лет, как началась война. В эвакуации Михаил Вайнер оказался в Орске.

* «Парк Белинского» благодарит Пензенскую областную библиотеку им. М. Ю. Лермонтова (директор М. Н. Осипова) и Государственный архив Пензенской области (директор Т. А. Евневич) за помощь в подготовке данного очерка.

** Очерк написан специально для «Парка Белинского».

«В Орске я провел не юность. Юности у меня в сущности не было. В мир взрослых война бросила меня прямо из детства, и, начиная с сорок третьего, я вкалывал на фабрике по четырнадцать – шестнадцать часов в сутки, неделю днем, неделю ночью». (Из письма Валентину Мануйлову, 4 ноября 2012 года).

Работал на швейном производстве. Стал большим специалистом по обслуживанию и ремонту швейных машин.

В Орске высших учебных заведений не было, один техникум. Вайнер окончил Свердловский педагогический институт иностранных языков. Получил распределение в Пензу. Работал в школе.

3

С Вайнером я познакомился через год, в 1975 году.

От Бюро пропаганды советской литературы нас послали в район, какой – не помню. Выступали мы перед доярками и механизаторами, на ферме или в поле. Вайнер рассказывал истории из жизни.

Один из устных рассказов Вайнера: молодая семья, все есть – холодильник, телевизор, приемник, стиральная машина, мебель. Чем живут такие люди?

Оказывается, за душой нет никаких интересов. У этой пары нет детей, но о детях они не думают, потому что собирают на «Жигули». Чем лучше мы живем, тем жестче друг к другу.

Среди слушателей обязательно находится кто-нибудь, кто говорил:

– Правильно, они озверели.

Вайнер продолжал мысль: одно дело, когда машина – средство передвижения, и другое – когда это другое. Копят на машину, во всем себе отказывают. Лет 10 копили. Купили.

Не успел отъехать – не разминулся с Кразом. Пере-
док всмятку. Парень вышел, посмотрел – и упал. Ин-
фаркт.

Я выступал после, читал свои стихи.

В конце поездки Вайнер сказал:

– У нас сложился неплохой тандем, надо продол-
жать.

Совершенно не помню, чтобы Вайнер в командиров-
ках что-то записывал. Но читал много, преимущественно
на английском.

Литературному мастерству не обучал и вообще избе-
гал разговоров о литературе. Иногда обронит что-то. В
частности, очень нелестное об авторе Штирлица – Юли-
ане Семенове. Или полистал книгу лирики, которую я
взял в командировку.

– Не люблю стихи, написанные на крике.

А когда в «Пензенской правде» напечатали рецен-
зию на коллективный сборник, где были и мои стихот-
ворения, Вайнер прочитал и заметил с каким-то непо-
нятым мне удовлетворением:

– А вас тут лягнули.

4

Я же не знал, что удовлетворение относится не ко
мне, а к тому, что ситуация повторяется. В свое время
Вайнера лягнули куда как больнее.

В пятом номере «Москвы» за 1959 год в разделе «Ли-
тературная критика» напечатана статья Г. Бровмана
«Читатель, литература, критика».

По заданию редакции означенный Г. Бровман посе-
тил г. Калинин, ознакомился с творчеством тамошних
писателей, а затем Пензу. Причем Пенза выглядела
предпочтительнее: здесь уже было открыто отделение
Союза писателей РСФСР, а в Калининe только област-

ное литературное объединение. В общем, в Пензе «группируется небольшой, но творчески активный отряд одаренных, опытных писателей...»

Критик пристально рассматривает областной альманах «Земля родная». И находит опубликованный в 1956 году рассказ молодого писателя Михаила Вайнера «Мать-одиночка». И долго размазывает молодого писателя по страницам журнала, потому что, на взгляд критика, в рассказе все не так.

Он банальный-тривиальный. Ничего не дает советской литературе. У способного литератора «не хватило взыскательного отношения к своему творческому труду... Характерно, что при всей неприязни автора к соблазнителью Шамаеву он развенчать его все-таки не может, так как пользуется риторическими фразами, которые не производят ожидаемого впечатления...». И так далее.

На самом деле рассказ, конечно, не фонтан, но и не такой простой, а Вайнер не тот писатель, чтобы кого-то осуждать.

Это Лев Толстой в «Анне Карениной» осуждает всех, кроме лошади Фру-Фру. А Чехов в «Даме с собачкой» если и осуждает кого, так только бедного безымянного песика, да и то немного.

И еще неизвестно, кто кого соблазнял – инженер Шамаев девицу или девица инженера Шамаева. Девица занимается откровенным шантажом:

«– Пожалей меня!

У Шамаева не хватило смелости уйти. И он остался».

Причем, узнав о рождении ребенка, инженер говорит: «Я никогда не отказывался и не отказываюсь от отцовства».

А вот Почивалина, который в повести «Вторая се-

мья» воспроизводит почти такую же ситуацию, как рассказ «Мать-одиночка», Г. Бровман очень даже хвалит.

5

Впрочем, каких-то оргвыводов из критики заезжего критика в писательской организации не сделали. Мол, повременить надо, пусть молодой писатель поднаберется опыта. В общем, все, что они потом говорили молодым авторам еще долгих 30 лет, пока Союз писателей не превратился в чисто декоративную организацию.

И в середине декабря 1959 года в Пензенском книжном издательстве была подписана к печати повесть Михаила Вайнера «Пусть ярость благородная». Значит, в продаже она появилась уже в начале 1960 года

В повести рассказывалось о первых месяцах войны, об эвакуации. В основу повести легли воспоминания автора, но главный герой Филипп Греков на три года постарше, чем был автор в ту пору.

Он уже окончил школу, хотя живет еще школьными воспоминаниями, и думает: закончится война к 1 сентября или не закончится. И что делать, если не закончится, как же он будет учиться?

Сквозь кровь, гибель близких, предательство одних и бескорыстие других ведет Филиппа и Эстер раненый старшина Иван Лукич. Родом, между прочим, пензенский.

«– Поехали бы вы на Хопер в мою деревню. Колхоз у нас богатый, там уж не пропадете. Я вам письмецо к председателю напишу, слышь? В смутное время всегда за землю держаться надо. Земля – она кормилица».

В любых обстоятельствах Иван Лукич не теряет оптимизма. Чудом достались им лошади. Хорошо. Но вот их убило. Иван Лукич поучает:

«— Плечи не опускай, а то на них горе с лаптями заберется. Придавит. Живы остались, и на том спасибо. А ну, вперед, строевым, марш!

И он энергично зашагал по дороге».

И вывел Филиппа и Эстер за линию фронта, к нашим. Филипп вступает в армию, старшина поедет долечиваться, Эстер — искать своих. Повесть заканчивается: «Такой народ победить нельзя. Что бы ни случилось. Никому. Никогда!»

В общем, обычное произведение.

Кстати, в том же году вышла повесть Виктора Канина «Мальчик на Кавказе». Тоже детские впечатления о начале войны. Только у повести Вайнера тираж был 15 тыс. экз., а у Канина — 5 тыс.

6

Через два года, в 1961 году, Михаил Вайнер издал книгу рассказов «Материнское сердце». В нее вошло шесть произведений малого жанра. Как мне представляется, книга для автора была экспериментальной. Он пробовал себя в сельской тематике — «Вера», в производственной — «Новое назначение». Решал морально-этические проблемы — «Мать-одиночка».

Ни один из этих рассказов удачным назвать нельзя. То есть по пензенским меркам они, может быть, и были даже ничего, но именно — ничего.

А вот «Расставание» — опять начало войны, эвакуация. Сыновья уходят из города. Потом рассказчик, от лица которого ведется повествование, возвращается в родной город. «У меня у самого уже растет сын. И при мысли о том, что опять может быть война, у меня в ушах звучит голос отца: «Надо спасти детей!»

Но чтобы спасти детей, нужно спасти мир».

И точка.

Автор не впадает в искус развернуть эту мысль до публицистики, пояснить ее, поиграть гражданскими нотками. Автор доверяет своему читателю.

Большой рассказ «Лейтенант», в общем, тоже рассказывает о дороге на войну команды связистов. Ведет ее молоденький лейтенант. Он отчужден от команды, нескладен до странности. Не разрешает многое, хотя мог бы разрешить. В частности, отлучиться рассказчику домой, хотя дом – вот он, виден с дороги, которой идут связисты с одной станции на другую.

Но в бою лейтенант, рискуя жизнью, ползет к своему солдату, который то ли убит, то ли ранен. Сам получает ранение. Его вытаскивают. И тут оказывается, что «по сути дела он такой же простой парень, как и мы, только с кубиками командира».

Хотя рассказ ведется от первого лица, никакой лирики, объективная манера повествования, несколько даже отстраненно. Короткая фраза. И странная деталь во внешности лейтенанта, о которой упоминается несколько раз: «По временам он поджигает губы... и тогда его подбородок, дрогнув, покрывается морщинами».

Какая-то физиологическая аномалия, сколько ни корчил рожи перед зеркалом, не хочет подбородок покрываться морщинами. Тем более, какими-то валиками. Но автору эта деталь мила.

И жемчужина этого экспериментального сборника – рассказ «Материнское сердце».

В журнале была опубликована фотография концлагеря. «24 несчастных человека у ворот». В одном мать узнала своего сына. И начинает поиски.

Сначала приехала в журнал. Ее отсылают к автору очерка. Известный писатель Лифанов везет ее на своей «Победе». Журналист говорит, что снимок добыл у кинооператора Штаркмана. Писатель по телефону пре-

дупреждает, что не сможет быть на мероприятии, занят очень важным делом. И везет мать на «Мосфильм» к Штаркману.

Кинооператор тоже очень занят. Его оторвали от съемок. Вникнув в дело, он садится в машину.

«— Ну, чего же вы стоите? — сказал он. — Садитесь! Поехали! Убей меня бог, мне некогда разводить с вами антимионии.

— Куда ехать, громкий человек? — спросил Лифанов...»

Приехали в клинику, где работает профессор Воронин, он в Чрезвычайной комиссии занимался узниками концлагерей. Но профессор был в Швеции. Вернется через два-три дня.

Писатель вновь сопровождает мать. Профессор дает новый адрес, но там говорят, что полные списки узников Освенцима в Польше. У матери опускаются руки, но писатель берет инициативу на себя. Поиски продолжаются. Штаркман просмотрел старую кинохронику. Сын, Юрочка, мелькнул только на одном кадре.

Но журналист нашел человека, который был в Освенциме. Но он укатил в Китай на два года, строит там завод. Пришел ответ из Польши: в списках Юрий Рашковский не значится. Но он был партийным и мог скрыть свою фамилию. «Полная блондинка в строгом костюме» обещает матери вплотную заняться поисками. И хотя Юрочку не нашли, надежда остается.

Будь автор помастителей, из рассказа могла получиться повесть. Будь в Пензе Одесская или Рижская киностудия, мог бы выйти сценарий фильма. Только надо журналисту дать симпатичную подругу и чтобы в конце фильма мать благословляла их. Получился бы хороший фильм. А смена эпизодов в рассказе поистине кинематографическая.

Жаль, если за последние лет 50 я оказался единственным читателем этого замечательного рассказа.

7

В том же 1962 году у Михаила Вайнера в серии «Очерки о наших современниках» вышла книжечка «Во имя людей». Посвящена она важному событию: на заводе медпрепаратов разработали новый метод производства очень нужного витамина В-12.

Автору поневоле приходится быть публицистичным. «Главный инженер взялась внедрить его (метод профессора Букина по производству витамина В-12 – Ю.Ф.) не по приказу сверху, а потому, что совесть коммуниста не позволила ей пройти мимо нового...»

Михаил Вайнер словно стесняется таких фраз и потому не использует предоставленные материалом возможности. А ведь можно было размахнуться и на документальную повесть. Между тем в очерке всего 36 небольших страничек текста о том, как метод профессора не подошел и пришлось разрабатывать свой.

Возможно, это произошло потому, что очерк отвлекал Михаила Вайнера от более важной работы. В это время он готовил к изданию большую повесть. Издана она была в Пензе в 1964 году под названием «Солнце на лето».

В издательской аннотации сказано: «На третьем курсе университета Феликс понимает, что занятия философией не отнимают у него всей душевной энергии. А жить вполсилы он не может и не хочет.

Святое недовольство собой заставляет Феликса приглядеться к жизни, искать, как полнее отдать себя народу. Везде, где люди заняты живым делом, на заводе, в сельской столярной мастерской – он чувствует себя своим.

Феликсу удается повернуть «солнце на лето» в своей личной судьбе».

Как я теперь понимаю, читателям по фигу были моральные переживания Феликса, его поиски своего предназначения. Не слишком ошибусь, если предположу, что его метания объясняли просто: с жиру бесится.

Вот у Светы только мать-уборщица, у нее нет такого мощного тыла, как у Феликса. И пусть она не умна, но она знает, чего хочет, и добьется своего.

Вот уже выступила на студенческой конференции. Пусть доцент, который писал ей доклад, ее бросил. Даже пришлось делать аборт. Но она прибьется еще к кому-нибудь, кто напишет для нее следующий доклад. Потом окончит институт, правдами-неправдами пробьется в аспирантуру. И еще будет преподавать студентам. Понижая тем самым интеллект будущих учителей, которые будут понижать интеллект своих учеников, которые...

А Феликс помечется-помечется, найдет случайную работу, станет пить, а по пьяни вспоминать, какой он талантливый и если бы захотел, он написал бы докторскую диссертацию и вообще...

Тому мы тьму примеров видим.

Но в повести была любовь. Счастливая, несчастная, семейная, случайная... Вот из-за нее, из-за любви, и читали повесть.

А еще в ней вкусно описан быт студентов, как жарили картошку на рыбьем жире в общежитии, как спасались от коменданта. Повесть была живая с живыми героями.

Михаил Вайнер сложился как писатель, как мастер. Со своей темой, своей манерой письма и, что гораздо важнее, своей интонацией.

В это время в Пензе произошли два судьбоносных для писателей события: закрыли издательство и Георг Мясников стал вторым секретарем обкома КПСС. Писатели попали под жесткий контроль.

Следующая книга у Михаила Вайнера выйдет только через 13 лет.

Длительное молчание прервалось в 1977 году. В Саратове вышла небольшая книжечка «Хозяин судьбы». В ней два очерка: «Не место красит...», о Герое социалистического труда швее Валентине Ивановне Ивановой, и «Хозяин судьбы», о жизненном подвиге пензенского Маресьева – сельского учителя В. В. Мискина.

Первый очерк – это простой рассказ о человеке, который заслуживает, чтобы о нем рассказали. Но тема требовала и определенного стиля, и снова автор словно стесняется вынужденного пафоса.

Второй очерк – по сути, документально-художественная повесть. Правда, небольшая, хотя материал опять-таки позволял написать гораздо больше. Но автор тут удивительно сдержан, больше работает на деталях.

Вот жена Мискина выходит во двор: куда-то запропастился сын. И видит: «у стены сарая, аккуратно сложенные под самую кровлю, желтели поленицы. Еще весной, когда привезли дрова, муж все сам перепилил, а за лето и переколол».

Всё.

А ведь можно было и описать этот процесс: колоть дрова и здоровый мужик намучается, а тут на двух протезах. Вайнер этого не делает, он предоставляет читателю возможность додумать, довообразить. И правильно.

И вообще, сюжет в этой небольшой, но очень ёмкой повести как будто бы сосредоточен на поисках сына

Вити. Мать беспокоится, как бы он не ушел играть на станцию. И чтобы с ним не случилась беда, как с его отцом.

Он вот так же в детстве забавлялся на железной дороге и однажды, неудачно прыгнув на подножку проходящего поезда, оказался без ног. Это сюжет внешний, но он добавляет динамики в описание жизни самого Мискина. Интернат, институт, работа учителем в селе, дом, нагрузки по партийной линии. В общем, человек живет полной жизнью, потому что он – хозяин своей судьбы.

9

А писателям в Пензе приходилось тяжело. Нет издательства – нет книг. Нет книг – нет гонораров. А жить надо. Писательская организация захирела, осталось 11 человек, все люди уже немолодые.

Требовался приток свежих сил, но для этого нужно издать книгу, и не одну. А жалко: вставишь в план книгу молодого – вылетишь оттуда сам. И не видать тебе гонорара. Бумаги для пензенских писателей Саратов выделял до обидного мало. Очень долго в начинающих ходил поэт Александр Сазонов. Виктор Канин издал вторую книгу – «На тропе Батыевой», но так и не стал членом Союза писателей. Не пензенский у него был склад дарования, не вписывался он в атмосферу города.

Вот и Михаил Вайнер не вписывался в пензенскую действительность. Приходилось, зарабатывая на жизнь, писать рецензии на рукописи, которые присылали в писательскую организацию многочисленные авторы, выступать перед жителями районов.

Зима. Западная Поляна. Вниз по улице Мира идут Олег Савин и Михаил Вайнер. Савин – откинув корпус

назад, в руке неизменная мягкая папка на молнии. Вайнер – ссутулившись, руки на отлете, голова втянута в воротник. И разговаривают о том, что ботинки «прощай молодость» – очень хорошие ботинки: теплые, а главное недорогие.

Благоденствовал только Николай Почивалин. Ваял без отдыха «Мои Большие Хутора», «Роман по заказу», «Засуху».

Небольшой книжный магазинчик на Западной Поляне. Расположен он в глубине квартала, знали его только местные жители. Пожилой интеллигентного вида покупатель.

– Зиночка, у вас нет «Романа по заказу»?

– Петр Степанович, вы же не читаете такую литературу, – удивляется продавщица.

– Мне приятель подарил «Мои Большие Хутора». Я хочу отомстить.

10

Город Белинский. Лето. На базарчике разговариваем с соседом по гостинице. Он уходит. Вайнер неожиданно спрашивает:

– Что в нем необычного?

– Ничего, – пожимаю плечами.

– Вы не прозаик, – делает вывод Вайнер.

У соседа сквозь сетчатую белую майку с короткими рукавами грубо выделяются широкие синие помочи подтяжек. Мужик как мужик.

В той же командировке, в гостинице, Вайнер неожиданно говорит в том смысле, что мне нужно найти единомышленника в издательстве, он поможет опубликовать роман. Я, естественно, соглашаюсь.

Немного помолчав, Вайнер продолжает, что человек, несогласный с моей манерой письма, был бы пред-

почтительнее, поскольку точнее укажет на недостатки, а это приведет к росту мастерства. Я опять соглашась, что рост мастерства – это замечательно.

11

Только теперь, когда стали доступны архивные материалы, я понимаю, что Михаил Исаакович проигрывал на мне ситуацию, сложившуюся с изданием его романа «Несовпадение».

Рецензия Михаила Рощина на повесть «Клятва Гиппократа» оказалась благожелательной: «Словом, это нужная, высокопрофессиональная вещь, и нет сомнения, что она заслуживает опубликования».

Шел февраль 1967 года.

Еще через 5 лет, в апреле 1972 года, рецензент В. Бжезовский разносит рукопись романа Вайнера «Врачи» в пух и прах. Кстати, местные писатели свои новые произведения рецензировали друг у друга, а рукописи Вайнера неизменно отсылали в Москву или в Ленинград.

Несовпадение автора и рецензента обозначилось практически по всем позициям.

Тема: «М. Вайнер сквозной линией сюжета помечает именно смерть... И вот эта смерть служит предметом рассуждений по линии каких-то моральных, этических проблем, якобы присущих среде медиков, якобы специфичных для нее».

Герой: «в центре ... находится образ «положительного» /по представлениям автора/ героя, рентгенолога Кичатова».

Система образов: роман необыкновенно жесток, сцена в морге – «натурализм сцены – безбрежный, жестокий, инфернальный, со всеми страшными, бесчеловечными подробностями вскрытия тела...»

Стиль: «Нужно сразу же сделать следующее замечание: многие, очень многие сцены романа необыкновенно проигрывают из-за языка, грамматического склада текста М. Вайнера, который отличается какой-то странной скованностью, неверным построением фраз, неумением – как правило – выписать любое длинное, сложное предложение».

Идейный антагонист Вайнера оказался необыкновенно зорким. Впрочем, так и бывает: когда человек нам неприятен, мы очень приметливы к его недостаткам.

Можно и дальше издеваться над рецензентом В. Бжезовским, но несомненно одно – он железобетонно прав: так в то время в Советском Союзе не писали. Были попытки ввести какой-то символический элемент в прозу. В каком-то романе Айтматова через всю художественную ткань бегают обосранный верблюд, должный что-то символизировать. У кого-то растет дерево. У Распутина в «Прощании с Матерой» тонет остров, как символ исконной русскости.

Но это все лежало на поверхности. Любой критик сразу хватался за это и начинал выписывать словесные выкрутасы о морально-этических и нравственных проблемах.

У Михаила Вайнера все это гораздо тоньше, сложнее. Нужно вчитываться в текст, чтобы понять его символику.

Мне кажется, что, прочитав рецензию В. Бжезовского, сам Вайнер наконец-то понял, о чем он написал. И назвал роман точно, ёмко и с подтекстом – «Несовпадение».

Тут я должен оговориться: я был автором, я был редактором. И я всегда за то, чтобы у писателя был редактор. Со стороны, как говорится, виднее. Тем более что существует авторская глухота, когда писатель

думает, что он написал одно, а редактор видит, что написано другое.

Только нужно соблюсти одно условие: редактор должен быть умным.

Роман был напечатан в журнале «Звезда».

Итак, несовпадение проходит через весь роман. В первых, в основе не производственный конфликт с несовпадением диагноза. Иначе он разрешался бы в привычном ключе: нехорошую Скопцову, для которой главное – ажур в отчетности, сняли бы с должности, а на ее место назначили, естественно, Диму Кичатова.

В основе романа – поиск предназначения человека на этой земле, раздумья о жизни и смерти. Поэтому автору и потребовался больной священник. С ним Дима ведет разговоры о душе.

«– Не парадоксально ли, доктор? – проговорил отец Александр, точно удивляясь пришедшей ему в голову мысли. – Человек окружил себя машинами, изобрел свое подобие, а ищет бога».

Несовпадение распространяется на всю жизнь города Плесс, на родителей, особенно на мать, которая хочет, чтобы Дима женился на девушке, которая ей приглянулась. А Дима этого не хочет. Ему плохо в городе Плесс.

А хорошо ему только в Кевде. Кевда «под крышами из белого и цветного шифера, легкая и временная, как палаточный городок». Здесь живут единомышленники, которые могут хорошо работать и не менее хорошо отдыхать. Здесь начальник санчасти Виль Рокотов, Борода, не похож на чиновника, не похож даже на врача, а похож на бродягу. Но он написал книгу, «за которую ему без защиты дали кандидата».

Вот туда, к друзьям, и уедет Дима, чтобы жить настоящей жизнью.

У Бороды день рождения. Он звонит Диме из Кевды в Плесс, за тысячу километров:

«– Эту бутылку дайте сюда! – прокричал Борода. – Это Дими́на бутылка. Дима! Старик! Вот я закупорил «старку». Не выдохнется. Этот пузырь я заначил для тебя.

В кутерьме он не забывал о деле. Позвонил не за тем, чтобы выслушать поздравления. На другом конце провода, за тысячу километров, ждал ответа.

– Борода, прокрути еще раз эту вещь.

– Нравится? Ну слушай.

Хоту пустили сызнова. Борода, видимо, протянул руку с трубкой к магнитофону, и все звуки поглотила музыка. Плясала, вскрикивала, хлопала в ладоши, веселилась на планете жизнь. Дима прислонился к стене и, забыв обо всем, слушал...»

12

Однако Михаил Вайнер книгой недоволен. И по прошествии многих лет он пишет Валентину Мануйлову:

«О «Несовпадении» говорить нет желания, мне эту вещь кастрировали и испохабили. Получилось как в байке про опытного редактора. Если такому редактору дать в руки ветвистое зеленое дерево, то он отредактирует его так, что получится гладкий голый столб. «Несовпадение» и есть голый столб. Не могу понять, кому это пришло в голову вытащить повесть на интернет да еще сделать из нее аудиокнигу».

13

Здесь же, в «Звезде», в номерах 8 и 9 за 1980 год, был опубликован новый роман Михаила Вайнера «Широкая масленица».

Пензу охватил тихий ажиотаж – журналы передавали из рук в руки. Не знаю, что уж прочитала в нем

пензенская публика, но доля иронии в названии романа определенно присутствует.

Главному герою Андрею 46 лет. Как он сам признается: «Семья у меня – дай бог каждому, работа – на зависть, товарищами не обделен, счастлив, словом...»

Но иногда на него нападает полоса трезвости, он так определяет это состояние, тогда все предстает в другом свете. Первый раз эта полоса напала, когда родился сын.

Размякнув от нежности, герой прикидывает, что бы такое приятное сотворить жене, и вдруг над ним ровным голосом проговорили: «Беги из этого дома! Лети без оглядки! Не мешкай!»

Он голоса не послушался.

И вот теперь работает в местном отделении общества по охране памятников (ВООПИК). Начальник занят подготовкой к проходам русской зимы. Правда, непонятно, почему этим занимается ВООПИК, когда это дело управления культуры.

Андрею нужно ехать в район, а ему не хочется, хоть и надо. Андрей занят размышлениями: изменяет ему жена с писателем Глаголевым или нет.

Приехав на место, Андрей направился к Чечету, партийному работнику на пенсии, но на двери – амбарный замок.

Этот Чечет заведовал школьным музеем, но сейчас он в интернате для престарелых, музей закрыли, экспонаты раздали по селу. Андрей очень расстроен. Но он должен еще посетить централ, бывшую тюрьму.

Начальник милиции Журавский, с которым они всю войну проработали на часовом заводе, говорит, что приехала Тая, первая любовь Андрея. Он же и отвозит на служебной машине Таю и Андрея в дом Чечета. Лежали на голом матрасе, укрывшись шубой.

На другой день Андрей возвращается домой. К нему является Фиан, полиглот и пьяница, а во всем виновата его жена, Лариска. Андрей идет в областную газету «Пелетьминская правда». С журналистом Сашей Заксом он делает путеводитель по Пелетьме.

Между прочим, этот Закс женат на дочери попа, а шеф Андрея пишет монографию о новых обрядах и хочет выведать у попа, почему так живучи старые обряды, а новые не прививаются.

14

Такова событийная сторона романа, его сюжет. Но дело, разумеется, не в сюжете, дело, так сказать, в наполнении сюжета.

А роман густо заселен людьми, причем, это разные люди – со своей манерой говорить и мыслить, и поступать. Причем зачастую совсем не так, как этого желал бы автор.

Вот тут-то и наступают для любого автора самые желанные, самые счастливые мгновения.

И не замечаешь, как втягиваешься в действие, начинаешь и сам толкаться среди персонажей, кому-то сочувствовать, кого-то ругать. А вон там среди них затесался и сам автор, улыбается снисходительной, все понимающей улыбкой.

Фраза у Михаила Вайнера короткая, но сжатая, как пружина. В нее вошли все ненаписанные придаточные предложения, причастные и деепричастные обороты, которые так любят писатели, которые причисляют себя к «большим».

Между прочим, это требует мужества – противостоять господствующему стилевому потоку, понимая при этом, что ничего хитрого в таком нанизывании слов и нет. Но Вайнер чужд графомании. И в романе совер-

шенно нет пустых предложений, абзацев или тем более страниц. Каждое слово значимо.

Но это не тот классический случай, когда словам тесно, а мыслям просторно. Порой и мысли бывает тесно, и она, бедная, еле пискнет, задавленная автором. Намеки слишком коротки. Это именно намеки, обращенные к людям, настроенным на ту же волну. По принципу: знающим – достаточно. А непосвященный следит за сюжетом.

Как по-зековски грубо выразился Абрам Терц в своих «Прогулках с Пушкиным»: дала иль не дала? Переспала жена Андрея Регина с Головановым или нет? Или все причудилось ему в дни трезвости?

А еще любит Михаил Вайнер изображать физические особенности. Вот портрет Регины: «Лицо ее под шапкой черных волос было если не уродливо, то близко к тому: крутые скулы, выступающие челюсти с большими зубами, тонкий нос с побледневшими валиками ноздревых хрящей, провалы щек, и в них, как ремни, натянуты плоские мышцы – по такому лицу хорошо изучать анатомию лицевых мускулов. Природа компенсировала ей это изящной фигурой и одухотворенными глазами».

15

Широко, раздольно и в то же время лапидарно, вот сумел автор так сделать – и широко, и раздольно, и лапидарно – описана попойка у попа в канун прощального воскресенья.

Собирались к попу начальник Андрея – Канаев, Андрей и Закс. Но ввалились неожиданные – Канаев, Андрей, Закс – зять попа, Фиан – полиглот и пропойца, писатель Глаголев, Солома – председатель колхоза с дочерью Татьяной и ее женихом-венгром, капитан

милиции Журавский, Наташа Тверская – бабенка свободной профессии. Явились с бутылками и закуской. Отца Феофила нашествие незнакомых людей «ввергло в насмешливое изумление». Расположились в трапезной – голой комнате с дубовым столом и стульями вокруг.

«– Давайте по рюмочке пропустим, а то во рту пересохло, говорить трудно, – предложил хозяин».

Поп в молодости был воинствующим безбожником, вряд ли и сейчас шибко верит в Бога, люди ему не в тягость.

«Выпили под блины.

Танюша ухаживала за своим венгром. Опрокидывала лжицу с маслом на блин, возвращала лжицу в плошку и, ловко орудуя вилкой и ножом, скатывала блин в трубочку...»

Пришлось лезть в Даля: оказалось, что лжица – это маленькая ложечка для раздачи Святых даров.

Тут явилась Регина. «Раздевайтесь, доктор. Седни праздник. Хоть не церковный, да бог простит».

И вот так, под рюмочку, пролетел соколом идейный финал романа:

«У моего шефа не ладился разговор с хозяином. Не выдержав, Марат без обиняков предложил тему: традиции и эмоциональное воздействие на массы.

Поп отделался шуткой:

– У нас наглядные пособия лучше.

– Это иконы, что ли?

Отец Феофан взглянул на Марата чуть снисходительно:

– Мы молимся богу распятому, он на кресте висит. Ноги и руки гвоздями пробиты, голова в терниях. Кровь из ран течет, а на лице страдания от мук этих. Смотрят на него – жалко! Слезы в глазах. А вы чему молитесь?

Проценту. В таком-то году на десять процентов больше сапог будет. Этим ли за сердце возьмешь?»

Состоялось примирение мужа с женой. У Андрея кончилась полоса трезвости, и теперь его подозрения об измене жены кажутся ему несостоятельными.

В общем, утром Андрей просыпается рядом с женой от телефонного звонка. «Тайного голоса по телефону я никогда не слышал, а узнал сразу.

– А, это ты!

– Хочу тебя видеть!

– Это ты... погоди, дай сообразить со сна. (...)

– Вставай, не мешкай! Приходи! (...)

Забавно, ей-богу. «Вставай, не мешкай и беги». Весело как... Знала бы Тая, что я такое уже слышал. Вон из того верхнего угла... Слова-то те же, да голос вещь ли? Глупое, смешное совпадение. Ах, масленица, обманщица. Куда бежать мне и ради чего? В мои-то годы.

А трубка дрожала в моей руке, посылая гудки отбоя, короткие и тревожные».

16

Таков финал романа.

Может, Михаил Вайнер и хотел бы написать больше и откровенней, но в Пензе, как и в городе, который описан в романе, люди отличаются бдительностью. И еще больше мнительностью. Видят то, чего и нет.

Недаром в газете, где работает Закс, не принимают от авторов басни о Львах, ведь областью руководит человек по имени Лев. Вдруг это посчитают оскорбительным намеком?

В тексте тут и там, всегда к месту, рассыпаны афористичные мысли, как вешки в пути.

* * *

«От голода и холода внутренне сжимаешься, ежишься, ощущаешь свою неполноценность, а начальник,

даже самый ничтожный, мигом угадывает твое состояние, видит тебя насквозь, и это дает ему большую фору. С независимого тона сбиваешься на просительство, а пренебрежение к просителю у начальства в крови».

* * *

«Когда от слова моего или дела в глазах людей, дорогих мне и близких, вспыхивает радость, я чувствую себя счастливым».

* * *

«Ничтожеству преувеличение его заслуг и качеств льстит, порядочному человеку оно оскорбительно».

* * *

«Я не скоро понял, что, читая одни и те же книги, наблюдая одни и те же явления, участвуя в одном и том же деле, люди еще не становятся единомышленниками, а приходят часто к разным выводам. Даже исповедуя одну и ту же идею, они еще не единомышленники. Факт, что у многих один и тот же идеал, одна и та же цель, свидетельствует лишь о том, что люди стремятся к одному, а средства достижения могут быть разные».

* * *

«Сколько раз убеждаюсь, что власть – в силу своей природы, надо полагать, – отгесняет добрых и отбирает себе на службу недобрых».

* * *

«Лялечка, знаешь, что такое настоящий оптимизм? Когда из двух зол выбирают не меньшее, а то, какое лучше устраивает».

* * *

«Оптимальный уровень жизни – необходимое условие прогресса – доступен немногим. Важно, чтобы люди, кому создан оптимальный уровень, использовали свои силы на благо остальным».

* * *

«Известно, что от спора с инакомыслящим пульс мысли становится полным и сильным, а от постоянного согласия он гаснет и хиреет».

17

«За «Масленицу» мне не стыдно, – написал Михаил Вайнер Валентину Мануйлову 4 ноября 2012 года. - Я объездил пензенский край вдоль и поперек, и меня поражало, как обесмысливаются человеческие усилия, труд людей. На всех уровнях. Когда обесмысливают то, что делаешь, это вызывает раздражение. Я только не предвидел, к чему это всеобщее раздражение приведет.

«Масленицу» я написал, вернее, закончил писать в семьдесят третьем и мыкался с ней семь лет. Кое-как пробил ее через высшее литературное начальство, при этом ее сильно обстругали, а конец, самоубийство Фиана, просто отрубили. А его смерть требовала осмысления всей вещи.

Но и журнальный вариант для московских издательств оказался неприемлем. Был тогда такой термин «спорная вещь», а из Приволжского издательства, из Саратова, в обком партии Мясникову полетел гнусный донос».

18

В романе изображены сферы культуры и идеологии. Курировал их в области Георг Мясников. И потому мог посчитать роман прямым покушением на его авторитет.

Казалось бы: вот два интеллектуала – Вайнер и Мясников. Нужно сесть за водочкой и поговорить по душам. И поспособствовать Вайнеру, чтобы все написанное им к тому времени издать.

На деле все было не так.

Любой царский сатрап сдох бы от зависти, узнай он, что вытворяли слуги народа на подведомственной территории во имя и во благо процветания означенного народа.

Современные чиновники намного циничнее, но и честнее. Они не притворяются, что работают для народа – они работают для себя и для начальства.

Впрочем, Мясников был настолько умен, что понимал, что творит не то, что надо. Отсюда длительные запои, которые вошли в пензенский фольклор. Но, протрезвев, с новой энергией копал яму под весь социалистический строй.

Наверное, в дневниках Мясникова есть упоминание и о Вайнере, не может не быть: писатели проходили по ведомству Мясникова.

Мясников не умел договариваться – он умел только ломать людей.

Вайнер ломаться не захотел.

19

Из протокола отчетно-выборного собрания писателей Пензенской области от 12 апреля 1983 года:

«Существуют разноречивые оценки романа. Как известно, рукопись рецензировалась в Союзе писателей РСФСР. Критика Феликса Кузнецова привлекает изобразительная сила произведения, талант автора. Действительно, автор умеет создавать крупные характеры, и этот дар мог бы сослужить добрую службу, если бы автор, так сказать, во главу угла своего произведения ставил не тревогу и скепсис, а светлое, созидательное начало. На наш взгляд, такая позиция более плодотворна, что убедительно подтверждают традиции великого классического искусства.

Особенности писательского взгляда на действительность, его почерка могут быть разными, но, думается,

общим для всех советских писателей должны быть нормы партийности и классовости искусства, задачи воспитания нового человека».

Надо полагать, Михаил Вайнер не совсем отвечал нормам партийности и классовости. А то, что ревнители норм партийности давно уже не отвечали нормам классовости – это в то время тема была запретная.

Главное, что пензенские писатели правильно поняли указание сверху и своевременно отреагировали.

20

Из письма Михаила Вайнера Валентину Мануйлову:

«Лишь в конце восьмидесятых в «Совписе» я подписал верстку, ее отправили в типографию, но тут мир перевернулся, к тому же я уехал за океан, и издание не состоялось. Так и стоит эта верстка у меня на полке как сувенир.

Валя, мне бы не хотелось, чтобы ты тратил на меня время и силы. Написал я всего несколько книжек, но все они вышли в испорченном виде, и тебе придется судить не совсем то, что я в действительности написал».

* * *

Я думаю, что еще немного – и грядет ренессанс русской советской литературы, поскольку, кроме «больших» мастеров, были в ней, были – а куда им деться? – настоящие писатели.

Надо только их отыскать и прочитать заново.

Михаил Вайнер

Приметы моего времени

Школу закрыли

Накануне вечером я выступал в сельском клубе. Был еще приятный разговор по окончании, меня окружили, хотели еще поговорить. Одна женщина сказала с похвалой и с некоторым даже удивлением: «Лучше кина!»

Эта встреча была последней в ту поездку. В доме, где я переночевал, утром угостили меня домашней ряженкой, в горлышке глиняного кувшина она запеклась бурой пленкой – на Украине, помню, она называлась колотухой – очень вкусно, да еще приправлено теплом воспоминания.

В правлении колхоза мне сказали, что председатель уехал, просил передать, что скоро вернется и отправит меня в район, стало быть, ждать придется полдня.

Палисадник перед зданием конторы был разделен

Михаил Вайнер, 85 лет, прозаик. Окончил Свердловский педагогический институт иностранных языков. В 50-80-е годы жил в г. Пензе, с 1964 г. состоял в Союзе писателей.

Автор книг «Пусть ярость благородная» (1959 г.), «Солнце на лето» (1964 г.), «Несовпадение» (М., Издательство «Современник», 1981), романа «Широкая масленица» («Звезда», 1980, № № 8 и 9).

Более 20 лет назад эмигрировал в США, живет в Вашингтоне. Рассказы, публикуемые под заголовком «Приметы моего времени», впервые опубликованы в журнале «Звезда» (2008 г.). В «Парке Белинского» с разрешения Михаила Вайнера публикуются 3 рассказа из цикла «Старые записи».

проходом к дверям и огорожен низким штакетником. В проходе стояла садовая скамья. Я сел на нее ждать, поставив у ног свой портфель, – он у меня из хорошей желтой кожи и все дорожные передраги переносит пока без царапин и ссадин.

День был чудесный, жара мягкая, расслабляющая, я был рад, что всё уже позади, осталось добраться до Ивановки, а оттуда автобусом домой.

В полдень подкатил на зеленом ИЖе с люлькой молодой агроном, защитные очки закрывали ему глаза. Вчера он был в клубе среди тех, кто окружил меня. Он прошел, поздоровавшись, в контору, через несколько минут вышел и остановился возле меня:

– Если не брезгуете, садитесь в коляску, я подвезу вас в Ивановку.

Я пошел к мотоциклу, сунул желтый портфель в нос люльки, стал заносить ногу, чтобы и самому забраться в нее, но тут из конторы выбежала бухгалтерша, молодая, легконогая, неслась, размахивая сумочкой, и я понял, что агроном приехал за ней, а я сажусь не на свое место. Она подбежала, и я жестом показал ей на люльку.

«Если тебе понадобится дать перепечатку что-нибудь из «Старых записей», то, пожалуйста», – написал он мне в письме от 4 ноября 2012 г.

«За те годы, что занимаюсь литературным трудом, накопилось у меня много записей; по разным причинам, цензурным или этическим, их нельзя было влести в канву повести или романа. Это зарисовки из русской жизни, деревенской и городской, приметы моего времени», – так Михаил Вайнер предварил публикацию своих рассказов в журнале «Звезда».

На самом деле в той публикации содержится 10 рассказов, в которых он дал эпизоды, характеризующие жизнь трудящихся Пензенской области времен Сталина, Хрущева и Брежнева.

– Нет уж! – весело сказала она. – Я тут сяду, позади него. Хоть так за мужика подержусь.

Она ловко взлетела на заднее сиденье, сдвинула край юбки к паху, на внутренней стороне бедра темнел большой синяк – от мужской коленки, нетрудно было догадаться; я залез в люльку, застегнул дерматиновый фартук.

Едва мы выехали на проселочную дорогу и агроном дал газу, невидимые песчинки стали жалить мне лицо, я сполз пониже под защиту ветрового стекла, но это мало помогало. Бухгалтерша крепко прижалась к агроному, обняв его.

Один раз он оглянулся и ахнул. Я тоже оглянулся и присвистнул – сзади, закрывая уже полнеба, догоняла нас черная грозовая туча.

– Держитесь покрепче! – крикнул он, и мотоцикл, как подстегнутый, понесся, подпрыгивая и кренясь, наперегонки с грозой.

Агроном, молодой, возбужденный, то и дело оглядывался, кричал что-то от восторга, пригибался к рулю. А я, как ни старался укрыться за ветровым стеклом, не мог спастись от колючих невидимых песчинок.

Скорость была бешеная, у меня дух захватывало при сильном крене – сейчас перевернемся, мелькало в голове, – но и меня захватил азарт гонки, веселый страх, я только оглядывался на черную тучу, а она летела быстрее, нагоняла нас, охватывала небо по краям, словно крыльями, стараясь обойти нас с обеих сторон и накрыть.

Мотоцикл перемахнул через плотину, взлетел на пригорок, в Толковку, и, пока мы мчались вдоль сельской улицы, я только вертел головой от изумления – в обоих порядках изб не было, в замусоренных ямах одни голые печи, беленые, с высокими узкими красными тру-

бами. Сохранились только начальная школа да на околице одна изба; на дверях школы, ветхом бревенчатом строении, висел огромный черный замок, а на крыльце избы стояла ее хозяйка, женщина лет шестидесяти, и смотрела на темнеющее небо.

– Ефремиха! – крикнул агроном, застопорив перед крыльцом. – Мы у тебя грозу переждем!

– Заходите, заходите.

Бухгалтерша соскочила с мотоцикла и побежала в дом, и, пока я выбирался из люльки, первые крупные капли стали рябить землю. Я тоже пробежал в избу. Агроном зачехлил люльку, и, едва он вбежал в дом, стало темным-темно, сверху прорвало, хлынуло с такой яростью, что за окном, в шаге от него, ничего не было видно. В стекла плескало будто из ведра. Вода пробивалась сквозь оконные щели, накапливалась на подоконнике, лилась на пол, растекалась там лужицей, и Ефремиха тряпкой собирала ее.

Гроза меня всегда страшно возбуждает, я стоял у окна и смотрел, как она бушует. Вскоре она пронеслась, снова стало светло и солнечно. Мы вышли на крыльцо.

Агроном разжился у Ефремихи тряпками и принялся протирать сиденье своего ИЖа, бухгалтерша, толкая его плечом и смеясь, – смех у нее хороший был, счастливый, – помогала ему. В люльку, хотя зачехлена была, вода тоже просочилась.

– Давно он у вас, разор этот? – спросил я у Ефремихи.

– Как школу закрыли, все поднялись враз и – эх! тут она и была! Кто на центральную усадьбу, кто в район, кто подале.

– А вы что?

– А куды мне? Смерть меня и здесь найдет.

– Так ведь слова сказать не с кем.

– Тут дорога. Кто едет, остановится, слово скажет. Ты вот ехал, остановился, говоришь со мной. Дочь давеча хлеба привезла – на неделю хватит. А там еще кого попрошу...

– А обидит кто?

– Это меня-то? Я сама так обижу, за сто верст обегать станут.

Я хмыкнул и, сойдя с крыльца, решил, пока агроном и бухгалтерша заняты тем, что протирают сиденья и притираются плечами, пойти взглянуть на все поближе.

Шел по мокрой траве вдоль синюшных печей, в залитых водой ямах, в которых они стояли, видны были обрывки обоев, тряпье разное. Трудно вообразить было, что на крохотном пространстве, очерченном фундаментом, помещались шкаф, кровать, стол со стульями, диван, ходили, обедали, смотрели телевизор, спали несколько человек.

Жутковаты были не столько синюшные печи, сколько их дымоходы, узкие, высокие, из красного кирпича, потемневшие от воды. Сердце у меня щемило от этого запустения и разрухи. Господи, что же это такое? Войны нет, а как на войне – все порушено и погублено.

После войны хоть надежда была – жизнь вернется, разрушенное восстановят. А тут уже никакой надежды, жизнь бежала отсюда, как от чумы. Печи скоро разберут по кирпичу и увезут, школу разберут на бревна, Ефремиху тоже попросят отсюда, место перепашут, и от Толковки не останется и следа.

Я вернулся к мотоциклу.

– Как война пронеслась тут, – сказал я.

– Идиоты! На школах экономят. Одна учителька тут

была. На все четыре класса, на восемь детей. Она их всех вместе учила. В деревне нынче тоже мало рожают.

– От кого рожать? – сказала бухгалтерша. – От пьяни?

Агроном пропустил ее слова мимо ушей.

– У нас на первый класс наскребли всего одиннадцать. А на будущий год ни одного, поди, не наберут и школу, не гляди, что восьмилетка, закроют.

А детей нас заставят отправить в район, там-де есть школа-интернат, пусть дети там живут и учатся. Я знаю, что это за интернат. Сам там школу кончал. Пусть меня стреляют, а своих детей туда не отдам. Чего это они наших детей от нас отрывать станут! Если школу закроют, сам первый поднимусь и уеду.

– Куда ты уедешь? Прикипел ты тут.

– Уеду!

Бухгалтерша села позади него и обняла его, а я залез в люльку.

– Ефремиха, бывай! – крикнул он, перед тем как тронуться.

– Спасибо! – крикнул и я, помахал ей рукой.

Я несколько раз оборачивался взглянуть еще на голые печи и на их красные дымоходы.

Деревня способна пережить разные бедствия, засухи, неурожай, поборы властей. Но в наше просвещенное время она не может выжить, когда закрывают школу. Школа – последний якорь – держала Толковку на месте, а закрыли ее – и «эх! тут она и была!»

За Толковкой доехали мы до брошенной насыпной дороги. Тянули ее из райцентра до центральной усадьбы, да недотянули. Строительство ее оплачивали три хозяйства, деньги у всех кончились, работы прекратились, кучи песка на ней обдуло ветрами, обмыло дож-

дями, и такое чувство, что лежат они так еще с курганных времен.

Движение по ней закрыто, грунт обок ее изъезжен, в колеях – вода, в низинках – не лужи, а озера целые. Агроном притормаживал перед ними и, прежде чем въехать, смешно, как молитву, произносил: «Эх, мать божья, спаси нас от бездорожья!» Вода у колес шипела, плескалась под днищем люльки.

В одном месте дорога пошла под уклон, справа лежало хлебное поле, наполовину уже скошенное. Красный комбайн стоял там, где застигла его гроза, развесила она полную и чистую радугу над полем, ближний конец ее упал в пшеницу.

Много ворон кружилось над скошенным хлебом, пролетая сквозь радугу, они словно вспыхивали в ней, а вылетая из нее, на солнечном свету, тускнели. А солнце было яркое.

Внизу дорогу затопило, тяжелые машины, проехавшие здесь до нас, заворачивали в пшеницу, часть ее полегла под их колесами, и мы ехали по ней, как по настилу. Многие колосья перегнулись, хлестали по ветровому стеклу, меня по лицу, но я не пригибался, не отворачивался.

Хорошо как! Прекрасен мир, омытый грозой...

Я обещал агроному сходить в облоно и узнать, закроют ли их школу-восьмилетку. Разговаривал с зам. заведующего, старой клячей с высохшим лошадиным лицом, старого закала шкрабом, седой, коротко подстриженной, с непробиваемым бюрократическим умом и сердцем из пластмассы. Рассказал ей, что видел в Толковке, а она меня обрадовала: закрытию подлежат еще пятьдесят мелких сельских школ. Качество обучения в них низкое, и денег на их содержание нет.

– А как быть детям? – сказал я. – Школу закроете,

не каждое село может подняться. А до соседей восемь, а то и больше километров.

– Ну и что?

– Что значит «ну и что»? Транспорта нет, как детям добираться?

– Пешком дойдут.

– Пешком? Девочки и мальчики, семи или десяти лет?

– Это крестьянские дети. Для них восемь километров не расстояние.

– Не расстояние. Попробуйте пройти эти восемь километров в распутицу по колено в грязи, или зимой в мороз по сугробам, или в метель.

– Пробовала.

– И теперь хотите, чтобы и другие попробовали.

– Ничего с ними не случится. Только здоровее будут. И вообще, вы чего хлопочете? Это что, ваши дети?

Я понял, что не прошибить мне ее окаменевший череп, не тронуть пластиковое шкрабье сердце. Да и видно было, что от нее мало что зависит.

Одно лишь удалось узнать: школу агронома пока еще не внесли в список обреченных. Я успокоил его, послав открытку.

Баб гонят

В сорока пяти минутах на электричке от Пензы есть станция Чаадаевка и при ней небольшой поселок. Зажат он между двумя дорогами – рельсовой справа, по ходу, и шоссе слева. От станции до шоссе – короткая асфальтовая перемычка. От шоссе круто на холм взбирается сосновый лес и по плоскогорью идет на много километров вглубь и вширь. Прекрасный это лес – мачтовый. За железной дорогой – большая старица, еще дальше – широкая пойма Суры, река бежит и блестит

на солнце, загибает влево, и в том месте, где встречается с лесом, через нее перекинут мост. Длинный подъезд по шоссе к мосту с обеих сторон густо обсажен деревьями, въезжаешь как в туннель.

От шоссе грунтовая дорога ведет в глубь леса, к туберкулезному санаторию. Все тут с этой стороны не тронуто, а возле поселка в лес уже вгрызлись. Холм, на котором он стоит, оказался кладезем шамотного песка, так нужного в металлургии. Верх его разрыли, устроили песчаный карьер, по серпантинной дороге шастают взад и вперед самосвалы, вверх порожние, вниз с желтым песком, везут его на станцию, сгружают на железнодорожные платформы.

Дожди смывают с холма песок вниз, на шоссе и на дорогу-перемычку к станции, он накапливается у бетонных бордюров. Никто его не убирает, и такое впечатление, что поселок скоро занесет песком.

Несколько раз я снимал комнату в Чаадаевке, удираю из дому, чтобы спокойно поработать.

Вставал рано, с восьми до часу писал и, перекусив чем бог послал, уходил надолго в лес, бродил по нему, иногда проходил его насквозь, до другого его края, там он тоже сбегал по холму вниз к неширокой речке. То есть реки как таковой уже не было, а только русло ее высохшее; ил, выстилавший ее дно, испекся под солнцем, пострескался, свернулся в мелкие ракушки. И под ними уже гибель необратимая – один сухой песок.

Я стоял на холме и с недоумением и грустью смотрел на мертвую речку – скоро эти ракушки из ила рассыплются в прах, в пыль, ветер разнесет ее, и то, что было руслом, порастет травой, и человеку, случайно попавшему в это место, и в голову не придет, что тут когда-то река текла. На высоком ее берегу стоит большая деревня. Выживет ли она без реки?

Я спустился с холма, поднялся на другой берег и пошел по деревенской улице. У одной избы на лавочке сидел пожилой человек, не старик еще, на ногах у него были подшитые валенки — это в жару-то! Я спросил у него, что случилось с рекой.

— За лесом аукнулось, а на речке откликнулось. Лес-то на песке стоит. Ты тронь его, он и потечет; потек — и родники, что речку питали, засыпал.

— И никто заранее не подумал, что такое случится?

— Почему не подумал, да разве нас спрашивают?

В Чаадаевке сосны да песок. Даже после жаркого дня вечером прохладно и воздух свеж.

Вчера искупался в старице за линией (ее здесь называют озером). Вода в ней какая-то тяжелая.

Я попытался достать дно у берега, но внизу вода ледяная. Был ветер. Далеко не плавал — первый раз, а ноги задубели. В этом озере часто тонут.

Старик, сидевший с удочкой, пока я одевался, рассказал мне про семью Гусевых. Дочка окончила школу и утонула тут. Потом подросток сын, кончил десять классов и тоже утонул тут. Есть еще сын.

— И этому такая судьба — утонуть, — сказал старик.
— Не утонул еще, сидит пока в тюрьме.

Иногда приезжала на воскресенье Наташа с девочками, и я показывал им лес.

Я переживал лучшие годы моей жизни. У меня была крыша над головой, семья, я любил и был любим, занимался любимым делом, мне писалось, и меня, со скрипом, даже печатали.

С хозяйкой, тихой и заботливой женщиной, я разговаривал мало, она старалась мне не мешать. Было ей за пятьдесят, муж умер, а у сына, кадрового армейского офицера, была своя семья, и служил он где-то в Белоруссии. Мне и в голову не приходило, что эта слав-

ная добрая женщина молодой еще отсидела срок, но не по 58-й, а за преступление, которого в сущности не совершала.

Дядя пристроил ее кладовщицей на мебельном комбинате. Пылились на складе в углу четыре покрышки от «Победы», никому не нужные, а тут однажды дядя привел человека и сказал ей:

– Отдай ему эти покрышки, а накладную потом оформим.

Потом да потом, глядь, а тут ревизия. И схлопотала она за эти покрышки четыре года – по году, выходит, за каждую. Сама села, а дядю не подвела, не показала на него.

Однажды мы сидели вечером на крылечке дома, погода портилась, ветер гулял по верхушкам сосен в лесу, и мы слушали, как лес шумит. Может быть, когда погода ломается и в природе становится неуютно, люди сбиваются вместе, сказки рассказывают. Может, шум леса пробудил в ней что-то, стала она рассказывать мне про эпизод из своей зековской одиссеи.

Кантовалась она в пересыльном лагере, пока не набралось их сотен пять, все больше московские блатные бабешки – очищали тогда от них столицу – да деревенские, да швейницы, да мясокомбинатские, кто за колбаску, кто за крой гимнастерочный. У всех от трех до пяти.

А фиксатые московские стервы, те нахальные были, отбирали все, что получше, кофту шерстяную или платок. Дождались они наконец отправки, и повезли их товарняком на открытых платформах – такие вот под песок на станцию пригоняют, а уж осень была, холодно.

Сбросили их на забытом богом полустанке, две колеи, да вокзальчик при них, а в нем лавочки вдоль

стен, да зарешеченное окошко кассы фанеркой закрыто. Пять минут оправиться дали, а потом выстроили колонной по четыре и погнали в лагерь.

А до него – пятнадцать километров, сперва полем, потом лесом. Шла она впереди, ветер на себя принимала, а московские стервы в середке все держались. Когда в лес вошли, потише стало, дорога сквозь него прорублена, по бокам сосны да ели, ветер, как сейчас, гулял по макушкам сосен. Лес чуть шумел, к ним приглядывался.

От полустанка погнали их днем, а к лагерю приплелись уже в сумерки. Из лесу еще не вышли, открылась просторная площадь перед вахтой и забором из колючей проволоки. Им бы вздохнуть с облегчением, что пришли, но что-то нехорошее пронеслось в воздухе, дохнуло страхом оттуда.

Мужской это лагерь был, суета там началась, заключенные сбегались к вахте, к воротам из колючки, становилось их все больше и больше, взбудораженные, они сбивались в плотную толпу и вглядывались в лес.

И вдруг не то ликующий, не то изумленный, как о вести великой, донесся оттуда вопль:

— Б-а-а-б го-о-ня-а-т!

И на вопль этот бежало еще народу, ни окрики охраны, ни угрозы их не останавливали. Толпа росла и сжималась, становилась все грозней, словно черная туча, откуда вот-вот сверкнет и молния ударит.

Женщины кожей почувствовали этот накал, настожились, страшно им стало. Конвойные забегали, а там и вовсе приказ: стоять на месте.

– Эх, бабы, – подала одна голос. – Вырвутся – хана нам.

– А мы под охраной! – отозвалась другая.

– Сомнут!

– А чего они могут?!

– Дура, покалечить могут.

– А мы что, овечки? Мы сами им покажем, сами им дадим.

– Конечно, сами им дадим.

Многие засмеялись и заговорили, их голоса, у кого высокие, у кого гортанные, звучали в лесу как в храме, это тоже пугало, смешки и разговоры прекратились.

Видно, и сами конвойные испугались, как бы чего не вышло. Начальник побежал на вахту, там, очевидно, вызвали «хозяина», посоветовавшись с ним, начальник прибежал к колонне, крикнул:

– Кругом!

Колонну повернули и погнали баб назад к железной дороге, и вслед им из лагеря понесся вой: «У-У-У! У-У-У!» Нечеловеческий то вой был, так звери воют.

Протопали они назад к полустанку свои пятнадцать километров, с ног валились, московские блатные вокзальчик захватили, а «горшки», как они презрительно называли женщин трудовых, оставшись на улице, сели на свои мешки спинами друг другу, сбились, как овцы в отару, и продремали так до утра. Конвойные, те и вовсе не спали, сторожили их.

Утром опять те же пятнадцать километров. На этот раз все обошлось. Мужиков угнали в лес на работу, а баб провели в их зону, распределили по баракам, велели из них не выходить, и так помаленьку да потихоньку накал этот сняли.

Хозяйка моя не верила, что повернули их на станцию из-за мужиков. Может, в самом лагере были не готовы принять их. А мужиков – чего их боятся? Многие уже на другой день через проволоку с ними перекивались.

В лагере ей подфартило. Старшим бухгалтером складов был человек из их райцентра, из Городища, ходил он расконвоированный, пришел на их зону землячек высматривать, взял ее на склад. Кладовщицей она и прокантовалась все четыре года. Был он еще совсем молодой, за растрату сел. Звали его Иваном.

Они подружились, и при случае она спросила его, правда ли, что в тот вечер, когда, пригнав их к лагерю, а затем повернув назад, мужики взбунтовались, а тех, что в истерике бились, в шизо посадили. Он сказал, что всякое бывало, но такое он первый раз увидел.

У него от тоски привычка выработалась в свободное время, как у Петра Великого, стоять и вдаль глядеть. Дорогу с того места, перед воротами, видать далеко, небо между соснами закручивается воронкой цветной. За лесом – вольный мир.

Стоял он и смотрел на дорогу, засек далеко на ней: масса колышется, новую партию зеков, подумал, гонят, но чем больше вглядывался, тем сильнее в нем сердце колотилось. Видел он не раз, как топают колонной мужики, а тут что-то другое было, колыханье иное.

И обожгла его догадка: «Баб гонят!» Он обмер, левой рукой схватил себя за нижнюю губу, сжал до боли, тянул ее, точно оторвать хотел. Если стоишь и взглядом уставился на что-то далекое, то еще кто-то станет рядом и будет смотреть в ту же сторону. Прибежал зек, поинтересовался:

– Чего там?

– Баб гонят.

– Ну!

И тоже замер. Потом набежал третий, четвертый:

– Чего там?

– Баб гонят.

И понеслось из уст в уста, из барака в барак «Баб

гонят!», и потянулись зеки к вахте, к проволочным воротам, откуда хорошо видна была дорога, и, когда уже шумная толпа образовалась, над ней, как оглашенный, не то радостью, не то вестью великой взлетел вопль: «Б-а-а-б го-ня-а-т!»

На вопль этот уже бежали сотни людей, толкались, тянулись на цыпочках: «Где? Не видать!»

Окриков вертухаев никто не слышал. Сзади напирали, передние – а Иван оказался среди них – не сдержали напор, переступили запретную полосу, их прижали к колючей проволоке, а они терпели, кто-то полез на крышу вахты, кто-то из передних, боясь быть задавленным, полез на столб ограды, проволока прогибалась, и казалось, не выдержит напора.

Не различить еще было лиц в колонне, едва-едва просматривались ноги в темной массе, но по тому, как колыхалась она, видно было, что это женское, и колыханье это сводило с ума.

Эти зеки, часто враждовавшие друг с другом, злые, разные, превратились в одно мужское начало, давно лишенное и не видевшее женского образа.

Вскоре проявились и лица, и платки, головные и шейные, челки и пряди, спадающие на лоб, округлости груди и бедер, стали слышны их голоса, и каждый звук их обжигал. Ропот стих.

Если бы опустили в эту толпу микрофон и подсоединили к усилителю, то стало бы слышно, как тяжело она дышит, эта толпа, как сопит, раздувает ноздри, вдыхая несшийся из лесу острый запах женской плоти, как глотает слюну, как двигает кадыками.

Вот это настороженное выжидание могучего и опасного зверя почувствовали и женщины, и конвой, и охрана лагеря. Не дай бог, рванется он к добыче, снесет ограду, растопчет ее, не почувствует, как шипы и пули

станут рвать его тело. Дежурный офицер – тот просто испугался. Прикажи он стрелять, они этого даже не заметят. Просто будут смыкаться и топтать упавших.

Да и время уже было иное, послесталинское – новые установки, реабилитации, амнистии. Наломаеть дров – головы не снесешь.

Меж тем конвой остановил колонну, когда она достигла опушки леса. Опасно было вести их дальше, мимо вахты, мимо проволочной ограды, за которой изговилась заведенная толпа мужиков. Не дай бог, не выдержат, порушат ограду, тогда насилия не миновать.

Начальник конвоя прибежал на вахту; еще до этого дежурный офицер послал за «хозяином»; тот явился, быстро оценил обстановку и велел начальнику конвоя – от греха подальше – вернуть до утра колонну на полустанок.

Тот побежал к колонне, и тут на лесной дороге произошло что-то непостижимое. Не сразу сообразили они, мужики, что исчезла краска какая-то. А это женщин повернули кругом – сутулые темные спины да круглые головы в туго повязанных платках – словно померкло там. Они затоптались на месте, заколыхались, и не сразу-то и видно стало, что уходят.

Поверить этому нельзя было, а когда дошло, когда увидели, из всех глоток, как из одной, пошел все усиливающийся нечеловеческий вой: «У-У-У! У-У-У! У-У-У!» Вой этот был так тягуч и ужасен, точно лишали людей жизни.

Женщины сбились с шага, втянули головы в плечи от страха. Конвой подгонял: «Скорее! Скорей!» Подгонять их не надо было – сами спешили уйти подальше.

Кое с кем в лагере случилась истерика. «Гады! Гады!» – вопили они. Охрана не выдержала, стала палить в воздух. «Хозяин» приказал всем разойтись по баракам.

Свирепые, яростные, оскорбленные, разгоряченные ненавистью, они расходились, крича ругательства. Допоздна шумели. Как же могли с ними такое сделать?!

А утром погнали их в лес, разместили по делянкам, и, пока они валили сосны, женщины снова протопали свои пятнадцать километров и их без приключений провели в зону.

– Жалко их, мужиков-то. Жалкие вы без нас, – заключила свой рассказ хозяйка.

Деревенский донжуан

Гриша Когельман заведует редакцией партийной жизни на областном радио. Всю партийную бражку он знает как облупленную, и я редко встречал человека, кто бы так презирал ее. Самое удивительное, что его трудно назвать циником. Мне он сказал:

– Мы радио. Мы не критикуем. Мы только хвалим, наш хлеб – успехи и достижения.

Во время войны он был корреспондентом ТАСС, его забрасывали в партизанские отряды, и его статьи о них печатались в центральных и перепечатывались в областных газетах.

Его мать эвакуировалась из Белоруссии в Пензу, о сыне ничего не знала, где он и что с ним. Однажды прочла в газете очерк о партизанах за подписью Г. Когельман. Ее письмо в редакцию переслали ему, и они нашли друг друга.

После войны он приехал в Пензу к матери. Его взяли в отдел партийной жизни областной газеты. Работал в ней и Георгий Вьюнов – фронтовик, недавний пехотный офицер. Местные порядки и своеволие начальства ему тоже не нравились, и они вдвоем принялись разгрести грязь.

Отцы города быстро дали им по рукам. Слишком

возомнили о себе эти фронтовики. Обоих с треском выставили из газеты, Вьюнова со строгачом, а Когельмана угнали в Мокшан, в районную газету литсотрудником. Урок он усвоил – с начальством не заводись. Не пиши как есть, а пиши как того хотят.

К нему, потерпевшему за правду, в Мокшане отнеслись с сочувствием.

Однажды в пензенскую глушь залетела корреспондентка из столичной «Комсомолки», она пришла в райком партии, к первому секретарю, устроила ему выволочку.

В селе, где она побывала, председатель сельсовета развратничает, трахает всех баб подряд, а вы тут сидите и на такую аморалку никак не реагируете. Пошумела, пошумела и ускакала.

Секретарь райкома, сам из деревенских, малообразованный, но человек с понятием, тоже фронтовик, вызвал Когельмана и сказал:

– Поезжай и разберись.

Приехал Когельман в это село, нашел председателя и с ходу объяснил причину своего приезда:

– Поступил сигнал, что ты тут донжуанствуешь. Правда это?

Кто такой Дон Жуан, председатель не знал, но все равно понял, о чем речь.

– Правда, – не стал он отпираться. – Пойдем.

Был он высок, худ, уже в годах, за сорок, припадал сильно на одну ногу, ранен был на фронте, из госпиталя его выписали в сорок третьем, и, демобилизованный, он вернулся на родину.

Ему повезло. Ушло из их села на войну сорок два человека, а вернулся он один. Нет мужиков. Одни бабы да детишки. У него своя семья, детишек трое, две девочки довоенные, и мальчонку заделал, вернувшись.

Он привел Когельмана к одной избе.

– Ну, – говорит, – давай сюда зайдем.

И едва они вошли, два малыша бросились к нему с криками «Тятя! Тятя!» и обхватили его за ноги. Женщина, молодая, в соку, смотрела настороженно на Гришу, редко кто к ним в село заглядывал.

– Есть будете, я на стол накрою? – спросила она председателя, он повернулся к Грише.

– Некогда, некогда, – поторопился он отказаться.

Председатель привел Гришу еще в две избы, и там тоже один или два ребенка с криками «Тятя! Тятя!» бросались к нему.

Когда из третьей избы вышли, председатель спросил:

– Еще пойдешь?

– Нет, хватит, я понял. А как жена твоя к этому относится?

– Она понятливая. Я один на всех тут, не донжуан, а бык-производитель. Так и доложи тому, кто послал тебя. Пойдем поедим, пропустим по фронтовой.

В его доме никто не бросился к нему, ни довоенные девочки, одна лет двенадцати, другая помоложе, ни военный малец.

Его жене, вероятно, уже успели доложить, кого ее муж по чужим домам водит, потому что стол был накрыт, красовалась на нем литровая бутылка с сивухой – коньяк «три свеклы», пошутил председатель.

Они выпили, жена поставила на стол большую сковороду с жареной картошкой, солониной, все залитое яйцами, а сама за стол не села, не мешать их разговору. И детей увела на кухню. А поговорили они хорошо, как фронтовые товарищи.

Вернулся Гриша в район и доложил Первому, что видел.

– А что делать? – спросил тот.

– А хрен его знает, – сказал Гриша

На другой день, утром, в райком пришли несколько женщин того села, вошли в кабинет Первого хмурые, немногословные.

– Не трогайте его, – сказали они. – Не ваше это дело.

Это была не просьба, а угроза – не дадут они отобрать у них и последнее.

Не стали ждать от него слов, пришли предупредить, а не просить.

А Первый после их ухода долго сидел за столом, подперев ладонью лицо, и думал. Без слов.

Выписки: подражание М. Л. Гаспарову

«Никто не живет один: человек беседует с теми, кого уже нет, их жизнь воплощается в нем, он поднимается по ступеням и, идя по их стопам, осматривает закоулки дома истории. Из их надежд и поражений, из знаков, которые после них остались – будь то даже одна высеченная в камне цифра, – рождается покой и сдержанность в суждениях о себе. Тем, кто умеет их обрести, дано великое счастье. Они никогда и нигде не чувствуют себя бездомными – их поддерживает память обо всех, кто, подобно им, стремился к недостижимой цели».

Чеслав Милош. Долина Иссы. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2012, стр. 149-150.

Евгений Брейдо

АГЕНТ

Сценка из петровских времен

Действующие лица

Петр I Великий – русский царь.

Головин Федор Алексеевич –

государственный канцлер, граф, генерал-адмирал,
генерал-фельдмаршал.

Меншиков Александр Данилович –
наперсник Петра.

Толстой Петр Андреевич –
посол в Константинополе (в пьесе не появляется).

Макаров Алексей Васильевич – секретарь Петра.

Евгений Брейдо, 51 год, по образованию математик, по роду деятельности писатель, лингвист, филолог и программист.

Много лет служил в Институте русского языка им. Виноградова в качестве научного сотрудника и преподавал на отделении теоретической и прикладной лингвистики МГУ им. М. В. Ломоносова.

Придумал новую теорию русской стиховой метрики и защитил на эту тему диссертацию под руководством М. Л. Гаспарова, несмотря на недовольство последнего. Занимался творчеством О. Мандельштама, Б. Пастернака, А. Введенского, В. Маяковского. Написал монографию по русскому стиху.

В настоящее время живет в Бостоне (США). Кроме сочинения рассказов, пишет статьи по медицинской информатике и прикладной лингвистике. На жизнь зарабатывает в основном программированием.

Сценка «Агент» публикуется с разрешения автора.

ПЕТР И МАКАРОВ

П е т р. Ну, что там у тебя?

М а к а р о в. Да вот, Толстой доносит из Константинополя.

П е т р (*как всегда, нетерпеливо*). Ну?

М а к а р о в (*передает письмо*). Взгляните, Государь. Затеяник у нас Петр-то Андреич.

П е т р (*читает*):

«Молодой подьячий Тимофей, познакомившись с турками, выдумал обасурманиться. Бог мне помог об этом сведать, я призвал его тайно и начал ему говорить, а он мне прямо объявил, что хочет обасурманиться; я его запер в своей спальне до ночи, а ночью он выпил рюмку вина и скоро умер; так его Бог сохранил от такой беды».

(*Фыркнул в усы*)

– Ишь, разгулялся Петька. Головин где?

М а к а р о в. Через полчаса должен быть с докладом. Если не изволите отменить. (*Кланяется*)

– Меншиков еще рвался.

П е т р. Этот всегда рвется. Головина вначале.

М а к а р о в. Слушаю.

П е т р. Еще что важное?

М а к а р о в. Да так, по мелочи, срочного с утра больше не было.

ЧЕРЕЗ ПОЛЧАСА ТЕ ЖЕ И ГОЛОВИН.

П е т р (*передавая ему письмо*). На, читай.

Г о л о в и н (*читает, про себя*). Ему бы самому такую стопочку.

П е т р. Твой агент?

Г о л о в и н (*отшатываясь*). Зачем мне к Петьке агентов посылать, помилуй, Петр Алексеич?

Петр. Я не спрашиваю, зачем. Твой или нет? Варьянгов у нас три. Или вправду подъячий в басурманы подался и стал за Петькой шпионить, или он из вас вот кем-то послан за Толстым приглядывать (*Петр глянул в упор сначала на одного сподвижника, потом на другого*), или сам собою какие-то Петькины делишки выведал, и тот его порешил. Учиняем следствие. Макаров, зови Меншикова. Тоже фигурант.

Головин. Государь, а может он, вправду, того, сам помер, а? Бывает ведь, мрут.

Петр (*ласково*). Да бывает, Федя, бывает. Ты скажи, если твой агент, не опасайся, это даже и правильно было бы, за Толстым глаз нужен. Я бы и двух послал.

Головин (*про себя*). Да там и так три, только хрен их Петька расколет.

Вбегают Меншиков в расшитом кафтане и при шпаге. Влюбленно смотрит на царя.

Меншиков (*не обращая внимания ни на кого, кроме Петра*). Звал, Государь?

Петр (*долго и испытующе смотрит на любимца, потом говорит, закуривая поданную Макаровым трубку*). Слышал про Толстого?

Меншиков. Что он подъячего отравил, сука?

Все оборачиваются и внимательно смотрят на Меншикова. Тот понимает, что проговорился и ... была не была.

Меншиков. Бес попутал, Государь. Приставил к Толстому человечка. Так он же, сучий потрох, только и норовит в глотку вгрызться. Сколько он Тебе доносов на меня писал, а? Выблядок Милославский.

Петр некоторое время ходит по комнате, поглядывая то на Меншикова, то на Головина.

П е т р (*Макарову*). Сколько у нас человек у Толстого-то в посольстве?

М а к а р о в (*вздыхнув*). Было девять, теперь вот восемь только осталось.

П е т р. Так.

Резко поворачивается к Головину.

– Ты скольких послал за Толстым следить?

Усы угрожающе защевелились.

– Не ври!

Г о л о в и н (*быстро и тихо*). Трoих.

П е т р (*Меншикову*). Ты?

Меншиков отступает на шаг.

Петр протягивает вбок руку, Макаров рысью бежит в угол комнаты, возвращается с дубинкой и кладывает ее в руку Петра.

П е т р (*Меншикову*). Ну?

М е н ш и к о в (*с уважением глядя на палку и украдкой вздыхая*). Трoих, Государь.

П е т р (*отдавая Макарову дубинку*). И мы двоих. Так, Макаров?

М а к а р о в. Ну да. Любовницу его и писаря.

П е т р. Диктуйте Макарову поименно, господа министры, каждый своих людей.

Диктуют. Макаров записывает.

П е т р. Макаров, двойные агенты есть?

М а к а р о в. Никак нет, Государь.

П е т р. Так что, правильно я понимаю, господа министры, ... вашу мать, что только один этот подъячий и не был никем подослан?

В с е х о р о м. Так, Государь.

П е т р (*обводит всех трoих взглядом*). Почему? Забыли, что ли, про него в бардаке?

Молчат.

М е н ш и к о в (*осторожно*). Шебутной он какой-то был, царствие ему небесное. Придурковатый вроде. Ни к какому делу негодный.

П е т р. Агенты что пишут? Макаров?

М а к а р о в. Так то и доносят, что Толстой самолично пытал и отравил. Про басурманство ни слова. Как же, дали бы ему там обасурманиться, среди стольких-то глаз.

М е н ш и к о в и Г о л о в и н в м е с т е. Точно так, Государь.

П е т р. Так что ж это, выходит, Петька-то умнее нас всех оказался? Агентов раскрыл, но не может же он зараз все свое посольство уморить, а про этого одного не понял чей, да и порешил от греха, чтоб голову свою умную больше не ломать. Третий вариант в рассмотрение не берем – случись что, кто-нибудь бы донес.

В с е. Истинно, Государь.

З а н а в е с.

Выписки: подражание М. Л. Гаспарову

«Власть – это всего лишь владение информацией, повторял он про себя, и неизвестно, какой из фактов, которые я собираю, мне когда-нибудь пригодится для достижения самых высоких целей».

Томас Эллой Мартинес. Святая Эвита. «Иностранная литература», 1998, № 10, стр. 47.

Выписки: подражание М. Л. Гаспарову

«Все мы ежедневно оказываемся перед каким-нибудь выбором, который может определить всю нашу дальнейшую жизнь. Обычно мы даже не отдаем себе в этом отчета – по сути, мы никогда не знаем, от какой случайности зависит наша судьба: место в социальной группе, профессиональная карьера, работа. В эмоциональной сфере мы обладаем гораздо большей свободой, а в общественной зависим скорее от случайности».

Кшиштоф Кеслёвский. О себе. Литературная записка Дануты Сток. «Иностранная литература», 1998, № 11, стр. 213-214.

* * *

«Вы могли бы заметить Фринк, что у меня есть фамилия, – сказал я, ткнув пальцем в одну из бумажек. – Понимаю, это трудная работа – общаться с публикой дельно и все-таки вежливо. Однако не каждый будет в восторге, если с ним обращаются как с подозрительной личностью и покровительственно в то же время».

Сол Беллоу. Между небом и землей. «Иностранная литература», 1998, № 4, стр. 104.

* * *

«Пока сами не окажутся в подобном положении, не смогут понять боли и зла, которое причинили».

Юзеф Хен. Миссия в Грауштадт. В сборнике «Подвиг». Приложение к журналу «Сельская молодежь». М.: «Молодая гвардия», 1976, т. 4, стр. 36.

Мария Сакович

Из цикла

«Я хочу засыпать не одна»

В этом мире жить непросто.
Покрываемся коростой,
Одеваемся шипами,
Чтоб не сталкиваться лбами –
Отдаляемся, но всё же
Иногда мороз по коже
Или в сердце стукнет что-то...
И сквозь вечные заботы
Просочится вдруг тоска,
Затаится у виска
Пистолетным черным дулом.
И уже сидишь сутуло,
Никнут плечи, тянет жилы,
Ищет взгляд веревку с мылом,
Но, снимая, словно латы,
Всё, чем обрастал когда-то,
Осторожно, как больной,
Ощущаешь за спиной
Тяжкий взмах помятых крыльев –
Искалеченных, но сильных...

10 сентября 2012 г.

Мария Сакович, 32 года, поэт и писатель. Живет в Пензе. Любимые авторы: Александр Пушкин, Марина Цветаева, Вероника Тушнова, Сергей Казнов, Сергей Сеничев, Тонино Бенаквиста, Джек Лондон, Андре Моруа, Михаил Булгаков.

Цикл написан специально для третьего выпуска «Парка Белинского».

* * *

Спрячь меня от жары и от стужи
Всем сомненьям и сплетням назло,
Будь со мной, потому что ты нужен,
Чтоб хоть раз мне в любви повезло.
Помоги мне не выпасть из чарта,
Побороть бессердечную лень,
Мне не надо везения в картах,
Мне бы счастья – по капельке в день.
Не вини меня в прошлых ошибках,
Что прошло – то уже не вина.
Я хочу просыпаться с улыбкой.
Я хочу засыпать не одна.

20 сентября 2012 г.

* * *

Я тебя не люблю, не ненавижу и не хочу.
Улыбнусь, как обычно, краешком губ, смолчу,
Даже на кофе со сливками не раскручу,
Только не трогай, дура ведь, закричу.
Ты пришел, как поезд, безжалостно-проходной,
Я тебя не увидела, но почувствовала спиной,
Как ты думаешь, просто жить без тебя, одной?
Или билет в мою жизнь – безвременный проездной?
Уходи безропотно, провожать тебя не пойду,
Да какие хлопоты, милый, теперь уж не пропаду,
Ну а если случайно встретимся на беду,
Так и быть, с дорожки твоей я сама сойду.

1 октября 2012 г.

* * *

Взять бы и помереть вдруг – но нельзя, рано.
Живы еще родители, будет страдать мама.
Кому завещать добро, никак не решу пока,

Да и добра всего – кот и цветы в горшках.
Дети не рождены, дней не доткан узор.
Делать же смерть самой – это такой позор...
Так что проблем моих выходом не решить.
Значит, ответ один: я продолжаю жить,
Если смотреть на свет, то с точки зренья пола
Этот стакан наполовину полон.

3 октября 2012 г.

* * *

Когда б мы ни оказались рядом –
Не важно, на час или на минуту –
Мы словно застывший в пробке автобус,
Идущий по заданному маршруту.
Казалось бы, жизнь за стеклом мелькает,
Или гаишником машет палкой,
А мы застываем железной гущей,
Мерцающим пламенем зажигалки
Пульсируют где-то на дне стакана
Два сердца, сжавшиеся в комочек,
Мы оба видим и понимаем,
Что в этой сказке нельзя без точек,
Но их так много, и самых разных!
И чтоб не путаться в них при чтенье,
Давай посмотрим в глаза друг другу
И примем вместе одно решенье.

7 ноября 2012 г.

* * *

Антисветская антильвица,
почему тебе вновь не спится?
Почему ты глаза таращишь
на Луну, что висит над чащей
(чаща сиречь лесопосадки,
где орешник растет на грядке)?
Почему ты, большая кошка,

обреченно глядишь в окошко
и зеваешь потусторонне,
придремав в уголке на троне?
Ты довольна ль своею долей?
Уж не хочешь ли ты на волю,
чтобы вволю там порезвиться?
Отвечай, моя антильвица!
Антильвица вздохнет уныло
и ко мне повернется тылом.
Ведь когда ты родилась Раком,
предпочтешь пребывать во мраке...

10 ноября 2013 г.

* * *

Как ни крути, но я устала.
Однако мне, голодной, мало
того, что есть. И вечно тянет
к тому, что неизбывно манит
издалека мечтой и верой,
вот знать бы мне хоть в чем-то меру!
И обрести покой и рай,
а там – ложись и помирай...
Нет, я еще потрепыхаюсь,
вновь соберусь и вновь сломаюсь,
и так всегда: из часа в час,
из жизни в жизнь, из раза в раз...

1 декабря 2012 г.

* * *

... Палачу оплачивают путь в оба конца...
Палачу работу оплачивают по факту,
На основе, как говорится, счетов и актов.
Если этот архангел смерти привык халтурить,
Где гарантия, что не хватит ума и дури
Не башку отсечь, а, к примеру, ухо?
Не беда, потерпевший ведь не лишится слуха,

Но висок, украсившийся дырой кровавой,
Вызывает трепет – отнюдь не сладостный, слово право!
Так что если уж оплатить палачу билеты,
То пускай гарантирует окончательный конец света.
Возникает вопрос – поэзия тут при чем?
Отвечаю: не так-то просто быть палачом.

15 января 2013 г.

* * *

Вскользь
Никому не нужный дар,
обесцененный товар,
пара крыльев на ковре,
пальцы в блеклом серебре,
золото на дне зрачка,
взгляд наотмашь свысока,
и слегка за тридцать лет –
узнаваемый портрет...

16 января 2013 г.

* * *

Любовь – это водораздел,
Последний душевный предел,
Который поможет понять,
Кем нам суждено было стать.
Возможно – Венерой, возможно – Афиной,
А может, из женщин податься в мужчины?
Но как бы там ни было, это черта,
Достигнув её, понимаешь – проста
Природа любви, словно свет:
Цветешь, пока есть. Если нет,
Ты крот. Создан жить в темноте,
Замкнувшись в своей слепоте,
И даже не думать и не мечтать,
Что можно не ползать всю жизнь, а летать...

14 февраля 2013 г.

* * *

И вот ты ушел. Жизнь становится серой,
И трудно найти блок питания для веры,
Что это на время, и краски вернуться,
Когда ты придешь, чтобы дать мне проснуться.
Когда ты уходишь, день тонет в тумане,
Твержу, как молитву, что завтра всё встанет
Опять на места, мир помчится по кругу
И солнце червонцем попросится в руку.
Когда ты уходишь, лавина сомнений
Меня накрывает, и мечутся тени
Обмана и ревности, муки и злобы,
И в этом, увы, виноваты мы оба.
Когда ты уходишь, часы забывают,
Что надо спешить... я тебя провожаю,
И гулким набатом стучится в груди –
НЕ-У-ХО-ДИ... НЕ-У-ХО-ДИ...

15 февраля 2013 г.

* * *

Стылый ветер, ворча, шевелится в кустах,
Словно пёс, зарывающий кость.
Я лежу и считаю овечек до ста,
Как младенца, баюкая злость.
Злость на жизнь, что не дарит мехов и камней,
На работу, где невоготу,
И на ветер, который ворчит всё сильнее,
Теребя фонарей наготу.
Валерьянку не пью, я ж не кот. Хотя жаль,
Я не против стать рыжим котом,
Ведь они обожают обрубок-февраль...
Я считаю седьмой раз по сто.

15 февраля 2013 г.

Мария Сакович

Если захочешь меня увидеть

Мне всегда казалось, что богатство – это хорошо. Точнее, как... не само богатство, а те возможности, которые оно даёт. Путешествия, красивая удобная одежда, обувь именно по твоей ноге, комфортная квартира, а то и дом, и даже не один, походы в театр, верховая езда – эти атрибуты красивой жизни, к сожалению, большинству смертных недоступны.

Вот лично Вы можете себе позволить сходить на премьеру в Большой театр? Я нет.

Кататься на лошади 3 раза в неделю, причем не на той сивке-бурке, что водят под уздцы по улицам на радость детворе, а на гордом представителе какой-нибудь арабской или ахалтекинской породы – можете?

А загорать на палубе собственной яхты, проводить лето в собственной вилле в каком-нибудь крохотном греческом городишке на берегу моря?

Вот то-то и оно. А они, богатые, могут.

Примерно в таком ключе я размышляла, стоя в многокилометровой и многочасовой пробке на въезде в Москву. Справа маялся в тонированной БМВ безликий герой моих мыслей – как и сотни их вокруг, спереди, сзади, сбоку – везде.

А я, сидя в «пятнашке» без кондиционера, с включенным на всю громкость радио, тихо проклинала свою никчемность и неспособность не столько даже заработать, а сколько – позволить кому-то заработать мне на вожделенный комфорт. Хотя бы на дороге.

Плотный джем из раскаленных под солнцем машин

наконец сдвинулся с места, лавиной, постепенно набирая скорость, покатился под уклон. От бликов света и солнечных зайчиков, отраженных сотнями стекол и зеркал, у меня потемнело в глазах, бодрое лопотание ди-джея становилось всё тише и глуше.

Внезапно, краем глаза заметив слева какую-то суету, я нажала на тормоз и тряхнула головой, пытаюсь сбросить надвигающийся обморок. Звон в ушах почти прекратился, очертания мира вокруг обрели четкость, а сзади послышался звук удара, звон и треск, машина дернулась вперед, я резко выжала педаль тормоза.

«Пятнашка» встала как вкопанная, еще раз конвульсивно содрогнулась и затихла. Чертыхнувшись и рванув вверх ручку стояночного тормоза, я, глянув в зеркало заднего вида, оценила ситуацию, включила аварийку и, приоткрыв дверь, вылезла на дорогу.

«Плачевно», – мелькнула в голове мысль и исчезла, уступив место пришедшему всерьез и надолго отчаянию.

Сзади, уткнувшись роскошной мордой в мой бампер, на орошенном бриллиантовыми слезами разбитых фар горячем асфальте томился великолепный, кошмарно-красивый Бентли.

Белый, как штаны жителей Рио-де-Жанейро. Сверкающий, как огни рекламы на Тверской. Роскошный, как... как Бентли. Грустный, как я, осознавшая, сколько могут стоять эти фары и бампер.

Да, конечно, он виноват, но... но кто и когда в таких машинах признавал себя виноватым?

Водительская дверь медленно открылась, из машины вылез парень. Вполне обычный и даже приятный на вид. Светленький, глаза карие, на немного вздернутом носу и загорелых щеках россыпь стеснительных веснушек.

Наверное, он мог бы мне даже понравиться, если бы

не обстоятельства. Он молча смотрел на меня, облокотившись на водительскую дверь.

Потом перевел взгляд на капот своей машины и каким-то намеренно смешным, мне почудилось, показушным даже жестом почесал в затылке, а потом захлопнул дверь и враскачку, походкой моряка-одессита подошел ко мне. Почему одессита? А потому что глаза у него были хитрющие.

– Что делать будем, красавица? – спросил он, нагло улыбаясь мне в лицо.

«Я не виновата, и ты, сволочь, знаешь это не хуже меня!!!» – вопило всё моё существо, но губы даже не дрогнули.

Я молча смотрела на расквашенный зад моей бедняжки, а в глазах закипали слёзы. Я еще долго буду ездить на помятой машине, потому что свободных денег нет, у родителей просить не буду, занимать не в моих правилах (бывает, конечно, стрельнешь тыщонку до зарплаты, ну так ведь её и отдать проще, чем, скажем, 10 тысяч).

Страховка? А что страховка? Не понимаю я в этом ничего. Покроет, не покроет, страховой случай, не страховой... Женщина я!!! Обезьяна с гранатой!!!

Не обязана разбираться в этих тонкостях... я моргнула, и одна слеза, особенно горячая и жгуче-солёная, сорвалась-таки из левого глаза и побежала по щеке, добралась до губ, и я быстро и, надеюсь, незаметно, смахнула её кончиком языка.

А водитель Бентли нахмурился, шаркнул ногой в тапке (да-да, на нем были шлёпанцы, уж не знаю, кожаные или резиновые, не разглядела) и протянул мне руку. Я удивилась безмерно – чего это он? – но руку пожала.

«Виктор», – почти промурлыкало моё сегодняшнее несчастье.

«Карина», – буркнула я в ответ и отдернула руку, ощутив, какая она потная.

«Знаешь, Карина-а-а, – протянул он моё имя, как в известной песне, которая вязла в зубах лет эдак 10 назад, – я думаю, что у меня к тебе претензий нет. А у тебя есть? А? Нету? Ну вот видишь. Значит, можно и разойтись мирно по домам, а вечером стресс пивком заполировать. А? Что скажешь? Разъезжаемся?» – и Виктор выжидательно уставился на меня.

А я, не веря своему счастью, китайским болванчиком стояла у машины и обалдело кивала. Виктор мне подмигнул, развернулся было, но затем снова подошел ко мне, постоял молча, а потом сказал, тихо-тихо, словно боясь, что в кружащем над нами гуле столичной пробки его кто-то услышит: «Если захочешь меня увидеть... приходи завтра вечером на набережную, в кафе «Санта-Мария», я там буду».

Развернулся резко, быстро сел в машину, хлопнув дверью. Заурчал двигатель, замигал поворотник, и резво вклинившись в левый ряд, помятый Бентли с подбитым глазом медленно, словно яхта моей мечты, уплыл в потоке сигналищего железа.

А я, очнувшись от дудящих мне в лицо машин, показала язык неизвестно кому и впрыгнула в свою «пятнашку».

Весь следующий день я носилась по городу как угорелая. Отпросилась с работы после обеда, сказав, что надо сгонять в автосервис, и меня закружила карусель «красивого бизнеса». Маникюр, педикюр, укладочка – я твёрдо знала, что непременно пойду в кафе «Санта-Мария», чего бы мне это ни стоило. Да пусть и передний бампер мне помнёт, не страшно!

Я ж сразу поняла – это судьба, столкнуться в этом огромном мире могут только вторые половинки друг

друга! А значит, счастье мне улыбнулось: и кто знает, может, через пару месяцев уже я буду скучать за рулем белого Бентли, стоя в московских пробках, только теперь с кондиционером и не «Европой плюс» в динамиках, а... а с «Queen»! Да, точно, я буду слушать «Queen» в моем Бентли. Хай-класс. Олимп. Богема, чёрт возьми!

Ровно в семь вечера я взошла на палубу крошечного кораблика – кафе «Санта-Мария» было плавучим. Огляделась – Виктора не было видно. Ну ничего страшного, наверное, придет позже. Я села и заказала бокал шампанского. Праздник всё-таки, новая жизнь начинается, надо отметить!

Шампанское ударило в нос, солнце весело играло на крошечных волнах, мимо проплывали катера, а над рекой высилась Москва – город, который скоро станет моим. Надо было только верить в мечту и собственные силы. Я – Наполеон. Ну да! Наполеон в женском облике.

В половине двенадцатого я допила бутылку шампанского и с тоской закурила. Верить в мечту легко. Верить в мечту, когда она тебя обманула – ой как трудно.

Щипало глаза, но я была уверена – заплачу только, уткнувшись в подушку, дома и усну, зарёванная, и завтра встану с отёкшей мордой и красными глазами, и так мне и надо! Потому что нечего мечтать и видеть сны наяву, работать надо – в том числе и над собой, своим самомнением и буйной фантазией. Идиотка.

– Извините, мы закрываемся, – сказали за спиной. Я кивнула, потянулась к сумочке, лежащей на столике, но вдруг мужская рука в белом манжете накрыла моё запястье. Я подняла голову, у стола стоял Виктор. Он улыбнулся и сел напротив.

– Прости, я не хотел подходить, но сейчас увидел,

как ты расстроилась, и не смог. Не устоял. Я пойму, если ты сейчас уйдешь. Я вчера перегонял Бентли хозяина кафе – гнал машину в сервис. Пришлось кредит брать, потребительский. Процент, конечно, грабительский, зато никаких справок и быстро, сама понимаешь, деньги нужны были сразу...

– Какие деньги? – пробормотала я.

– На фару и бампер. От Бентли, – извиняющимся тоном сказал Виктор и убрал теплую ладонь с моей руки.

А я смотрела на свою руку и чувствовала, как ей стало холодно без его крепкого, но ненавязчивого пожатия. И как тепло может быть вдвоем. И как надо будет отдавать кредит и опять работать, работать, работать...

Я вчиталась в надпись на бейджике на нагрудном кармашке форменной рубашки моего собеседника, улыбнулась Виктору и сказала:

– Официант, будьте любезны – проводите меня домой. Если, конечно, это заведение предоставляет такие услуги...

Выписки: подражание М. Л. Гаспарову

«Щенок носился кругами, теплый, меховой, снова счастливый: разом и от свободы, и от несвободы – он знал, что он мой. В любом из нас всю жизнь борются жажда свободы и жажда быть чьим-то. Я не раз поступался свободой ради того, чтобы быть нужным, но надежда *принадлежать* в основном оказывалась тщетной».

Дженет Уинтерсон. Щенок на сутки. «Иностранная литература», 2001, № 11, стр. 7.

Юрий Фадеев

Боже, царя храни

Во втором выпуске «Парка Белинского» были опубликованы фрагменты романа Юрия Фадеева «Боже, царя храни», написанного в жанре альтернативной истории. Последний российский император Николай Второй представлен в романе как царь-реформатор.

В третьем выпуске «ПБ» знакомит вас с главами романа, в которых описана встреча царя с лидером русских революционеров Владимиром Ульяновым-Лениным.

Глава четвёртая

Шпионские страсти

1

– Пора, ваше величество, встретиться с Лениным.

– Вы полагаете, Владимир Николаевич? – царь был разочарован встречей с Плехановым. Может, и гениальный учёный, марксистам лучше знать, но путь, который он указывал в своих трудах, был неприемлем для России. И царь несколько охладел к встречам с лидерами крупнейших партий.

– Да, пора, – настаивал полковник.

– Ну что ж. И как это можно устроить?

– А вы напишете ему письмо.

Юрий Фадеев, 63 года, прозаик, поэт, литературный критик, журналист, автор цикла неопубликованных романов о начале христианства и книги стихов «Беседы с ветром». Пишет книги по корпоративной истории и статьи для «Улицы Московской».

– Я?

– А почему бы и нет? Плеханову вы написали.

– Действительно. Так и напишу: Господин Ульянов, я хотел бы поговорить с вами о судьбах России.

– Замечательно, государь. Коротко и ясно.

– Вы полагаете?

Царь обмакнул перо в чернила и, подумав немного, написал письмо аккуратным разборчивым почерком.

2

Париж. Улица Мари-Роз, дом 4.

На третьем этаже скромная двухкомнатная квартира. Здесь с 1909 года проживает товарищ Ленин с женой Надеждой Константиновной и тещей.

В одной комнате разместился сам Владимир Ильич с женой, для чего комната делилась на рабочий кабинет и спальный уголок. Во второй комнате обосновалась теща.

Звонок с улицы прозвучал уверенно, потому пожилая консьержка поспешила на зов. На пороге стоял важный господин, такие посетители никогда ещё не приходили в этот дом на окраине.

– К господину Ульянову, он дома?

– Да, на третьем этаже, – ответила консьержка, ворча, и, если перевести её французскую речь на язык родных осин, получилось бы такое: и шляются, и шляются, всякой твари по паре, спасу нет. И всё к этому Ленину.

Важный господин поднимался, важно стуча по ступеням тростью. Заинтригованная консьержка слышала, как прозвенел звонок в квартире. Но дальше она ничего не поняла, поскольку говорили по-русски.

3

– Господин Ульянов?

– Да, а вы, собственно, по какому вопросу... – Ульянов хотел по привычке добавить «товарищ», но одним своим видом господин свидетельствовал о принадлежности к охранке.

Прибывший коротко и официально сказал:

– Вам письмо, господин Ульянов. Желательно получить ответ немедленно. Можно в устной форме.

Саркастически улыбаясь, Ленин вскрыл конверт. На листе простой бумаги было написано:

Милостивый государь Владимир Ильич!

Государственная необходимость настоятельно требует встречи с Вами. Прошу Вас незамедлительно приехать в Москву. Проезд до Москвы и обратно будет оплачен по первому Вашему требованию. О прибытии сообщите телеграммой.

Заранее благодарен.

Уважающий Вас Николай.

Прочитав, Ленин демонстративно порвал листок на четыре части и бросил в лицо посланцу.

– Передайте вашему хозяину: я никуда не еду. И говорить мне с господином Романовым не о чем.

– Я понял. Честь имею.

Посыльный повернулся и покинул квартиру.

4

Этим же вечером заведующий иностранным бюро Департамента полиции в Париже Александр Александрович Красильников читал запись приватной беседы двух революционных супругов.

– Надюша, ты только представь: Николай Кровавый предлагает мне поговорить с ним о судьбах России. Какая наглость! Какое коварство! Думает, нам есть о чем говорить. Это непостижимо! Для любого разумного человека, повторяю, это просто непостижимо. Он

думает, что я совсем глуп и поверю в его искренность? Да это ловушка! Примитивная ловушка.

– Да, Володя, я тоже так думаю. И ты никуда не поедешь.

– Вот именно – никуда. Архиправильная мысль. Никуда».

– А вот тут вы ошибаетесь, господин Ульянов, – ласково сказал Александр Алексеевич, поджигая листок с записью беседы и задумчиво глядя, как в пепельнице обугливается и съёживается бумага. – Архиошибаетесь, господин Ульянов.

И рассмеялся: источник сведений был надёжный. О нём знал только сам заведующий иностранным бюро, и больше никто во всём мире.

5

Ленин в котелке, в узком пальто с бархатным воротником, невысокий, ничем не выделяющийся в толпе, с виду простой коммивояжёр, каких в Париже тьма тьмуца, шёл по бульвару прогулочным шагом.

Зима в Париже – это не зима в Москве.

На душе было приятно, поскольку в глубине души все-таки льстило, что император собственноручно написал ему письмо. В том, что письмо написано собственной рукой его императорского величества, Ленин не сомневался.

– Владимир Ильич? – господин, шедший навстречу, приподнял котелок. Это был Овший Моисеевич Нахамкис, еврей из Одессы, хотя больше походил на какого-нибудь грузчика. В партийной школе в Лонжюмо весной и летом этого уже уходящего года он читал лекции для большевиков из России.

– Здравствуйте, Юрий Михайлович.

Ни для кого не было секретом, что Овший Моисее-

вич подавал прошение императору, чтобы сменить фамилию Нахамкис на Стеклова. Император в прошении отказал, тем не менее Овший представлялся как Юрий Михайлович Стеклов.

Двум марксистам всегда есть о чём поговорить, особенно если один марксист получил личное письмо императора, а второй марксист имел счастливую особенность всегда быть в курсе всех дел, происходящих среди эмигрантов из России вне зависимости от их партийной принадлежности. Так, разговаривая о насущных проблемах, они свернули один раз, свернули второй и на пустынной улице незаметно поравнялись с чёрным автомобилем, стоявшим у обочины.

Дальше всё было как в дешёвых книжках о похождениях американского сыщика Ната Пинкертона.

Дверцы автомобиля распахнулись, сильные руки в мгновение ока втянули товарища Ленина внутрь. На лицо тут же легла тряпка с хлороформом. Ленин судорожно вдохнул, но возмутиться не успел, погружаясь в глубокий искусственный сон.

– До свидания, товарищ Ленин, – сказал Нахамкис по-русски и помахал вслед отъезжающему автомобилю. – Счастливо провести выходные.

Русская полиция всегда, когда хотела, работала отлично. Иванов со своей безымянной структурой тоже сделал ставку на профессионалов. Так что в Гавр прибыли без происшествий. Скучная, в общем, оказалась поездка. Только в Верноне, как раз на середине дороги от Парижа до Гавра, чёрный автомобиль поменяли на красный.

В Гавре старый зачуханный пароход, перевозивший дешёвые кожи из дикой России в цивилизованную Европу, чтобы здесь пошили модные штиблеты и потом дорого продали их в Россию, ожидал отправления в

соответствии с расписанием. Когда невысокого плотно-го боцмана, едва передвигавшего ноги, до такой степени был пьян, волоком доставили на борт, пароход раз-разился прощальным гудком и вышел в море. К тому времени, когда боцман очухался, корабль на полных парах шёл в Кронштадт.

6

Капитан парохода, ссутулив плечи, обтянутые сви-тером, глядел на стакан. Душа просила горячительно-го, например, чаю с ромом. Но двигаться не хотелось, все силы ушли на ожидание пьяного боцмана, потом на то, чтобы выйти в море. А теперь обуяла исключи-тельно приятная лень. И капитан со вкусом оттягивал неизбежный момент, когда надо встать, налить в ста-кан обжигающе крепкого чаю, затем быстро выплес-нуть в иллюминатор и заполнить горячий стакан ро-мом.

Во рту копилась слюна.

Но тут распахнулась дверь, в каюту ввалился мат-рос, приставленный к боцману.

– Иван Христофорыч, пассажир объявил голодов-ку.

– Не хочет, пусть не ест, – буркнул капитан, пред-варительно сглотнув слюну.

– Он требует капитана.

– А я ему – нянька? С ложечки буду кормить?

Но инструкции были чёткие: пассажира доставить в целости и сохранности, по возможности, не чиня наси-лия. Потому, преодолев лень, капитан встал, как мед-ведь – и ростом, и статью – надвинул фуражку и по-шёл к пассажиру.

– И что вы удумали, господин хороший? – спросил Иван Христофорович, остановившись в дверях каюты и приваливаясь к косяку.

– Я требую, чтобы меня вернули назад, – официально, упрямо набычив голову, заявил пассажир.

– Господин хороший, я вас очень понимаю. Но у меня приказ, и я вынужден подчиняться. Пока у меня нет другого приказа, я вернуться не могу.

– Сообщите вашим хозяевам, – Ленин задрал подбородок.

– Незамедлительно, – согласился капитан. – Однако примите во внимание, что сейчас ночь.

– Это ничего не меняет, – упрямылся Ленин.

– Очень даже меняет. Я посылаю радио. Дежурный радист принимает. И докладывает дежурному офицеру. Но дежурный офицер совершенно не в курсе событий. Так?

– Предположим. Меня это не касается, – Ленин взглянул на капитана, воплощение невозмутимости и лени. Вот и все они – великороссы – такие: ленивые, невозмутимые, и в своей невозмутимости покорные к любой несправедливости.

– Меня, между прочим, тоже не касается, – заявил капитан, пожимая одним плечом, другим он всё так же опирался о косяк. – Мне приказано доставить груз. Я его доставлю. О его сохранности меня не предупреждали, – капитан лукавил с непроницаемым лицом.

Ленин вскинул голову. Быть просто грузом, к тому же грузом, о сохранности которого не заботятся, оказалось непривычно. И архинеприятно.

А капитан продолжал:

– Значит, дежурный офицер будет ждать утра, потом доложит начальству. Пока начальство свяжется с теми людьми, которые приказали мне доставить груз, пройдет день. Это в лучшем случае.

– А в худшем? – Ленин заинтересовался.

– Думаю, дня два или даже три. За это время мы

прибудем в Кронштадт. И вам легче будет поговорить напрямую с людьми, которые приказали вас доставить. А пока голодать глупо.

– Вы полагаете? – Ленин вопросительно приподнял бровь.

– Я это знаю. И знаю, что бывают обстоятельства, когда надо им подчиняться.

– Вы полагаете? – иронично переспросил Ленин.

– Я это знаю, – повторил капитан. – Вот, предположим, шторм. А я хочу напиться до полной невменяемости. Как свободный человек, я могу это сделать. Но в этом случае я вместе с судном пойду на дно. Я это осознаю всей шкурой. Поэтому я не пью, а иду на мостик и мокну, как цуцик, пока шторм не кончится. И делаю всё, чтобы не потонуть вместе с судном. Вот это в моём понимании и есть настоящая свобода.

– Как вы сказали – осознаю, это и есть свобода? Любопытно, батенька, очень любопытно. Значит, свобода – это осознанная необходимость? И, как вы полагаете, что мне теперь делать?

Ленин вдруг повеселел, вскочил с табурета и встал в излюбленную позу – большие пальцы за жилетку, локти встопорщены – петух, готовый к бою.

– Выпить чаю, – сказал капитан. И сглотнул слюну.

– Как вас изволите величать?

– Иван Христофорович.

Ленин залился весёлым смехом. Этот великан ему нравился: Иван, к тому же Христофорович, словно прямой потомок Колумба.

– А баранки у вас, Иван Христофорович, есть?

– Помилуйте, какой же чай без баранок?

– Вот тут я с вами, батенька, согласен принципиально: чай без баранок – это не чай. Будем пить чай.

Глава пятая

Дежа вю

1

Вошедший был невысокого роста, плотного телосложения. Царь поднялся навстречу.

– Здравствуйте, господин Ульянов.

А сам цепким взглядом разглядывал: костюм не первой свежести, обшлага уже обтрепались, но тщательно отутюженный.

Впрочем, это ещё ни о чём не говорило. Его венценосный папаша Александр III ходил в одних и тех же штанах до тех пор, пока они не начинали просвечивать, являя миру царственные подштанники на царственной же заднице. А бедным человеком его назвать никак нельзя. Просто есть люди, которые лучше себя чувствуют в старой одежде, а к новой привыкают долго. До тех пор, пока не станет старой. И тогда они начинают любить её, и она больше не мешает. Да что там батюшка, и сам Николай II носил сапоги с заплатыми.

Но господин Ульянов производил приятное впечатление, несмотря на свой нелепый галстук и настороженность. Глаза – пронизательные. Высокий лоб, впрочем, может потому, что лысина увеличивает пространство, свободное от волос, и делает лоб зрительно больше. От господина исходят энергия и внутренняя убежденность, а ум прямо-таки пылает в глазах.

Опасный человек, подумал Николай.

А вот Ленин ничего нового не желал видеть. Николай Кровавый – и всё.

2

Впрочем, он тоже с несколько ироничным интересом оглядел не очень большое и спартански обставлен-

ное помещение, которое служило императору кабинетом в Кремле.

В центре – стол с письменными принадлежностями, зелёной лампой и двумя простыми чёрными телефонами. Большая рамка с фотографией дочерей. Возле стола – этажерка-вертушка с книгами. В простенках – книжные шкафы.

Большая пальма в квадратной кадке – слева от стола.

Близко от письменного стола – кафельная стенка печки с белыми квадратами плиток, центрального отопления в Кремле не было.

За столом – обыкновенное деревянное кресло с плетеным сиденьем. Перед столом – еще один небольшой столик, покрытый зеленым сукном. А по бокам – два мягких кожаных кресла, для посетителей.

У стены – большой кожаный диван.

На столе – пепельница, набитая окурками. Форточка открыта, чтобы вытягивало дым.

Впрочем, Ленин, с интересом оглядывая простой и не очень просторный кабинет, испытывал странное ощущение дежа вю. Если бы он стал во главе империи, то он тоже устроился бы просто, без излишеств. Карта страны – это обязательно. Телефоны, справочная литература. Даже подбор книг, а Ленин быстро пробежал глазами по корешкам, как ни странно, был почти такой же, какой бы потребовался и ему: статистические справочники, Карл Маркс «Капитал», труды экономистов. Вот только пепельница на столе явно указывала, что хозяином кабинета был всё-таки другой человек.

И ещё огромный пушистый ковер на полу почему-то раздражал. Ковёр в своём кабинете Ленин стелить бы не стал. Икону вешать тоже. Религия, как известно, – опиум народа.

– Извините за несколько необычное приглашение, – кажется, самодержец смутился, но сразу же преодолел слабость. – Впрочем, вы сами виноваты. Дела империи требуют... да что там требуют – вопиют. А посоветоваться, откровенно говоря, не с кем.

Они стояли друг против друга. Оба невысокие, оба с бородой, только у Николая борода больше и гуще, да и на голове волос больше, а Ульянов прогрессивно лысел.

Впрочем, у Ленина с Николаем была ещё одна общая черта – в детстве они оба любили мучить кошек.

За обоими стояла немалая сила: за одним – прошлое, традиции, за другим – будущее. За одним – вековой уклад, за другим – надежды на лучшее.

Причем этот другой был полон энергии. Сила рвалась из него, заражая окружающих. Он был прирожденный лидер. И мог настоять на своем. Он мог совершать ошибки, но удивительным образом эти ошибки становились его победой.

Вот этой всё сокрушающей силы, этой уверенности не хватало Николаю. И сейчас, в присутствии Ленина, он явно это ощутил.

Ленин был хорошим экономистом. Его выводы, всегда парадоксальные, тем не менее основывались на всестороннем анализе фактов. И он мог принимать неожиданные решения, которые оказывались наиболее верными.

Хорошо бы привлечь его на свою сторону.

Мешало одно обстоятельство, и Николай понял это интуитивно: Ленин ни с кем не мог поделиться властью. К сожалению, этот господин не привык оставаться на вторых ролях. Его слово должно оставаться последним и решающим. И если будет сотрудничать, то только до тех пор, пока ему выгодно.

Впрочем, у Николая тоже имелись свои преимущества: привычка к дисциплине, работоспособность, аналитический ум.

Возможно, в эти минуты решалась судьба империи.

4

– Садитесь, господин Ульянов. Разговор, надеюсь, будет долгий. И взаимно полезный, – Николай указал на кресло, сам прошел за стол и сел.

Неплохо бы им поговорить, как водится у русских, за водочкой. Но Николай пил мало, а Ленин вообще пил только красное вино и пиво. А за красным вином разве может состояться откровенный разговор?

К тому же мешало не столько различие в общественном положении, сколько то, что оба они числились русскими исключительно по бумагам, да ещё по вероисповеданию. У одного преобладала немецкая кровь, у другого вообще было намешано столько, что его национальная принадлежность определялась с трудом. Хотя для обоих русский язык был родным.

– Вы полагаете, что нам есть о чём говорить? – спросил Ленин напористо.

– Полагаю, да. Я прочитал некоторые ваши книги. Но я не убеждён, что путь, который выбрали вы и ваши соратники, единственно правильный.

– У вас есть альтернатива?

– Да. Реформы.

Ленин саркастически усмехнулся:

– Поздно спохватились, ваше величество. Гангрена расползлась, захватив весь аппарат власти. Больному припарки не помогут, только радикальные средства.

– Революция?

– Вот именно. Народ, знаете ли, устал жить по-старому, а верхи не могут управлять по-новому. Наши тре-

бования просты: фабрики и заводы – рабочим, земля – крестьянам, власть – Советам.

– Звучит красиво. И вы на самом деле думаете, что рабочие, собравшись вместе, сделают лучше, чем один специалист?

– Специалисты будут работать под контролем рабочих.

Царь едва приметно усмехнулся в усы:

– Значит, один умный будет работать, а сотня дураков будет его учить, что делать?

– Мы выучим своих специалистов, они будут плоть от плоти рабочего класса и крестьянства. И они будут до последней капли крови защищать интересы трудового народа.

– Звучит красиво, – повторил царь и потянулся за папиросой, но, заметив, как поморщился собеседник, отодвинул папиросы подальше. – И вы искренне в это верите?

– А вы сомневаетесь? Если кто-то будет уклоняться, партия поправит.

Царь вновь с сожалением взглянул на папиросы. Вытащить, размять, ощущая, как хрустит табак под пальцами, как его аромат щекочет ноздри, поднести спичку, вдохнуть дым, а в это время обуздать мысли, которые вдруг понеслись по наезженной колее.

Не всегда представители народа, выбившись наверх, свято блюдут интересы этого народа. Иногда они становятся очень убеждёнными палачами. И партия, провозгласившая лозунги братства, равенства и любви, очень быстро забывает о них, когда во имя лозунгов надо отказаться от удобной и обеспеченной жизни. Впрочем, говорить об этом – напрасно тратить время, господин Ульянов свято уверен в своей правоте.

– Значит, революция? – переспросил царь, меняя тему. – Но революция не обойдется без крови.

– Да, кровь будет. Эксплуататоры не захотят добровольно расстаться с богатствами, которые захватили.

– То есть будет гражданская война?

– Мы к ней готовы.

– А вас не пугает, что будет разрушено многое, что достойно сохранения?

– Почему нас это должно пугать? Поймите, рабочие и крестьяне – такие же люди. Это не рабочий скот, впрочем, и со скотом нельзя так обращаться.

– Тут вы, пожалуй, правы, – кивнул царь. – Со скотиной мы обращаемся не в пример гуманней. И как вы обуздаете эту стихию, когда брат пойдёт на брата?

– Мы готовы пойти на революционный террор.

– Но он может оказаться неуправляемым. Начнется война всех против всех. Россия просто погибнет как государство.

– Россия заслуживает такой участи. Главное, чтобы во всем мире начался революционный пожар.

– Вандея, – произнёс тихо царь. – Во всемирном масштабе.

– Новое всегда рождается в крови, ваше величество. Мы не боимся крови ради рождения нового общества.

– Вы, как я понимаю, пойдёте к цели напролом, не страшась хаоса и жертв.

– Но ведь и вы, защищая свои цели, патронов не жалеете.

– Мы защищаем порядок.

– Порядок, удобный вам, когда можно блистать, ничего не делая, паразитируя на крови простого народа.

Николай застыл лицом. Так с ним ещё никто никогда не разговаривал. А впрочем, и некому было так разговаривать.

А он, боится ли крови он сам? Николай поднялся из-за стола, жестом показал господину Ульянову – сидите, прошёлся по кабинету. Пожалуй, и он не боялся крови. Достаточно вспомнить события на Ходынке во время коронации. Или Кровавое воскресенье, с которым так и не наступила полная и окончательная ясность. То ли это глупость, то ли хорошо организованная провокация жандармов. Впрочем, самодержец полностью отвечает за глупость своих подданных. Особенно за глупость тех, кто исполняет его приказы.

5

На Москву опускались зимние сумраки, окна синели, наливаясь темнотой. От кафеля печки струилось тепло, настольная лампа под зелёным абажуром светила уютно, и казалось, что беседуют единомышленники.

Но это было обманчивое впечатление.

– Итак, реформы вы отвергаете, – сказал царь, то ли спрашивая, то ли утверждая.

– Вот вы, ваше величество, – Ленин произнёс с лёгкой иронией, которую царь, как человек воспитанный, не заметил, – строите церкви и соборы. А надо строить заводы.

– Вы правы, – тут же согласился Николай. – Давайте строить их вместе.

– Они должны принадлежать рабочим.

– В дальнейшем они и перейдут рабочим. Но сейчас слишком мало времени – скоро война.

– Раньше надо было думать, – мстительно сказал Ленин.

– И снова вы правы. Но помогите сейчас родине.

– У пролетариата нет родины, – подходящей цитатой из марксизма срезал Николая Ленин.

– У всякого человека есть родина. Есть то, что выше

его принадлежности к определенному социальному слою.

– Но не у пролетариата.

– Пролетарии всех стран, соединяйтесь? – теперь царь подпустил иронии.

– Именно.

– И когда они, по-вашему, соединятся?

– В самое ближайшее время.

– Сомневаюсь. Да, очень сомневаюсь.

– В вас говорит ваша сословная ограниченность.

Николай блеснул глазами. Спор его развеселил.

– А вы знаете, какие настроения преобладают в Германии? Да, в той самой Германии, на чью поддержку в пролетарской революции вы рассчитываете. Что говорят ваши друзья немецкие социалисты о пангерманизме?

– Эта риторика не имеет никакого отношения к рабочему классу, – сказал Ленин, как отрезал.

– Возможно, – слегка усмехнулся император. – Но согласитесь, что сама идея о превосходстве германской нации над всеми остальными народами заразительна. Германская нация – самая образованная, самая дисциплинированная, самая деловая. И потому в самый короткий срок смогла достичь впечатляющих успехов в экономике. И, значит, ей принадлежит ведущая роль в мире. Ваш любимый Гегель доказал, что главная роль в мировом прогрессе принадлежит германцам. Существуют планы создания Великой Германии от Северного и Балтийского морей до Персидского залива и Красного моря. Это район приложения немецких экономических сил. – Царь снял книгу с полки. – Фон Бернгарди «Германия и следующая война». Рекомендую для ознакомления. Впечатление, что писал больной человек, но он возглавляет военно-исторический отдел

германского Генштаба. И, значит, книга одобрена на самом высоком уровне. Судя по тиражам, самим кайзером. Позвольте процитировать, – царь открыл книгу на одной из закладок – «...требуется раздел мирового владычества с Англией. С Францией необходима война не на жизнь, а на смерть, которая уничтожила бы навсегда роль Франции как великой державы и привела бы её к окончательному падению. Но главное наше внимание должно быть обращено на борьбу со славянством, этим нашим историческим врагом».

Кстати, ваш учитель Маркс тоже не любил славян. И самое главное, эти идеи преподают в школе. Сколько среди учащихся рабочих, вы не знаете?

– Повторяю: никакого отношения к рабочему классу это не имеет.

– Возможно, – опять не стал возражать император. – Но мировая революция то ли будет, то ли нет, то ли завтра, то ли через сто или двести лет. А тут взял винтовку и под руководством кайзера завоевал себе поместье со славянскими рабами, кофе по утрам и пиво по вечерам. Много пролетариев устоит против такого соблазна?

– Немного, – вынужден был признать Ленин. – Но самые стойкие продолжат борьбу.

– Те, кому не достались славянские рабы и пиво?

– Самые убеждённые.

– Не думаю. Они вспомнят о пролетарском интернационализме только тогда, когда мы основательно набьём им морду. А для этого нам сейчас как никогда нужно единство нации. А вы сеете семена раздора.

– А вы?

– И мы. Давайте работать вместе.

– Не получится.

– И вас не смущает, что ваши товарищи по социа-

лизму Бебель и Либкнехт призывают встать на защиту европейской цивилизации от разложения её примитивной Россией? Вам не жаль соотечественников, которых будут убивать просвещённые европейцы?

Такого Ленин не ожидал. Неожиданно он столкнулся с прекрасным полемистом, гибким и разбирающимся в том, что говорит. И ещё одну особенность подметил товарищ Ленин, подметил с некоторым удивлением: Николай не производил впечатления нерешительного человека. Напротив, уверенность проступала во всём: в том, как он держал голову, как двигался, как внимательно приглядывался – этот Николай в отличие от Николая прежнего знал, что делает, и знал, для чего это делает.

– Так что напрасно вы уповаете на революцию, Владимир Ильич. Вы разбудите такую стихию, что вам придётся затем употребить такую жестокость, после которой все мои репрессии, как вы говорите, покажутся детским лепетом.

– Революций без жестокости не бывает. И жестокость эта будет необходимостью защитить революцию. Революция гроша ломаного не стоит, если она не умеет защищаться.

– А люди? Вам не жалко людей?

– Вы проповедуете абстрактный гуманизм. А то, что сейчас ежедневно, да что ежедневно – ежечасно, кто-то умирает от голода, вас не волнует.

– А вы каждому дадите кусок хлеба?

– Он заработает это свободным трудом, без эксплуатации. И не только кусок хлеба, но и масла. В конечном счёте правда всегда за народом.

– Об этом я не думал, – честно признался Николай.
– Мне кажется, – помолчав и поразмыслив, сказал с внутренней усмешкой, – правда народу и не очень нуж-

на. Павел был великий государь, но ему не повезло – правил слишком мало, а противников было слишком много... И какое дело народу до Павла?

– Если бы Павел, как вы говорите, был великий, он победил бы своих противников. У него были замечательные планы, но ему не хватало решимости растоптать противников.

– Ах, вот как...

Несмотря на картавость, низенький рост, в Ленине чувствовалась убежденность. Он был умный, волевой, целеустремленный. И в нем присутствовала та сила, которой не хватало Николаю. Но иметь сильное государство, уверенно идущее по пути реформ и с каждым днем улучшающее благосостояние своих граждан, Ленину, пожалуй, сейчас не нужно.

Только во время смуты он сможет стать выдающейся фигурой.

Царь чувствовал, что проигрывает спор, и проигрывает не потому, что не прав, а просто нет у него такой гибкой психики, нет такого умения – сразу находить неотразимые доводы. Или по виду неотразимые, чтобы поставить противника в тупик, завладеть инициативой, пока он соображает, как правильно ответить, обрушить на него град новых доводов, а в итоге навязать ему свою волю.

Это нужно уметь. Или, вернее, родиться с таким умением.

Но одни бывают всегда правы в споре. Другие – в деле. И второе важней.

И царь резко оборвал спор.

Однако что-то смущало Николая. Ему по-прежнему был интересен этот господин. Интересен и опасен. И с ним следовало разобраться основательно, не в одной официальной беседе. Возможно, с Ульяновым его

разговор и закончился. Но с Лениным он явно не договорил.

– Я чувствую, мы не договоримся. Жаль, – сказал он.

Собеседник слегка улыбнулся раскосыми глазами. Вот и царя он победил своей неукротимой логикой. Тому и возразить нечего.

– Скажите, господин Ульянов, как охота во Франции? – вопрос был с подвохом.

– Какая охота может быть во Франции? – удивился Ленин.

– А если я приглашу вас завтра побродить с ружьишком, вы не сочтёте это насилием над вашей личностью?

Знал, искуситель, чем соблазнить. От охоты Ленин отказаться не смог. По морозцу да за зайцами. Милое дело.

Как только за Лениным закрылась дверь, царь тут же потянулся к папиросам.

Глава шестая

Всеподданнейший доклад

1

Ленин вышел из кабинета в задумчивости. Его тут же подхватил полковник с флигель-адъютантским вензелем на погонах.

– Разрешите вас сопровождать, Владимир Ильич. Меня зовут Владимир Николаевич, мы с вами, оказывается, тёзки. Время позднее, не пожелаете в ресторан – поужинать?

– А нет ли чего домашнего? – спросил Ленин, щурясь на полковника, явно из тех, кто ради чинов всегда готов услужить.

– Соскучились в Париже по русской кухне?

– Архиверно мыслите, господин полковник.

– Я распоряжусь.

Ужин подали скоро: селёдка с лучком, картошечка с вологодским маслом, пироги, грибы, огурчики, заливное, мясо, водка в графинчике.

– Тепло у вас здесь, уютно, хочется расслабиться и сибаритствовать. Беспечно живёте, – заметил вождь пролетариата.

– Так ведь на то и Русь-матушка, – согласился полковник, разливая водку. – Я слышал, что вы не пьёте, Владимир Ильич, но грех не уважить русскую трапезу.

– Вы полагаете?

– И не сомневайтесь, – и подумал: а вот насчёт безопасности вы несколько ошибаетесь, господин Ульянов, вихри враждебные так и веют, так и веют над нами. И рады бы пребывать в барском благодушии, а время вышло. Но не сказал.

После ужина полковник предложил прогуляться.

Ленин, подумав, согласился. Нельзя упускать возможности побывать в самом сердце империи. Тем более он пока не мог понять, чего добивался Николай, сменив Санкт-Петербург с его великолепным Зимним дворцом, а в том, что дворец великолепен, Ленин не сомневался ни минуты, на Москву, на древний и далеко не блистающий Кремль.

Видимо, здесь крылся какой-то замысел, как, впрочем, и в том, что Николай вызвал для беседы сначала Плеханова, а потом и его.

И во время экскурсии Ленин надеялся, подспудно, конечно, не формулируя задачи, как многое из того, что мы делаем, следуя скорее неясным побуждениям, чем осознанным решениям, узнать кое-что полезное для борьбы с царизмом. В самом его сердце, так сказать, Кремль действительно был и остаётся сердцем Москвы,

а Москва... Как много в этом звуке для сердца русского... Ну, и так далее, хотя, пролетариат отряхнёт этот самодержавный хлам со своих ног. И с мозгов тоже.

Морозный воздух бодрил. Скрипел снежок под ногами. Сияли звёзды в просторной выси. И не было им никакого дела до амбиций невысокого плотного господина, озиравшего цитадель царизма.

А Кремль, тесно застроенный, в бесконечных переулочках, с нелепыми зданиями, прилепившимися к старинным постройкам, впечатления не производил. Не впечатлял. Ленин то и дело отмечал, что вот это бревно он обязательно бы оттащил куда-нибудь подальше, эту нелепую пристройку снёс к чёртовой бабушке.

В конце концов, таким же нелепым зданием представлялась ему вся Российская империя. Вместе с полковником, которого Владимир Ульянов-Ленин не оценил. Впрочем, полковник был не в обиде.

Глава седьмая

Царские Горки

1

Подмосковье замели вьюги, снега лежали глубокие.

Въезжали в Горки – солнце уже поднялось. День стоял бирюзовый и ясный, с лёгким морозцем. Лучи играли на снегу разноцветными искрами. Лес замер, словно выкованный из серебра искусным художником, а небо высилось голубое и бесконечное. Красота неописуемая. И всё-таки ехать в автомобиле было не совсем то, что надо. По этому снегу, пушистому, предновогоднему, надо на санках, чтобы снежная пыль из-под копыт летела в лицо, чтобы морозец будоражил кровь.

Ленин смотрел на заснеженную берёзу, розово светящуюся в лучах солнца, а вокруг невесомой блистающей пылью танцевали мельчайшие иголки инея.

И вдруг нахлынула неизвестно откуда – из тайных уголков души – пронзительная боль. Ленин отвернулся. Расчувствовался не ко времени.

Навстречу царскому автомобилю попались розвальни. Мужик свернул в сторону, лошадь, проваливаясь по брюхо, потянула сани с наезженной дороги. Автомобиль проехал, взвывая маленькую вьюгу из-под колёс. За ним скакали черкесы, хищно щерясь на мужика. А тот, проваливаясь чуть не по пояс, тянул лошадь за узду опять на дорогу.

Вот о судьбе этого мужика и надо думать, а не о красоте природы.

Ленин затвердел скулами.

2

Имение называлось Горки.

Дом с открытыми балконами и верандами, с большими окнами, пропускавшими много света, украшен шестиколонным портиком, склон перед ним превращён в красивый партер. Широкая лестница вела в сторону парадного двора. По бокам лестницы стояли римские вазы в боярских шапках русского снега.

В обширном парке – пруды, беседки, гроты, мостики. Парковая аллея круто спускалась к пруду, откуда открывался прекрасный вид на деревню. Парк разделён на верхний, регулярный, и нижний, пейзажный. Он находится прямо на берегу реки и Большого пруда. Малый пруд живописно украшен гротом и двумя беседками-ротондами.

Справа и слева от дома – двухэтажные флигели с балконами на втором этаже. В самом доме на первом этаже – телефонная, зимний сад, вестибюль. На второй этаж ведёт лестница, там рабочий кабинет, спальня и столовая.

Уютное место. Ленин и сам с удовольствием отдыхал бы здесь, если бы стал правителем земли русской.

3

– Выбирайте.

Царь широким жестом показал на застеклённый шкаф, где стояло с десяток ружей. Ленин распахнул дверцы и замер в восхищении. Благородные ложа орехового дерева, покрытые инкрустациями и лаком, покоились на красном сукне.

О таких ружьях он только слышал, но не то что держать в руках, даже видеть не приходилось. И дело тут не в богатой отделке стволов и лож, хотя, конечно, и в ней, а в том, как стреляли эти ружья. Из уст в уста охотники передавали легенды о прославленных стволах Николая Гонно с Мойки, 36, Нагеля и Менца из Баден-Бадена, бельгийской фирмы Лебо-Коралли, французского оружейника Режи Дари. Но всех их превосходили ружья Пёрде из лондонской фирмы. А здесь было целых два Пёрде – 12 и 16 калибра.

Ленин, проведя ладонью по изящным линиям ложи, прикладывал ружьё к плечу. Оно незамедлительно становилось продолжением рук, глаз, всего существа истинного охотника. Затем вздохнул, спросил:

– А берданки не найдётся?

– Вас не устраивают мои ружья? – удивился царь.

– Вполне устраивают, но лучше идти с тем, к которому привык и чьи особенности известны.

Принесли берданку.

4

Заячьи следы разбегались прямо от дома. Охотники были со сноровкой, следы различали. Тем не менее, поехали на розвальнях в лес, а там егеря уже приметили место, где непременно будут зайцы.

От опушки пошли пешком, с взведёнными курками. Ленин в тулупчике с царского плеча, в валенках, парижское пальто и ботиночки к подмосковной зиме не приспособлены.

Была отличная пороша, снег выпадал почти каждый день, хотя охота по пороше не так добычлива, как в октябре. В октябре беляки заметны издали, осенью опытный охотник в одно поле может убить больше двадцати зайцев. Но и в зиму пройти с ружьишком по лесу – одно удовольствие. А если заяц пошёл махать перед тобой – тут главное не промазать.

Немного за полдень встретились у розвальней, завалились в сено. Застоявшаяся лошадь взяла рысью.

У Николая было три беляка, у Ленина беляк и русак, причём роскошный. Русаки и так крупнее и жирнее беляков, а этот вообще попался матёрый: грудь и брюхо отдавали в желтизну, а вдоль спины лежал красивый пёстрый ремень из тёмных и желтоватых крапинок.

– А вы неплохо стреляете, – похвалил Ленин.

– Ну что вы, – усмехнулся царь, хотя стрелял хорошо. – Вот Анна Иоанновна стреляла действительно отменно. Говорят, солдатский палаш зарывали эфесом в землю, она стреляла в лезвие, и пуля распадалась на две половинки.

– Ну, это когда было, – тут же возразил Ленин. – Пуля была большая, да и с какой дистанции стреляла Анна Иоанновна, неизвестно – с двух, с трёх шагов?

– Вы полагаете?

– Это же ясно, как белый день.

5

На столе стоял начищенный до золотого блеска самовар. Он уютно пыхтел, выдувая редкие искорки, кото-

рые гасли, не долетая до скатерти. Пахло смолистыми шишками. На конфорке возвышался фарфоровый заварочный чайник, расписанный розами. Милое дело после прогулки по морозцу – самовар. Чай из самовара самый вкусный, в Париже такого днём с огнём не сыщешь. А тут ещё и булочки прямо из печи...

Столовая светилась, как светится морозным днём хорошо убранная комната. Крахмальная скатерть блистала белизной, от неё, казалось, исходил морозный запах, и оттого самовар пофыркивал ещё уютней. Ленин разомлел душой, расслабился. И представил, как хорошо было бы отдохнуть в этом уютном месте. Он даже представил, какой у него был бы здесь кабинет. И где его спальня, а где спальня Надежды Константиновны.

Это просто архинесправедливо, что здесь живёт царь, а не он.

– Вы не обидитесь, Владимир Ильич, если я подарю вам ружье? На память о нашей встрече, о нашем разговоре?

Ленин не успел возразить, как царь уже распахнул оружейный шкаф и достал Лебо-Коралли. Это было штучное ружьё, которое делается исключительно вручную. Так что каждый ствол становился произведением искусства. В одном ружье органично соединялись прочность и элегантность, не говоря уж об исключительно точном бое. Ружье украшали золотая насечка и просто изумительная гравировка. Руки сами приняли восхитительный вес и сжались. Любуясь гравировкой, Ленин увидел серебряную пластинку. Надпись гласила: «Вождю мирового пролетариата от неофита».

Ленин заподозрил издёвку. Но ружьё было великолепное. Царское ружьё.

– Поверьте, от чистого сердца, – царь и сам был растроган.

Из столовой поднялись в кабинет, почему-то разговоры в столовой всегда носят отвлечённый характер, не предполагая действия.

– Мы оба хотим блага России, – сказал царь, прикуривая папиросу у форточки. – Ответьте мне, господин Ульянов, совершенно откровенно: если я назначу вас премьер-министром, что вы будете делать?

– Революцию, ваше величество.

– Благодарю вас.

– За что? – удивился Ленин.

– За честный ответ. И потому я прошу вас покинуть пределы империи и дать распоряжение своим соратникам не предпринимать ничего противоправного в России.

– Я не могу этого обещать.

– Хорошо, – сказал Николай. – Если враг не сдаётся, его уничтожают. С такой формулировкой вы согласны?

– Вы обещали мне неприкосновенность.

– Я говорю не о вас, а о ваших соратниках.

– Вы не сможете уничтожить всех.

– А всех и не надо, – усмехнулся Николай. – Надо уничтожить только революционеров. Остальные граждане будут трудиться на благо империи, неуклонно повышая своё материальное благосостояние и, соответственно, моральный облик. Впрочем, в последнем я сильно сомневаюсь, что богатство приближает к благодати божьей и содействует умягчению нравов.

– Вам это не удастся! Революция глубоко пустила свои корни в России.

– А вот тут, батенька, я могу с вами поспорить, – и царь заодно блеснул глазами.

Ленин впервые забеспокоился.

– Я думаю, государство должно уметь защищаться,
– сказал царь.

– Кровавое государство.

Царь вспыллил.

– Постыдитесь, господин Ульянов! Ваш брат замешан в покушении на государя. В 1905 вы бросили своих безоружных соратников против армии и полиции. Кровь лилась рекой. И после это кровавое месиво вы изволили назвать генеральной репетицией. Вы даже не выразили соболезнования близким тех людей, которые поверили вам и пошли за вами.

– Они знали, что справедливый строй можно установить только кровью, – неуступчиво возразил Ленин.

– Позвольте узнать, если море крови пролилось во время репетиции, сколько же её прольётся во время премьеры?

– Если вы не уйдёте сами, я имею в виду класс эксплуататоров, то крови действительно будет много.

– Вот видите, вы сами говорите – много. Я бы сказал – чудовищно много. – Царь подавил вспышку гнева.

– Да! Мы хотим как лучше, мы хотим построить бесклассовое общество, где исключена эксплуатация человека человеком.

– Напрасно вы на это надеетесь. Я думаю, у вас ничего не получится.

– Что именно?

– А вот это: бесклассовое общество, где исключена эксплуатация. Вы атеист?

– Да, я отвергаю идею бога.

– Но вы посещали уроки закона божьего?

– Как все, милостивый государь.

– Значит, вам знакомо такое имя – Иисус Христос?

Ленин был сбит с толку. Он никак не мог понять логику царя. И потому не мог противопоставить ей контрлогику, более изощренную.

– Вы издеваетесь? – с сарказмом произнес он. – Каждому православному человеку известно это имя. Кстати, еще не доказано, что он существовал на самом деле.

– Ну что вы, помилуйте, батенька, разве я могу издеваться, – усмехнулся царь.

Ленин чуть не подпрыгнул: его любимое словечко, второй раз адресованное ему, не могло быть случайной оговоркой. Значит, они – Ленин обозначил этим безликим словом всех сразу: полицию, жандармерию, царских чиновников – знали о революционерах всё. Знали привычки, даже любимые слова. Значит, в окружении Ленина – одни провокаторы. От этой мысли стало зябко.

– Не будем спорить об историчности личности Христа. Но, если вы помните, Иисус обещал всем, кто уверует в его идеи, царство земное. Но плодами его революционной деятельности воспользовались совсем другие люди, которые действительно обрели царство земное. А беднота, которая шла за Иисусом, в итоге получила только усиление эксплуатации.

– А вы атеист, – с изумлением заметил Ленин.

– Господи, вас, товарищ Ленин, считаешь, не только атеистом станешь, но даже убежденным большевиком. И вот как большевик-ленинец я вам говорю: заберите своих соратников и уезжайте из России. Уезжайте в Лондон. И там отрабатывайте деньги еврейского капитала. В России я вам этого не позволю.

– И каким же это, позвольте узнать, образом?

– Посмотрите сюда, – царь пододвинул фотографию. На Ленина пристально глядели его мать, его брат и се-

стры. – Как только вы появитесь в пределах империи, изображенные здесь люди будут немедленно казнены.

– Это подло!

– Не более подло, чем метать бомбы в государя. Контрреволюцию, господин Ульянов, в белых перчатках не делают. На революционный террор мы ответим контрреволюционным.

8

– Итак, вы едете в Англию.

– И что я буду делать в Англии?

– То же, что и здесь – революцию.

– Но там не моя родина.

– Позвольте, вы говорили, что у пролетариата нет родины, нет отечества. Вот и подтвердите свою теорию на практике. Сделаете революцию культурно, без крови. В России ведь без крови не обойдётся?

– Крови не будет, если вы уйдёте добровольно...

– Предположим, я уйду. А куда денутся люди, которые не уйдут? Их – к стенке?

– Революция должна уметь защищаться.

– Безусловно. Но, как я уже сказал, и государство тоже. Итак, вы поедете в Англию, – повторил царь, – и будете там делать революцию. Если ваше учение верно, это у вас получится. К тому же и страна поменьше. И развита экономически. Ведь для пролетарской революции необходима соответствующая экономическая база, как я понял из объяснений господина Плеханова.

– Он ошибается, – быстро вставил Ленин.

– Вам лучше судить, но мне почему-то теория Плеханова кажется более аргументированной. Итак, революция в Англии. Заодно предоставите свободу колониальным народам. Одна Индия чего стоит. Там тоже установите социализм. Я думаю, жители Англии обрадуются – ведь на них не будут работать задаром бедные

индийские труженики. Жизненный уровень в Англии упадёт. Но вы справитесь. И вообще, приглядитесь к Азии. У них, насколько я понял, в вере больше социализма, чем у католиков. И уж наверняка больше, чем у протестантов.

– Простите, я не понимаю...

– А что тут понимать? Я благословляю вас, господин Ульянов, или товарищ Ленин, как вам больше нравится, на революцию. Но только не в России. Я назвал Англию, но тут вам выбирать. Можно в Германии. Но в Германии вам не удастся, насколько я понимаю. А вот в Англии – другое дело. Впрочем, можете революцию не устраивать, это ваше дело. Но не советую появляться в России или работать против России. Как только мне станет об этом известно, указанные на этом снимке люди будут расстреляны.

– Это не гуманно! – опять воскликнул Ленин, бледнея.

– А что делать? Проявить гуманизм к вам – значит, обрекать на смерть миллионы ни в чём не повинных людей. И вообще, в политике гуманизма не бывает. И альтруизма тоже. Это вы должны знать, Владимир Ильич.

Посиделки закончились.

– А сейчас вы побеседуете с... моими людьми. С ними согласуете план совместных действий: соратники, связь, финансы, прикрытие, необходимая помощь. И остальное, что вам потребуется. Не смею больше задерживать. Да, совсем забыл. Обещаю, когда вы станете главой социалистической Англии и окажетесь в мировой изоляции, я первым признаю ваше правительство. Только прошу – не расстреливайте моего кузена Георга. Хотя, как я понимаю, он против моего расстрела возражать не будет.

Вошел вчерашний полковник, но в гражданской одежде.

– Следуйте за мной, господин Ульянов.

9

Ленина провели во флигель. Здесь находился ещё один полковник, но, в отличие от первого, он был в форме жандарма. Был он словно вырубленный из дуба, основательно русский.

– Присаживайтесь, господин Ульянов. Разговор будет долгий. Прикажете чаю?

– Я не намеген газговагивать с цагскими сатгапами. Я тгебую, чтобы меня немедленно доставили во Фганцию, – прирожденная картавость товарища Ленина усилилась до немыслимых пределов.

Полковники переглянулись и заулыбались.

– Непременно, господин Ульянов. Мы обязательно вернём вас во Францию. И даже на то место, где вы сели в мотор. Но сначала давайте всё-таки поговорим.

Иванов достал из сейфа канцелярскую папку с надписью «ДЪло». Постучал по ней указательным пальцем:

– Здесь структура вашей партии с указанием адресов всех товарищей, входящих в руководящие органы РСДРП(б). А также с указанием некоторых их делишек, о которых рядовым членам партии знать не обязательно. Здесь же указаны источники финансирования вашей партии. Вы продолжаете настаивать, что нам не о чём говорить?

– Пгикажите подать чаю.

– Вот и славно.

10

Разговор с двумя полковниками вымотал Ленин до предела.

Он чувствовал, что неизбежно наступает период апатии, период временного упадка сил. Он уже давно за-

метил, что, как только требуется осмыслить новую ситуацию, он становится не похожим на того пламенного Ленина, которого знают товарищи по партии. Кроме Надюши, конечно. В эти дни Ленин был пустой и вялый. Энергия копилась исподволь, чтобы вновь взметнуться кипучим фонтаном.

Полковники его насторожили. Это не были прежние царские дуболомы, простые, как отче наш. Это были какие-то новые люди, которые делали только им понятное дело.

Только им?

Неверно.

Дело было понятно многим, только возможностей у этих многих имелось немного. В лучшем случае, предаваться мечтам и разговорам за рюмкой водочки с осетриной.

В отличие от них, у полковников возможности имелись. Причём умноженные всей мощью империи. А империя была мощная, это Ленин знал доподлинно, как экономист. Только силы её растрачивались впустую.

И вот возникла новая сила... нет, структура, которая направляла силу, пробуждала её, давала ей цель. Структура, которой неоткуда было взяться, тем не менее, она взялась самым непостижимым образом. И с ней придётся считаться. Вот это и угнетало товарища Ленина, побуждало его впасть в апатию.

Большой автомобиль, прорезая окружающую темноту фарами, треща мотором и взметая за собой снежные вихри, мчался по дороге в Москву. Ленин, сидя на заднем сиденье, привалился к спинке и закрыл глаза.

– Не нужно было приезжать, – подумал вяло. – Я совершил архиглупость. Царь – враг народа, кровавый вешатель и палач.

Но уже понимал, что съездил ненапрасно. Перед ним открыли нечто новое. И опасное для того дела, которое он тащил на себе с юношеских времён.

Очень опасное.

Выписки: подражание М. Л. Гаспарову

«Один и тот же факт, изложенный с двух разных точек зрения, – это уже два различных факта. Свойства любого объекта определяются той точкой зрения, с которой он нам преподносится».

Цветан Тодоров. Поэтика. В сборнике статей: «Структурализм: «за» и «против». М.: Издательство «Прогресс», 1975, стр. 69.

* * *

«Мы можем знать, что было и что есть, но как нам знать, чего не было или чего нет? – Разумеется, и в сфере истории все мелкое, ничтожное, случайное могло б быть и не так, как было; но ее великие события, имеющие влияние на будущность народов, не могут быть иначе, как именно так, как они бывают, разумеется, в отношении к главному их смыслу, а не к подробностям проявления».

В. Г. Белинский. Взгляд на русскую литературу 1846 года. Собрание сочинений в трех томах. М.: Государственное издательство художественной литературы. 1948, Т. 3, стр. 648.

Переписка с авторами и читателями

После выхода второго выпуска «Парка Белинского» на имя учредителя и главного редактора пришли письма от авторов и читателей. Публикуем их.

Михаил Полубояров, историк, краевед, г. Москва:

Прочел первую статью единым дыханием. Замечательная работа! Сейчас так мало пишут о людях, подобных Белинскому. «Мы любим тех, кто в черных масках...» А тут простой чембарский пацан из дурной семьи, если не создавший, то объяснивший, теоретически обосновавший новое, глобальное (на целых полтора столетия) направление отечественного искусства и общественной мысли, вдруг встал вровень, а где-то и выше самых глубоких, элитарных мыслителей России!

Конечно, природный ум, чувственность, бойцовский характер... Но я бы прибавил безотчетную искренность, чего обыкновенно не хватает литературным критикам и публицистам, чье мнение, как правило, совпадает с содержанием манифестов и платформ разных кучкующихся группировок.

Помнится, лет десять или более назад писатель Виктор Астафьев презрительно отозвался о Белинском, устроившим «безобразную комиссарскую проработку» великому Гоголю. Как посмел такой-сякой неистовый!

Пишу об этом потому, что сейчас значение Белинского ИСКУССТВЕННО принижено в России. Потому что надо быть «как все», жить так, как велят владельцы России. А Белинский – не «как все», он сам боль-

шой! И потому статья о феномене Белинского для Вашего «журнала вольнодумства» попала точно в тему!

Прочитал также о Мясникове. Интересный и, на мой взгляд, в целом точный психологический портрет.

Леонид Смирнягин, политгеограф, г. Москва:

С удовольствием сразу прочёл про Белинского. Лукавый, показалось, текст: вроде бы панегирический, нарочито восторженный по словарю, но содержащий как бы попутно множество фактов и замечаний, которые никак не сочтёшь украшающими Белинского (чего стоят, например, его откровения Боткину насчёт женщин, насчёт онанизма – чистый эксгибиционизм).

В том же ключе можно прочесть фрейдистские и остроумные замечания насчёт того, что Бакунины, дескать, своей снисходительностью не просто унижали Белинского (здесь характеристики Бакуниных как людей тончайшей, видите ли, обходительности и благородства звучат иронически), но и стимулировали его к неистовой работе над собой: словно ради того, чтобы доказать этим снобам собственную состоятельность.

Я не согласен с автором, когда он педалирует чувство неполноценности у провинциала, потому что в XIX веке, как мне кажется, контраст между провинциалом и столичной «штучкой» был меньше нынешнего, его заслонял контраст сословный, который был слишком силён, чтобы на его фоне мог что-то решать контраст, так сказать, географический (см. хотя бы авторский пример с Белинским и Бакуниными).

В XIX веке и позже было широко принято считать, что столицы – это в основном не месторождение, а прищип для талантов, которые рождаются именно в провинции, и как раз именно Белинского приводили в пример чаще других (насколько я помню).

Однако эти несогласия с автором лишь частичны,

потому что я подозреваю, что текст его герменевтический, содержит второе и третье днища, а потому вполне вероятно, что он сам-то не верит в комплексы провинциала, а написал про них ради каких-то специальных целей (раздражить читателя, пробудить протест?).

Хорошее выражение в заключение: «состоявшийся триумф». Вполне фрейдистский.

Особое спасибо за статью про Ахиезера. Мы, географы, глубоко его чтим, он много с нами общался, хотя я-то лично побеседовал с ним всего разок (в московском филиале Географического общества).

Владислав Петряев, философ, юрист, поэт (г. Пенза):

Прочитал фрагменты из дневника Георга Мясникова и был просто ошеломлён от вопиющего лицемерия, двуличия, ханжества этого человека! И журнал отнёс этого напыщенно затаённого лжеца к категории вольнодумцев!

О каком «вольнодумстве» может идти речь, когда Мясников был ярким высокопоставленным служакой такой же, как он, двуличной системы, не допуская и цинично подавляя всякое стремление разобраться в острейших проблемах того времени.

Этот дневник живо напомнил мне о встрече с Мясниковым, если не изменяет память, где-то в конце 1981 года или начале 1982 года, когда меня исключили из КПСС с формулировкой «за непартийную оценку некоторых сторон общественной жизни».

Пройдя сквозь разбирательства и издевательства над моими взглядами на бесконечных парткомиссиях, партбюро и партсобраниях, учиняемых в инженерно-строительном институте, исключённый из партии и уволенный из института, я попросил Мясникова о встрече, чтобы в рамках провозглашаемой партийной демок-

ратии прояснить свою позицию в отношении этой самой «непартийной оценки» и попытаться убедить его в правильности своих взглядов.

В назначенное время, пройдя через милицейский кордон и недоброжелательно испытующий взгляд секретаря приемной, доложившей ему о моём визите, вхожу в огромный кабинет с длинным столом сбоку для проведения всевозможных планёрок и заседаний.

Сам Георг Васильевич восседал за массивным столом, стоящим в углу на постаменте, высотой сантиметров в пятьдесят.

Сразу же мелькнула мысль: вот они «слуги» народа, даже стол себе придумали такой, чтобы демонстративно возвышать себя перед присутствующими, вызывая тем самым трепет и почтение перед властью.

Поздоровавшись, стою у порога, жду приглашения сесть. Молчание. Что-то пишет. Жду, когда всё же обратит на меня внимание.

Через минуту другую, после сознательно затягиваемой паузы, призванной унижить человека, поставить его на место, наконец, оторвался от дум, артистично воздел на лоб очки и явно подготовленный к встрече, с издёвкой в хорошо поставленном голосе, с барским высокомерием, обращаясь на «ты», спросил: «Что, диссидент у нас в области появился? Ты что же, против развитого социализма студентов настраиваешь, не согласен с Программой партии и награждениями Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева?»

Подавляя острую неприязнь к нему из-за хамского тона, из-за того, что он даже не предложил мне сесть, я попытался было вывести его на спокойное размышление об острейших политических проблемах партии и общества.

– Георг Васильевич, о каком развитом социализме

может идти речь, когда в магазинах пустые полки и чтобы купить колбасу или масло, надо отстоять огромные очереди, а согласно Программе КПСС мы уже должны жить при коммунизме и всё общественное богатство должно литься полным потоком.

Где он, этот развитой социализм, и где он, этот поток? Менять надо программу и реально смотреть на существующие провалы в экономике. И что это за свобода у нас, если я не могу открыто сказать об имевшихся проблемах.

Гневно глядя на меня, едва сдерживая себя, чтобы не вскочить со своего высокого кресла, он вскричал: «Ты против линии партии выступаешь, и тебе не место в ней. И правильно поступила партийная организация института, исключив тебя из наших рядов. Тебе советская власть дала всё: ты получил бесплатно высшее образование, защитил диссертацию кандидата философских наук, и ты против этой власти! Всё, до свидания, дискутировать с тобой я не намерен».

Я понял, что размышлять с этим человеком, наслаждающимся властью и опьянённым ею, бессмысленно. Молча повернулся и вышел, понимая всю безнадежность своего положения. И начались мои мыканья по жизни. Месяцев семь меня рабочим нигде не хотели брать. Даже в Сибири и на Украине, как только узнавали, что я кандидат философских наук и исключён из партии. Лишь после обращения в ЦК КПСС мне позволили устроиться на работу юрисконсультom за 15 км от Пензы на комбинат хлебопродуктов, эшелонами принимающий зерно из США, Канады и других капиталистических стран, чтобы прокормить население области.

Там, под приглядом КГБ, в условиях «развитого» социализма, начались годы фактической ссылки и полной безнадежности выйти из этого порочного круга.

И вот, по происшествии 30 лет, с негодованием и отвращением читаю записи в засекреченных дневниках этого «вольнодумца» по тайному дневнику, а не на деле, где он с болью пишет о беспросветной нужде народа.

В рамках своего должностного положения он внешне убежденно защищал этот строй, который дал ему возможность обрести себя и материально, и социально, и духовно в рамках насаждаемой идеологии и морали, но в ущерб своей нравственности и совести.

В любом обществе, с любым общественным строем существует неизбывная форма социального дарвинизма, побуждающая людей приспособливаться к условиям общественного бытия и общественного сознания.

И самые сильные, изворотливые, циничные, лживые, не знающие совести люди, но далеко не самые умные из них, достигают вершин в той или иной сфере деятельности, и особенно во власти, которая всей мощью государства принуждает безвольные массы к подчинению. Файл Евгений Брейдо в переписку знаков 1700

Евгений Брейдо, писатель, Бостон, США:

Читаю Ваш журнал. Обе книжки очень интересные и разные. Просто навскидку некоторые впечатления.

Совершенно восхитительна полнота среза интеллектуальной жизни: политическая публицистика, культурология, филология, социология, психология, разнообразные увлекательные мемуары, искусство, поэзия и проза. Статья Щукина про локальный текст, продолжающая идею «Петербургского текста» В. Н. Топорова, кажется мне очень удачной, и его статья о Белинском, тандемная для журнала, весьма и весьма хороша.

Ваша концепция тревожности, созвучная многим культурно-психологическим конструкциям века, начинающая с гумилевской пассионарности и далее сквозь Фрей-

да к адлеровскому определению власти, свежа и необычна, равно как и все «политическое» прочтение «Годунова». Замечательно!

Я никогда не занимался этой эпохой как историк, но при художественном осмыслении трудно объяснить некоторые детали поведения Петра, не предположив, что при воцарении Романовых были определенные соглашения между патриархом Филаретом (за сына и новую династию) и боярством, которые последние нарушили в годы малолетства Петра Первого.

В рассуждениях о модернизации и реформах интересен, по-моему, аспект мотивации. Все-таки единственная по-настоящему успешная модернизация, осуществленная Петром Великим, была сильно мотивирована.

Помимо гениального, хотя и безумно жестокого даже для того века исполнителя, ее успех был предопределен возможностями, открывшимися для большого класса новых игроков из дворян и купечества, возможностями, неразрывно связанными с ростом могущества государства.

Прочел стихи Маши Сакович. Очень живые, искренние, легкие (вторая подборка понравилась больше первой), неровные, с разными огрехами, но это не мешает.

Зато ощущается дыхание молодости и Божьего дара. Много трехсложников и основанных на них дольников – некрасовские, кольцовские размеры.

Хороши, по-моему, «Безупречной любви не бывает», «И мы никогда не будем равны», «Люди друг друга теряют, находят» (кроме последней строчки – банальна) и дальше все в этой подборке, кроме «про кота» и «люблю тебя, кота и кофе» (эти слабее), зато замечателен конец последнего «Чтобы любить дождь / Нужно иметь зонт».